



Магомедов Н. А.

**Взаимоотношения народов
Южного Дагестана и Азербайджана
в XVIII – первой половине XIX в.**

**(экономический, политический
и культурный аспекты)**



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

МАГОМЕДОВ Н.А.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАРОДОВ
ЮЖНОГО ДАГЕСТАНА
И АЗЕРБАЙДЖАНА
В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.
(ЭКОНОМИЧЕСКИЙ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ)

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН



instituteofhistory.ru

МАХАЧКАЛА – 2004

ББК-63.3 (2 Р – 6 Д)
М 12

Магомедов Н.А. Взаимоотношения народов Южного Дагестана и Азербайджана в XVIII – первой половине XIX в. (экономический, политический и культурный аспекты). – Махачкала, 2004. – 192 с.

Научный редактор:

доктор исторических наук **Б.Г.Алиев**

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор **А.Р.Магомедов**

кандидат исторических наук **Е.И.Иноземцева**

В монографии рассматривается широкий спектр взаимоотношений народов Южного Дагестана с Азербайджаном в XVIII – первой половине XIX в. в области экономики, политики и культуры. Показаны основные торговые пути и экономические центры, влияние торгово-экономических взаимоотношений на экономическое и культурное развитие народов региона. Воссоздана широкая панорама совместной героической борьбы народов Азербайджана и Дагестана против нашествия Надиршаха. Показаны роль и место региона во внешней политике соперничавших за сферы влияния на Кавказе России, Турции и Ирана на рубеже XVIII – XIX вв. Раскрыт характер выступлений народных масс Южного Дагестана и Азербайджана в 30 – 40-е гг. XIX в. Освещены взаимовлияния народов региона в области материальной культуры, устного народного творчества, литературы и науки.

Работа рассчитана на историков, преподавателей и студентов вузов, средних и специальных учебных заведений, а также на широкого читателя.

© Магомедов Н.А.

**Посвящаю светлой
памяти моей матери
Сусан-Ханум.**

"Отношения между народами всегда принадлежали и принадлежат к категории сложнейших и тонких проблем общественной науки".

(чл.-корр. РАН Ю.А.Жданов)

"Сегодня, как никогда нужна новая история – рассказ не о войнах и завоеваниях, а об обмене знаниями, идеями, ремеслами. В истории меньше крови, а больше дружбы, потому что, если бы было наоборот, история давно бы кончилась".

(акад. РАН Б.Б.Пиотровский)

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**



instituteofhistory.ru

ВВЕДЕНИЕ

Системные последствия распада СССР, процесса суверенизации бывших его республик, краев и областей выразились в изменении геополитического, геокультурного и этнокультурного образа всей России и важнейшей его составляющей – Северокавказского региона и Дагестана в том числе. Еще вчера жившие в едином экономическом, политическом и социокультурном пространстве народы Великого многонационального государства оказались по разные стороны новых границ. Заметно обострились межнациональные отношения, как одно из самых уязвимых мест мозаичного социокультурного пространства. Во многом под влиянием событий последнего десятилетия XX века внимание историков оказалось сосредоточенным вокруг драматических периодов прошлого, в отечественной литературе не преодолена до сих пор, скорее усилилась, и традиция монографического изучения отдельных народов. А сегодня, как никогда, нуждаются в изучении мирные страницы истории регионов, процессы взаимодействия этносов, факторы, определяющие их мирный, неконфликтный характер.

В сложившихся условиях особую актуальность приобретает фундаментальная реконструкция многовековых разносторонних взаимоотношений народов-соседей, связанных общностью исторических судеб, единством основных этапов исторического процесса, условиями постоянного диалога культур, экономической взаимозависимостью. Эта проблема имеет прямой выход на современные геополитические процессы, происходящие на Кавказе, когда Дагестан и Азербайджан оказались разделены государственной границей, когда назрела настоятельная необходимость обдуманного и трезвого подхода ко всему многообразию проблем взаимоотношений народов многонациональной Российской Федерации с сопредельными народами.

Эта тема важна не только в теоретическом плане, но и в плане создания строго продуманной, научно сбалансированной концепции государственной политики, призванной регулировать развитие исторически сложившихся, традиционных экономических, политических и культурных связей с сопредельными народами, объединенными вековой общностью исторических судеб, какими являются народы Южного Дагестана и Азербайджана.

Истоки торгово-экономических, политических и культурных взаимоотношений народов Южного Дагестана и Азербайджана уходят в глубь веков и обусловлены рядом исторических, естественно-географических, этнографических и др. факторов.

Контакты народов Южного Дагестана и Азербайджана проявлялись прежде всего в производственной деятельности, обмене и торговле, то есть в тех сферах, от которых зависело жизнеобеспечение этих народов. Экономически Южный Дагестан особенно тяготел к Северному Азербайджану. Южнодагестанцы традиционно использовали зимние пастбища на территории Северного Азербайджана. Азербайджанцы пользовались летними пастбищами рутулов и цахуров. Эта взаимозависимость обеих сторон нашла отражение во многих преданиях, например об образовании высокогорного сел. Куруш.

Развитие в контактной зоне двуязычия (родной и азербайджанский) создавало дополнительные возможности для взаимодействия народов как в хозяйственной сфере, так и культурной. Коммуникативная компетентность народов региона была достаточно высокой, что подразумевает не только возможность общения на понятном для всех языке, но и знание обычаев, особенностей хозяйственной деятельности, материальной и духовной культуры: процесс взаимодействия национальных культур, их взаимного обогащения весьма сложен.

Историческая память народов, как известно, достаточно серьезно влияет на их взаимоотношения. У народов Южного Дагестана и Азербайджана она не была отягчена воспоминаниями о непреодолимых противостояниях. Напротив, в многовековой борьбе за независимость у народов региона сложились прекрасные традиции взаимопомощи. В процессе антииранского движения в первой половине XVIII в. народы Азербайджана и Дагестана осознали силу и величие народного единения в борьбе с общим врагом. Сегодня, когда пагубный процесс дезинтеграции глубоко пронизывает наше общество, как никогда неопценим опыт истории для того, чтобы правильно и глубже понять и расценить явления современной общественно-политической жизни.

Историко-культурная общность народов, генетическое единство основных культурных и общественных институтов, а также позднейших форм бытового уклада, взаимосвязанность исторических судеб, единство основных этапов исторического процесса и предопределило развитие разносторонних, взаимообусловленных, взаимовыгодных и жизненно необходимых связей между народами Южного Дагестана и Азербайджана.

Главным исследовательским замыслом предоставленной вниманию читателей монографии является, основываясь на всестороннем анализе разнохарактерных исторических источников, учитывая накопленный опыт отечественной и азербайджанской историографии, воссоздать наиболее полную и достоверную картину экономических, полити-

ческих и культурных взаимоотношений народов Южного Дагестана и Азербайджана в XVIII – первой половине XIX в., во всей их сложности и многогранности.

В рамках поставленной цели автор попытался решить следующие задачи:

- на конкретно-историческом материале показать развитие взаимообусловленных, взаимовыгодных, жизненно-необходимых экономических связей народов Южного Дагестана и Азербайджана, раскрыть характер, место и роль торговых взаимоотношений в их социально-экономическом развитии;
- воссоздать широкую панораму героической борьбы народов региона против нашествия Надир-шаха;
- показать Южный Дагестан и Азербайджан во внешней политике России, Турции и Ирана на рубеже XVIII-XIX вв.;
- раскрыть характер выступлений народных масс региона в 30-40^е гг. XIX в.;
- осветить взаимовлияния народов Южного Дагестана и Азербайджана в области материальной культуры, устного народного творчества, литературы и науки.

Монография охватывает период XVIII – первой половины XIX в., который является судьбоносным как в развитии геополитической обстановки на Восточном Кавказе, связанной с активизацией кавказской политики шахского Ирана и османской Турции и ростом разносторонних отношений народов региона с Россией, так и в развитии взаимоотношений народов между собой. Это был качественно новый, цельный этап в политической, экономической и культурной истории Восточного Кавказа в целом, народов Южного Дагестана и Азербайджана – в частности, надолго определивший их судьбу и закончившийся фактическим и юридическим присоединением их к России.

Следует отметить, что история народов Дагестана и Азербайджана традиционно привлекала пристальное внимание отечественного кавказоведения. Целенаправленное же изучение социально-экономического облика и политического состояния региона началось, пожалуй, со времени подготовки Каспийского похода Петра I.

Посланцы русского правительства, обследовавшие Прикаспий, а также ученые сопровождавшие Петра I в "Персидском" походе, оставили описания, чертежи, дневники и записи своих наблюдений.¹ В этих работах собран и систематизирован ценнейший фактический материал и по исследуемой нами проблеме, требующей, при всем этом, к себе критического подхода. Следует помнить, однако, что эти работы скорее от-

носятся к первоисточникам, нежели к собственно историческим исследованиям.

Более высоким требованиям историографической науки отвечают исследования, опубликованные в конце XIX – начале XX века. Так, в трудах П.Г.Буткова, Ф.Ф.Симоновича, И.Т.Дренякина и др. содержатся не только ценные сведения по проблеме, но и попытки прийти к определенным оценкам и выводам.²

Особо следует выделить трехтомное сочинение академика П.Г.Буткова, подготовленное к публикации специальной комиссией Академии наук в составе Б.Дорна, А.Куника, В.Вельяминова-Зернова, М.Бросса.³ Известно, что автор этого сочинения довольно продолжительное время служил на Кавказе, участвовал в походах войск в период русско-турецкой войны 1791 г. на черноморском побережье и в походе В.Зубова в Закавказье в 1796 г. В период пребывания на Кавказе, личное знакомство с его народами пробудило интерес П.Г.Буткова к историческому прошлому народов региона. Тогда же он приступил к сбору фактического материала. В его труде собран и систематизирован огромный фактический материал, выявленный им из различных архивов, прессы и других источников за 1722–1803 гг. Однако 80-летняя история освещена им неравномерно. Больше всего сведений о Дагестане и Азербайджане относятся к 1722-1735 гг. и 1774-1803 гг. В основном эти материалы освещают политику России на Кавказе и русско-кавказские отношения. Значительно меньше сведений о социально-экономическом развитии народов Кавказа. В работе имеются лишь отрывочные данные о предмете наших исследований. Ценность работы П.Г.Буткова снижается еще и тем, что сам автор не сумел окончательно обработать и подготовить собранный им материал к изданию.

И тем не менее изданное в 1869 г. после смерти автора трехтомное сочинение содержит большое число очень ценных материалов, требующих однако к себе критического подхода.

В 1823 г. издано сочинение участника похода русских войск в Закавказье 1796 г. С.Броневского⁴, написанное на основе большого фактического материала. В нем, как подчеркивает сам автор, широко использованы сочинения русских и западноевропейских путешественников. Первый том посвящен физико-географическому и этническому описанию Кавказа. Здесь для нас особый интерес представляет описание численности населения Дагестана и Азербайджана отдельно по городам. Автор очерчивает границы, приводит описание занятий населения, сведения о ремесленных заведениях, о торговле и доходах ханств в конце XVIII в.

Значительные сведения о населении, хозяйстве, торговле населения Дагестана и Азербайджана содержат труды акад. С.Г.Гмелина⁵, И.А.Гюльденштедта⁶, оставивших нам ряд ценных сведений, в том числе и об архитектурных памятниках, о денежном обращении и т.п.

Профессор Казанского университета Э.И.Эйхвальд составил краткое описание Дербента и Южного Дагестана, в которых мы обнаруживаем его ценные наблюдения по культуре проживающих здесь народов, а именно: описание домостроений, ряда крепостей с башнями, остатки которых еще сохранялись во время его пребывания в регионе и др.⁷

Большой интерес для освещения культурного развития народов изучаемого нами региона представляют записки П.Заболоцкого, врача по специальности, участника экспедиций по исследованию берегов Каспийского моря. Здесь мы находим интересующие нас сведения о быте, художественных промыслах, о численности населения, описание мечетей, домостроений и т.п.⁸

С 1830 по 1834 гг. в Дербенте жил писатель-декабрист А.А. Бестужев-Марлинский. Написанные им здесь очерки и рассказы содержат важные сведения по исследуемой теме, которые вводят читателя в культурный мир народов Южного Дагестана и Азербайджана. Так, в своем произведении "Красное покрывало" он подчеркивает, что с азербайджанским языком "как с французским в Европе, можно из конца в конец пройти всю Азию"⁹.

Ценным пособием для исследования поставленной перед нами проблемы является работа известного русского востоковеда И.Березина "Путешествие по Дагестану и Закавказью"¹⁰. Здесь в специальной главе, озаглавленной "От Дагестана до Кубы" дан исторический очерк. Особенно большой интерес представляют главы, посвященные описанию занятий народов Южного Дагестана и Северного Азербайджана.

Среди работ 40-60-х гг. XIX в. следует отметить обстоятельный труд П.Петухова "Очерк Кайтаго-Табасаранского округа" (Кавказ. 1867. №78), при написании которого автор широко использовал находившиеся в его распоряжении данные статистики и собственные разносторонние наблюдения.

История взаимоотношений народов Дагестана и Азербайджана в изучаемый нами период нашло отражение в многочисленных работах акад. Н.Дубровина.¹¹ В его многотомном сочинении "История войны и владычества русских на Кавказе" и в др. работах в основном освещается политическая история народов региона. Довольно подробно в них показаны взаимоотношения народов Дагестана с другими народами Кавказа и Закавказья, их отношение к России.

Некоторые интересующие нас данные содержатся в работах В.Потто.¹² Эти работы носят в значительной степени описательный характер: они посвящены описанию военных действий в Прикаспии и дипломатических отношений между Россией и странами региона. Что касается проблем социально-экономического развития населения, в упомянутых работах В.Потто эти вопросы оказались по существу обойденными. Однако в них содержится фактический материал, имеющий непосредственное отношение к освещаемой в монографии проблеме.

Существенный вклад в изучение культурных взаимоотношений народов Дагестана и Азербайджана внесли труды А.В.Комарова¹³, служившего градоначальником Южного Дагестана. В своей работе "Народонаселение Дагестанской области" он приводит сведения о границах расселения азербайджанцев в Южном Дагестане, о их совместном быте, культурных взаимосвязях.

Большие заслуги в изучении истории Южного Дагестана и Азербайджана принадлежат Е.И.Козубскому. Его труды широко интерпретируют ряд важных проблем по экономике, культуре и политической истории народов изучаемого нами региона. Однако предпочтение он отдает описанию событий политической истории, в то время как вопросы социально-экономического развития оказались обойденными.¹⁴

Особого внимания заслуживают труды местных дагестанских и азербайджанских авторов. Сочинение выдающегося азербайджанского историка А.-К.Бакиханова "Гюлистан-и Ирам"¹⁵ имеет большое значение для изучения связей народов Дагестана и Азербайджана. Это крупнейшее произведение по истории Ширвана и Дагестана с древнейших времен до начала Кавказской войны, составленное на основе малодоступных рукописей, извлеченных из сочинений восточных авторов. Ценность этого произведения и в том, что А.-К.Бакиханов непосредственно сам побывал в Южном Дагестане, собрав обширный фактический материал на местах.

Невозможно переоценить и труд "Асари Дагестан" дагестанского автора Г.-Э.Алкадари¹⁶, знатока арабского и турецкого языков, много сделавшего по сбору исторических сведений о горцах Дагестана, посвятившего себя созданию истории горного края с древнейших времен.

Так же как и А.-К.Бакиханов, Г.-Э.Алкадари в своем труде уделил большое внимание внутренним и внешним политическим событиям, династической истории ханов, беков, а также политике противоборствующих на Кавказе держав. Ценен этот труд и наличием в нем важных для нас сведений о культурных традиционных взаимосвязях народов Южного Дагестана и Азербайджана.

Советская историография представлена фундаментальными исследованиями, где освещаются те или иные аспекты истории народов Южного Дагестана, в том числе и их взаимоотношения с народами Азербайджана.

М.Н.Покровский впервые затронул проблему восточной политики России в "Русской истории с древнейших времен", считая, что противоречия между Россией и ближневосточными державами являлись порождением только экономической политики царской России на Кавказе, в частности ее борьбой за господство в "области шелковой торговли".

Непосредственным отражением концепции М.Н.Покровского явились труды Е.С.Зевакина и М.А.Полиевктова, которые в определенной степени помогают восстановить картину экономического состояния феодальных владений Западного Прикаспия и политики петровской России в этом регионе.

Многие аспекты истории Азербайджана и Дагестана отражены в работах академика В.В.Бартольда, в лекциях, прочитанных им в Азербайджанском государственном университете (Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира).

Вопросы политического устройства Дербентского владения, история его объединения с Кубинским ханством, роль Дербента в развитии прикаспийской торговли достаточно полно раскрыты в работах И.П.Петрушевского.¹⁷

Большой интерес представляет монография Н.А.Смирнова, в которой прослеживаются и освещаются вопросы становления и развития связей народов Кавказа с Россией, раскрывается кавказская политика царизма, освещаются стратегические планы Ирана и Турции в борьбе за овладение Кавказом, показывается вмешательство западных держав в эту борьбу.

Высоким требованиям отечественной исторической науки отвечают исследования А.В.Фадеева, освещающие кавказскую политику Российской империи, раскрывающие характер, цели, содержание и методы ее реализации.

В монографии В.П.Лысцова, посвященной изучению экономических и военно-политических предпосылок похода Петра I в Прикаспий, делаются интересные наблюдения о развитии экономики края, затрагиваются вопросы торгово-экономических взаимоотношений народов Южного Дагестана и Азербайджана.¹⁸

История региона периода нашествий на Кавказ Надир-шаха нашла отражение в содержательных, основанных на богатом разностороннем фактическом материале работах М.Р.Аруновой и К.З.Ашрафян.¹⁹

Вопросы социально-экономической жизни, характерные особенности позднесредневекового города Закавказья, типы ремесленного производства, состояние городского купечества, а также история антифеодальных народных движений и освободительной борьбы народов Азербайджана и Дагестана освещаются в ряде работ А.П. Новосельцева²⁰, в которых содержатся весьма полезные для нашего исследования наблюдения и выводы.

Из работ советской историографии, особо следует отметить монографическое исследование О.П.Марковой "Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в." (М., 1966). В ней на большом архивном и литературном материале дано освещение истории русско-кавказских отношений, раскрыто соперничество западноевропейских держав в кавказских делах, охарактеризованы договоры, подписанные между Россией, Ираном и Османской Портой в XVIII в. Особо ценной для нашего исследования является вторая глава работы, в которой рассматриваются торгово-экономические отношения в XVIII в. в Прикаспии.

Небезынтересна для нас и монография военного историка Х.М.Ибрагимбеги²¹, в которой в той или иной мере освещаются и вопросы международного положения Южного Дагестана в изучаемый нами период.

Монография Л.С.Семенова²² ценна тем, что в ней освещена не одна дипломатическая история изучаемой проблемы, а охвачен весь комплекс дипломатических и экономических отношений между Ираном и великими державами на Среднем Востоке в 20-х годах XIX в. Вызывает большой интерес совершенно новая трактовка автором выработки плана военной кампании русско-иранской войны 1827 г., когда столкнулись два проекта – генерала И.Ф.Паскевича и А.П.Ермолова.

Большой интерес представляет также работа Н.С.Киняпиной²³, где прослежена дипломатическая история русско-иранской войны 1826-1828 гг. Автор убедительно раскрывает историю дипломатической борьбы между Ираном и Англией с одной стороны, и царской Россией – с другой, в период между двумя войнами (1813-1826 гг.). Не менее удачно Н.С.Киняпина рассматривает специальные военно-политические и стратегические вопросы темы на Кавказе.

Значительное место в изучении истории политического и социально-экономического развития Южного Дагестана и его роли в истории Дагестана принадлежит отечественным дагестановедам: Р.М. Магомедову, А.И. Тамаю, С.Ш. Гаджиевой, В.Г. Гаджиеву, М.М. Ихилу, А.Р. Шихсаидову, Х.Х. Рамазанову, А.А. Кудрявцеву, С.С. Агашириновой, Р.С. Шихсаидовой, М.Р. Гасанову, Б.Г. Алиеву, М.-С. К. Умаханову и др.

Из трудов дагестанских исследователей, затрагивавших политические взаимоотношения народов Южного Дагестана и Азербайджана XIII – нач. XIX в. особого внимания заслуживает работа В.Г.Гаджиева "Роль России в истории Дагестана" (М.: Наука, 1965). В ней нашли обстоятельное освещение Каспийский поход Петра I и его последствия для народов Дагестана. Дается характеристика объединительной политики Фатали-хана и взаимоотношений последнего с Россией. Особо ценными для нашего исследования являются разделы монографии, освещающие Дагестан, в том числе южную его часть, в русско-иранских и русско-турецких отношениях. В других работах В.Г.Гаджиева²⁴, рассматриваются вопросы социально-экономической и политической истории народов Южного Дагестана и Северного Азербайджана в XVIII в., а также история борьбы народов Северо-Восточного Кавказа против иранского владычества.

Ценный фактический материал, интересные наблюдения и выводы по истории Дагестана XVIII в. в первой пол. XIX в. содержит совместный труд Х.Х.Рамазанова и А.Р.Шихсаидова "Очерки истории Южного Дагестана", где сделана довольно успешная попытка раскрыть и показать место Южного Дагестана в планах великих держав, дать анализ событий объединительной деятельности Фатали-хана и др.

Ряд важных вопросов истории политического и социально-экономического развития средневекового Южного Дагестана затронуты также в труде М.М.Ихилова "Народности лезгинской группы" (Махачкала, 1967). Ценным вкладом в разработку проблемы следует считать работу Ф.З. Феодаевой²⁵, где рассматриваются политические и экономические взаимоотношения Южного Дагестана с Азербайджаном и Россией, раскрывается его место в системе дагестанских феодальных владений в изучаемый нами период.

Непосредственное отношение к исследуемой нами проблеме имеют статьи Р.С.Шихсаидовой, посвященные взаимоотношениям Дагестана с Азербайджаном в XVII – начале XIX в., в которых впервые в дагестанской историографии делается удачная исследовательская попытка на конкретном материале осветить торгово-экономические и культурные связи народов Дагестана и Азербайджана.²⁶

В 90-е гг. отечественное кавказоведение обогатилось интересными исследованиями Н.А.Сотавова²⁷, в которых на основе широкого круга источников, раскрываются стратегические замыслы великих держав на Кавказе, в которых немаловажное место отводилось Дагестану, в частности, Южному Дагестану.

К этому же времени относится издание работы Г.А.Джахиева²⁸, в

которой освещаются вопросы политики Турции, Ирана и России на Северном Кавказе, освободительной борьбы народов Дагестана. Причем, автор уделяет большое место Южному Дагестану как важному стратегическому региону, игравшему большую роль в стратегических планах противоборствовавших держав.

Ряд вопросов истории взаимосвязей табасаранцев с народами Азербайджана и Закавказья затронуты в работах М.Р.Гасанова.²⁹

Немаловажен для нас и квалификационный труд М.-С.К. Умаханова, посвященный исследованию экономической, политической и культурной интеграции народов Дагестана в XVII – начале XIX в.³⁰

В недавно опубликованной монографии Б.Г.Алиева и М.-С.К. Умаханова³¹ мы обнаруживаем очень важный для нашего исследования информативный материал о природно-географическом и историко-географическом положении, территории, границах, населении, его этническом составе, расселении, численности, основных населенных пунктах, исторической экономической географии, исторической политической географии Южного Дагестана в целом и его политических структур.

Невозможно переоценить вклад дагестанских этнографов (Гаджиева С.Ш., Агаширинова С.С., Мусаев Г.М. и др.) в разработку проблем материальной культуры народов Южного Дагестана и Северного Азербайджана

В работах профессора С.Ш.Гаджиевой, написанных на основе литературного, полевого и архивного материала, исследуется история, культура и быт дагестанских азербайджанцев и этнической группы – дагестанские терекменцы.³²

Так, в историко-этнографическом исследовании С.С.Агашириновой "Материальная культура лезгин. XIX – начало XX в." (М., 1967) как части территории лезгин даны и северные районы нынешнего Азербайджана, где проживают лезгины.

Большое значение для освещения культурных связей народов Южного Дагестана и Азербайджана, которые зародились еще в древности и развивались в русле активнейшего взаимовлияния и взаимообогащения, имеют труды дагестанских ученых, как специально посвященных освещению различных аспектов проблемы культурного развития тех или иных народов Южного Дагестана, так и общих. Среди этих исследований особое место, несомненно, принадлежит работам Г.Ш.Каймаразова (Очерки истории культуры народов Дагестана. М., 1971).

Немаловажное значение для освещения поставленной перед нами проблемы имеют работы С.О.Ханмагомедова, который провел квали-

фицированное исследование сохранившихся средневековых сооружений на территории Южного Дагестана, в частности, в Дербенте, а также изучение народной архитектуры народов Южного Дагестана, в частности лезгин и табасаранцев.³³

Проблемы средневекового города, путей его сложения и динамика развития, трактовки города как явления экономического и социального привлекают в последнее время пристальное внимание специалистов. Впервые проблемы дагестанского феодального города были исследованы на материалах Дербента – одного из крупнейших городов средневекового Кавказа А.А.Кудрявцевым.³⁴ Многолетнее комплексное историко-археологическое исследование Дербента позволило выявить основные этапы и закономерности становления дагестанского феодального города, его роль в процессах феодализации и урбанизации местного общества, охарактеризовать уровень экономического и социального развития. Сопоставление его с крупнейшими средневековыми памятниками Западного Прикаспия позволило сделать вывод о том, что феодальный Дербент представлял собой наиболее характерный образец городов определенного типа, сложившегося на Северо-Восточном и Восточном Кавказе в важнейших центрах Прикаспийского торгового пути, что, в свою очередь, позволило дать классификации городов средневекового Дагестана и выделить особый тип кавказского феодального города, сформировавшегося в Западном Прикаспии в силу специфики исторического развития приморского Дагестана и Азербайджана.

Следует отметить монографию М.А.Абдуллаева, в которой исследуется развитие передовой философской мысли Дагестана в XIX в.³⁵, работу Аликишиева Р.Ш., посвященную истории здравоохранения в стране гор.³⁶

Для исследования культурных связей народов Южного Дагестана и Азербайджана в области литературы, поэзии и фольклора большое значение имела уже давно опубликованная специальная статья А.Назаревича³⁷, а также работы Ф.Вагабовой³⁸, Г.Гашарова³⁹ и др.

В нашей работе мы нередко обращались и к трудам азербайджанских ученых, где в той или иной мере освещались различные аспекты изучаемой нами проблемы.

В 1958 г. в Баку была издана монография Г.Б.Абдуллаева "Из истории Северо-Восточного Азербайджана в 60-80-е гг. XVIII в.", в которой на большом фактическом материале освещена история образования ханств как в Дагестане, так и в Азербайджане. Значительно больше сведений по социально-экономической истории Восточного Кавказа содержатся в его исследовании "Азербайджан в XVIII в. и его взаимоот-

ношения с Россией" (Баку, 1965) и др.

Интересные факты и верные наблюдения, позволяющие осветить внешнеполитическое положение Азербайджана и Дагестана содержат ценные исследования проф. Ф.М.Алиева.⁴⁰ В работе, посвященной изучению дипломатической деятельности в Азербайджане в 1716-1718 гг. А.П.Волынского, имеются важные сведения по интересующим нас вопросам. В монографии хорошо показана борьба народных масс Азербайджана и Дагестана против агрессии Надир-шаха.

Весьма полезным для нашей работы является также раздел монографии, посвященный описанию возникновения самостоятельных феодальных образований в Азербайджане в середине XVIII в.

Немаловажный интерес представляет собой работа Дж.М.Мансурова⁴¹, в которой на основе анализа многочисленных архивных материалов освещена внутривосточная обстановка ханств Северного Азербайджана, а также Дербентского владения на рубеже XVIII – XIX в., их политические связи с Россией и др.

Проблемам возникновения, динамики развития, внутренней структуры, экономического становления и культурной жизни городов Северо-Восточного Кавказа феодальной поры посвящены работы С.Б.Ашурбейли⁴² и М.Х.Гейдарова.⁴³ Эти работы позволяют выявить общее и особенное, провести весьма близкие, характерные параллели в структуре и динамике развития Дербента и ряда наиболее значительных городов Азербайджана.

В нашей работе не мало места отведено трудам, посвященным истории всего азербайджанского народа. Это, прежде всего, "История Азербайджана" (Баку, 1958); "Народы Азербайджанской ССР" // Народы Кавказа (из серии "Народы мира". Т. II) (М., 1962); исследования А.С. Сумбатзаде, Н.А.Баскакова, З.М.Буниятова, Г.А.Гулиева, Ю.Б. Юсифова и многие другие.

Определенные итоги изучения истории взаимосвязей народов Южного Дагестана и Азербайджана в изучаемое нами время были подведены и в обобщающих трудах по истории Дагестана и Северного Кавказа.⁴⁴

Приведенный выше очерк историографии проблемы показывает, что работы досоветских и советских историков, востоковедов, археологов, этнографов, архитекторов, литературоведов, фольклористов и др. внесли весомый вклад в изучение основных вопросов истории развития разносторонних взаимообусловленных отношений народов Южного Дагестана и Северного Азербайджана. Однако специального комплексного исследования данной проблемы до сих пор не проводилось.

В работе мы широко использовали материалы местных и цен-

тральных архивов.

Источниковая база представленного вниманию читателя исследования основана на широком круге различных по характеру и информативной ценности материалов, почерпнутых из центральных и местных архивохранилищ, как вошедших в известные публикации, так и извлеченных и введенных в оборот автором монографии и другими исследователями, сочинений непосредственных очевидцев и участников событий, исторических хроник, вещественных, эпиграфических и полевых материалов.

Особую ценность представляют архивные источники, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи. Самым важным и объемным является фонд 77 "Сношения России с Персией". Отложившиеся в нем материалы отражают многосторонние взаимоотношения этих двух государств на протяжении нескольких столетий.

Следует отметить, что в Рукописном фонде Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН хранится большое количество материалов, выявленных как в центральных архивах Москвы и Санкт-Петербурга, так и в архивах Азербайджана и Грузии. Нами использованы заверенные копии документов, извлеченные из этих архивохранилищ дагестановедами.

Ценнейшие документы местного происхождения хранятся в Архиве Республики Дагестан (ГАРД). Наибольший интерес для нашего исследования представляет комплекс письменных источников "Кизлярского комендантского архива" (1720-1917 гг.), из которого нами использованы: Ф.18 "Дербентский комендант" (1723-1843 гг.); Ф.379 "Кизлярский комендант и окружной начальник" (1720-1877 гг.).

Извлеченные из этих фондов материалы, представляющие собой документальные источники по широкому кругу вопросов: рапорты комендантов Дербентской и Кизлярской крепостей в центр о политической обстановке в регионе, письма императрицы и представителей российской администрации к Фатали-хану Дербентско-Кубинскому и другим дагестанским владетелям, записи в таможенных журналах Дербента и Кизляра о транзите шелка, хлопка через Дербент и Кизляр и т.п., извлеченные автором, часть из которых опубликованы в сборнике документов, одним из составителей которого он и является.⁴⁵

Большое значение для раскрытия стоящей перед нами проблемы имели изданные в разное время архивные материалы, в частности "Акты, собранные Кавказской археографической комиссией" (АКАК), являющиеся самой крупной публикацией документов в дореволюционный период.

Часть материалов аналитического характера дошла до нас в из-

вестных документальных публикациях, содержащих полные тексты русско-иранского Петербургского договора 1723 г. об уступке Ираном Дагестана и Прикаспийских областей России, русско-турецкого Константинопольского договора 1724 г. о разграничении сфер влияния между Россией и Турцией на Кавказе и в Прикаспии, русско-иранских договоров 1732 и 1735 гг. о поэтапном возвращении Ирану приобретенных Россией территорий в регионе и т.п.⁴⁶

Некоторые материалы, хранящиеся в архивных фондах РГАДА, РГВИА и АВПРИ, вошли в сборник ИГЭД.⁴⁷

В частности, здесь содержатся ценные сведения А.И.Лопухина, И.-Г.Гербера, Ф.Ф.Симоновича, И.Т.Дренякина, А.Г.Сереброва, П.Г.Буткова и др.

Особое значение для нашего исследования имеет фактический материал, вошедший в публикацию о русско-дагестанских взаимоотношениях в XVII – первой четверти XVIII в.⁴⁸ (РДО, 1958).

Несомненный интерес для нас представляет и публикация материалов, сообщений и наблюдений русских и западноевропейских путешественников о политических образованиях Северо-Восточного Кавказа, в частности, о Дербентском владении, осуществленная профессором В.Г.Гаджиевым.⁴⁹

Значительное место в освещении отдельных аспектов истории развития взаимоотношений народов Дагестана с народами Азербайджана занимают русские и западноевропейские источники. Это работы русских ученых, путешественников, представителей кавказской администрации: дневники, описания, воспоминания. Эти памятники представляют собой ценный и содержательный источник, требующий однако к себе очень осторожного, строгого критического отношения. Это труды Ф.И.Соймонова, Дж.Белла, И.И. Голикова, М.Чулкова, И.Лерха, С.Г.Гмелина, Я.Рейнегса.

Первый том корпуса эпиграфических памятников Азербайджана, изданных Мешадиханум Неймат в 1991 г., явился для нас неоценимым источником по исследуемой проблеме. Здесь мы обнаружили свыше четырехсот арабо-персидско-азербайджаноязычных надписей Баку и Апшерона XI – начала XX в. Книга включает значительное количество новых ценных материалов по социально-экономической и политической истории и культуре Азербайджана изучаемого времени.⁵⁰

Поскольку имеющийся в нашем распоряжении фактический материал, а также данные опубликованных письменных источников и сведения исторической литературы не всегда позволяют осветить достаточно полно многие аспекты поставленной проблемы, нам пришлось воспол-

нить этот пробел данными материалов историко-этнографического характера, собранные нами в результате полевых экспедиционных исследований в селах и городах Южного Дагестана и Северного Азербайджана. Полевые этнографические материалы используются в комбинации с письменными источниками, дополняя последние, помогая в проверке их данных.

Таков круг источников, на основе которых написана монография.

¹ Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. (Далее – ИГЭД); Архивные материалы / Под ред. М.О.Косвена и Х.-М.Хашаева. М., 1958. С.6-59; Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. С.52-120; Белл Д. Белевы путешествия через Россию в разныя Асиятския земли; а именно: Испагань, в Пекин, в Дербент и Константинополь. СПб., 1776. Т.I-II; Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваний // Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах. СПб., 1763; Чулков М. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен донныне настоящего и всех преимущественных узаконений. СПб., 1781-1788. Т.1-7.

² Бутков П.Г. Выдержки из "Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем". 1796 г. // ИГЭД; Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД; Дренякин И.Т. Описание Ширвана. 1796 г. // ИГЭД; Серебров А.Г. Историко-этнографическое описание Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С.176.

³ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. Ч.I-III. СПб., 1869.

⁴ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч.2. М., 1823. С.12-13.

⁵ Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе. СПб., 1785. Ч.II.

⁶ Гюльденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из "Путешествия г-на Академика И.А.Гюльденштедта через Россию по Кавказским горам в 1770-1773 годах". СПб., 1809.

⁷ Путешествие профессора Э.Эйхвальда по Каспийскому морю и Каспийскому краю. СПб., 1838.

⁸ Заболоцкий П. Путевые записки из Астрахани, через Кизляр в Баку в 1835 и 1836 г. СПб., 1838. Ч.29. №9.

⁹ Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения: в 2-х т. М., 1981; его же. Повести и рассказы. М., 1976. С.272.

¹⁰ Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью с картами, планами и видами замечательных мест Кавказа. СПб., 1850.

- ¹¹ Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т.1-VI; его же. Поход графа Зубова в Персию. 1796 г. // Военный сб. 1871. №2-6; его же. Закавказье от 1803-1806 гг. СПб., 1866.
- ¹² Потто В. Исторический очерк Кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. Тифлис, 1899; его же. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1885.
- ¹³ Комаров А.В. Народонаселение Дагестанской области (с этнографической картой) // ЗКОИРГО. Тифлис, 1873. Кн.8; его же. Списки населенных мест Дагестанской области // СССК. Тифлис, 1869. Т.1.
- ¹⁴ Козубский Е.И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895. вып.1; 1901. Вып.2; его же. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906.
- ¹⁵ Бакиханов А.К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926.
- ¹⁶ Алкадари Г.-Э. Асари Дагестан. Исторические сведения о Дагестане. Махачкала, 1929.
- ¹⁷ Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений Азербайджана и Армении в XVI-XIX вв. Л., 1949; его же. К вопросу об иммунитете в Азербайджане в XVII-XVIII вв. // Исторический сборник. 1935. №4.
- ¹⁸ Лыцков В.П. Персидский поход Петра I. 1722-1723. М., 1951.
- ¹⁹ Арунова М.Р., Ашрафян К.З. Государство Надир-шаха Авшара. Очерки общественных отношений в Иране 30-40-х годов XVIII в. М., 1958; их же. Антифеодальные движения в империи Надир-шаха Авшара в 40-х гг. XVIII в. // УЗ ИВАН СССР. 1953. Т.VIII.
- ²⁰ Новосельцев А.П. Города Азербайджана и Восточной Армении в XVII-XVIII в. // История СССР, 1959. №1. С.87-108; его же. Освободительная борьба народов Закавказья в XVIII в. // Вопросы истории. 1972. №5. С.110-112.
- ²¹ Ибрагимбеги Х.М. Россия и Азербайджан в I-ой трети XIX в. М., 1969.
- ²² Семенов Л.С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-х годах XIX в. Л., 1963.
- ²³ Киняпина Н.С. Внешняя политика России в I-ой пол. XIX в. М., 1963.
- ²⁴ Гаджиев В.Г. Борьба народов Дагестана против владычества Ирана в начале XVIII в. // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1963. Т.XI; его же. Сочинение И.Гербера "Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся" как исторический источник по истории народов Кавказа. М., 1979; его же. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала, 1996.
- ²⁵ Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения в второй пол. XVIII – нач. XIX в.: Дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1971.
- ²⁶ Шихсаидова Р.С. Из истории дагестано-азербайджанских торгово-экономических отношений в XVII веке // Взаимоотношения Дагестана с народами Кавказа. Махачкала, 1997. С.99-119; ее же. Материалы фонда "Кизлярский комендант" как источник для изучения дагестано-закавказских

взаимоотношений в XVIII – начале XIX в. // Источниковедение истории Дагестана. Махачкала, 1987. С.95-103.

²⁷ Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М., 1991; его же. Крах "Грозы Вселенной". Махачкала, 2000.

²⁸ Джахиев Г.А. Дагестан в международных отношениях на Кавказе. Махачкала, 1991.

²⁹ Гасанов М.Р. Из истории Табасарана XVIII – нач. XIX в. Махачкала, 1978; его же. Очерки истории Табасарана. Махачкала, 1994.

³⁰ Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи народов Дагестана в XVII – начале XIX вв. (Исследование экономической, политической и культурной интеграции народов). Дисс. ... д-ра ист. наук. Махачкала, 1994.

³¹ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX в. (Историческая география Южного Дагестана). Махачкала, 2001. Кн.2.

³² Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекеменцы. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. М., 1990; ее же. Дагестанские азербайджанцы. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. М., 1999.

³³ Хан-Магомедов С.О. Дербент М., 1958; его же. Ворота Дербента // Архитектурное наследие. 1972. №20; его же. Джума-мечеть в Дербенте // Советская архитектура. 1970. №1; его же. Лезгинское народное зодчество. М., 1969; Любимова Г.Н., Ханмагомедов С.О. Народная архитектура Южного Дагестана. Табасаранская архитектура. М., 1956.

³⁴ Кудрявцев А.А. Феодальный Дербент. Пути закономерности развития города в VI – середине XIII в. М., 1993.

³⁵ Абдуллаев М.А. Мыслители Дагестана XIX – нач. XX в. Махачкала, 1963.

³⁶ Аликишиев Р.Ш. Очерки по истории здравоохранения в Дагестане. Махачкала, 1958.

³⁷ Назаревич А. Азербайджано-дагестанские культурно-исторические связи в фольклоре и поэзии Дагестана // УЗ АГУ им. Кирова. 1956. №4.

³⁸ Вагабова Ф. Формирование лезгинской национальной литературы. Махачкала, 1970. С.38.

³⁹ Гашаров Г.Г. Лезгинская ашугская поэзия и литература: Автореф. дисс. ... канд. филолог. наук. Махачкала, 1969.

⁴⁰ Алиев Ф.М. Миссия посланника русского государства А.П.Волынского в Азербайджане. Баку, 1959; его же. Города Северного Азербайджана во 2-й пол. XVII в. Баку,

⁴¹ Мансуров Дж.М. Северные ханства Азербайджана и Россия (конец XVIII – нач. XIX вв.). Баку, 1989.

⁴² Очерки истории средневекового Баку. Баку, 1964.

⁴³ Гейдаров М.Х. Города и городское население Азербайджана XIII – XVII вв. Баку, 1982.

⁴⁴ История Дагестана. М., 1967. Т.1; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.

⁴⁵ Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сб. док. / Сост. В.Г.Гаджиев, Д.-М.С.Габиев, Н.А.Магомедов, Р.С.Шихсаидова, Ф.З. Феодаева / Под ред. В.Г.Гаджиева. М.: Наука, 1988.

⁴⁶ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. (ПСЗ). СПб., 1830. Т.4, 7; Договора России с Востоком, политические и торговые. СПб., 1869.

⁴⁷ История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв.: Архивные материалы / Под ред. М.О.Косвена и Х.-М.Хашаева. М., 1958 (Далее – ИГЭД).

⁴⁸ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв.: Док. и матер. / Составит. Р.Г.Маршаев. Махачкала, 1958 (Далее – РДО, 1958).

⁴⁹ Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII – XVIII вв. / Сост., введ., вступит. статья к текстам и примеч. проф. В.Г.Гаджиева. Махачкала, 1992.

⁵⁰ Неймат М. Корпус эпитафических памятников Азербайджана Арабо-персо-тюркоязычные надписи Баку и Апшерона XI – начала XX века. Баку: Элм, 1991. Т.1.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**



instituteofhistory.ru

ГЛАВА I. ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАРОДОВ ЮЖНОГО ДАГЕСТАНА С АЗЕРБАЙДЖАНОМ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

§ 1. Социально-экономическая характеристика Южного Дагестана в XVIII – первой половине XIX в.

Согласно данным разнохарактерных источников, население Южного Дагестана в XVIII в. занималось, как и в предыдущую эпоху, различными отраслями сельского хозяйства, ремесленным производством и торговлей. Ф.И.Соймонов свидетельствовал: "...между горами и морем находится обширная равнина, многими реками и лесами испещренная, и по ее плодородию бесчисленными населенная деревнями, там имеются хорошие скотские заводы, пашни и сады с изрядными плодами. Сию страну можно почестъ за наилучшую при всем Каспийском море"¹.

При описании уезда Маскат (Мушкур) И.Гербер отмечал, что этот уезд густо заселен, что там много богатых и "хороших деревень", что он "от бога и натуры благословен, хлебопашен", жители его "сеют ... пшеницу, ячмень, пшеница много, к чему ... и пашен довольно имеют"². "Хлебопашенные" уезды Южного Дагестана не только удовлетворяли свои собственные нужды в хлебе, но и вывозили его в соседний Азербайджан. Они "всю Ширвань, Шемаху и часть Дагестани удовольствуют пшеницею, ячменем и пшеном (читай: рисом – Н.М.), которых в сих уездах очень много сеют"³, – писал по этому поводу И.Гербер.

Население Южного Дагестана в XVIII в. занималось больше выращиванием зерновых культур, среди которых преобладали пшеница, ячмень, просо, рис, полба. Особое внимание уделялось выращиванию пшеницы твердых сортов, таких как "сары-бугьда"⁴.

Другим немаловажным занятием населения региона было садоводство, имевшее глубокие древние традиции. Почти во всех источниках XVIII в. с восторгом сообщается о садах и виноградниках приморской части. Так, И.Гербер особо подчеркивая изобилие овощей и фруктов в "уездах" Дербента, отмечал что в лесах здесь "родятся дикие яблоки, груши, орехи грецкие, армуды (айва – Н.М.), сливы и проч. овощи; а особливо во всех лесах растет виноград дикой"⁵. Это – красноречивое свидетельство того, что природные условия края благоприятствовали развитию здесь садоводства. Позднее С.Г.Гмелин отмечал, что "плоды, выращенные в здешних огородах, суть разные породы самых вкуснейших яблок, груш, айвы, также персики, абрикосы, миндаль, инжир и гранаты..."⁶.

Особо отличались сады и виноградники Дербента и его округи, где

велись работы по культивированию лучших сортов винограда, возделыванию шафрана и т.д. А.И.Ахвердов в начале XIX в. отмечал, что виноград здесь "...сам по себе слаще и крупнее всех родов виноградов, так что некоторые ягоды в длину бывают в вершок..."⁷.

Шафран возделывался в Дербенте с глубокой древности и считался наиболее ценной товарной культурой. Его употребляли в пищу как пряность. Он являлся и отличным красителем оранжевого цвета. Использовали его и в качестве лекарства. По словам С.Г.Гмелина из Дербента в Гилян и Шемахе вывозился шафран, "которого здесь сдают очень много и пуд онаго во время собирается по сту рублей продается..."⁸.

Другим важным занятием народов, населявших Южный Дагестан, в изучаемое нами время было животноводство. И для этой отрасли здесь были благоприятные условия: "Луга всегда зеленые, понеже места низкие, и хотя трава в июне и в июле месяце от жаров высыхает, однакож осенью наилучшее опять растет, и цветы через всю зиму цветут, ибо морозов очень мало бывает, чего ради зимним временем из гор множество скотины и баранов пригоняют и все луга ими позаймут, и за оной корм положенные пошлыны платят"⁹.

В предгорье и в горной части оно параллельно с земледелием служило основным занятием жителей. Прекрасные природные условия позволяли жителям круглый год содержать скот на подножном корму. Разводили крупный и мелкий рогатый скот. "Родятся так же в оной стране преизрядные лошади и множество скота" – сообщал в свое время англичанин Джон Белл.¹⁰ Местные феодальные владетели отдавали зимние пастбища горцам Южного Дагестана, за что получали пошлыны. Близость таких городов как Дербент, Хачмас, Худат, Куба и Баку, также стимулировали развитие скотоводства. Эти города получали мясные и молочные продукты из окрестных сел.

Животноводство удовлетворяло потребности не только в мясомолочных продуктах, но и служило источником сырья для домашних промыслов, продукция которых шла как на удовлетворение нужд ее изготовителей, так и на продажу.

В Южном Дагестане, в частности в Дербентском ханстве выращивали хлопок, вырабатывали шелк-сырец, было хорошо развито овцеводство, дававшее много шерсти. Эти виды сырья и служили той основой, на которой развивалось ткацкое производство, имевшее глубокие исторические традиции.¹¹ Одним из важнейших видов ремесла было ковроткачество, художественные традиции которого также уходят в глубь веков. Широкое распространение этого вида ремесла объясняется существованием хорошей сырьевой базы: наличие большого количества паст-

бищ, особенно зимних, способствовало развитию овцеводства и получению высококачественной шерсти. Производство марены и шафрана – великолепных естественных красителей также имело древние традиции. Еще А.Олеарий отмечал, имея в виду Дербент, что "большинство ремесленников составляют ткачи и красильщики или рисовальщики цветов, которые занимались обработкой хлопчатой бумаги и шелка, обрабатывая их довольно искусно в различные ткани и золотые парчи"¹².

Важное место среди традиционных шерстоткацких отраслей ремесла занимало ковроделие, чем занимались женщины почти всех сел Южного Дагестана. Изготавливались и узорные хурджины, пользовавшиеся большим спросом. Все эти изделия отличались красотой и добротностью. В докладной записке императрице Анне I в 1733 г. указывалось, что в Дагестане изготавливают из шерсти "сукно такое же, как английская двойная фланель и мягкое как бархат"¹³. Правда здесь речь идет о дагестанском сукне вообще. Но если считать, что технология производства сукна в Дагестане повсюду была сходной или почти сходной, эту характеристику можно отнести и к сукну, изготовлявшемуся в Южном Дагестане. Сукно шло на удовлетворение собственных нужд и на вывоз. Академик С.Г.Гмелин сообщая об обширной торговле Дербента, свидетельствовал, что "провинция Гилянская и город Шемаха снабжают Дербент разными бумажными и шелковыми материями..., кои променивают лезгинским и горским татарам на один род тонкого сукна, которые ими же самими в горах приуговляется"¹⁴. Свидетельство Гмелина отражает исторически сложившиеся традиционные связи Дербента с соседними народами Азербайджана с одной стороны и горцами Дагестана – с другой. Архивные документы, выявленные в свое время в Архиве АН СССР так же свидетельствуют, что "кубачинцы и другие горские народы, по ту сторону Дербента живущие, как-то: табасаранцы, казикумыки, ахтынцы, рутульцы и другие произведения свои доставляют отчасти в Дербент, а отчасти сухопутно в Баку, где взамен получают нефть, соль и российские товары". "В Дербент, – сообщается в другом документе, – привозятся из Шемахи шелк и шелковые материи, в Шемахе сделанные... Ис города Тарков и соседних оному мест: марена, кубечинское сукно, бурки, мед, масло коровье, ...ружья, пистолеты и сабли в кубечинском селении сделанные, из Баку – смола, нефть и соль..."¹⁵.

В Дербент и через Дербент следовали, судя по данным дербентской таможни первой четверти XVIII в. ширванские, шемахинские, джультинские, гянжинские и др. торговцы шелком.¹⁶

В первой половине XIX в. Южный Дагестан оставался довольно

крупным экономическим субъектом Дагестанской области, где шла оживленная торговля с Закавказьем и имелись обширные торговые связи с Россией.

Торговля и, особенно, ремесло и сельскохозяйственное производство, а также переработка продукции не концентрировались преимущественно в пределах одного или нескольких сел, а распределялись в различных долях между городом Дербентом и окрестными селениями.

Многие жители Южного Дагестана занимались хлебопашеством, садоводством, огородничеством, скотоводством и были нацелены на производство товарной продукции, реализуемой на рынке либо в виде зерна, либо в виде вина и других сельскохозяйственных продуктов.

Содержание и характер экономического развития селений в Южном Дагестане определялись рядом важных факторов, общей направленностью экономического развития региона и, прежде всего, его специализацией, состоянием хозяйственных связей Дербента с другими регионами и их субъектами и внешним рынком.

Большую роль жители Южного Дагестана: лезгины, табасаранцы, агульцы, таты, рутульцы, цахуры, азербайджанцы играли в развитии торговли не только во всем Дагестане, но и соседним Азербайджаном.

Особое положение народов Южного Дагестана, т.е. близость к соседнему Азербайджану, играло большую роль в развитии торговли. Более тесные торгово-экономические связи жители Южного Дагестана имели с Ширваном, Кубой, Баку, Казахом, Хачмазом и др. населенными пунктами Азербайджана. Это определялось хорошими дорогами, наличием караван-сараев для торговых людей. Кроме того, Ширванский, Хачмазский уезды, Баку экономически были достаточно развиты и могли выставить в торговый обмен различные товары домашней промышленности и сельскохозяйственного производства.

Важную роль в жизни горцев Южного Дагестана играла и связь их с Азербайджаном по горным тропам, перевалам, т.е. по малым путям, которые, как правило, действовали в незимнее время, а зимой заносились снегами и были крайне опасны. Отдельные аулы Южного Дагестана соединялись с азербайджанскими селениями несколькими тропами. Так, из Шиназа связь поддерживалась с азербайджанскими селениями по следующим направлениям: 1-е Шиназ – Рутул – Цайлахъан – Борч – Салаватский перевал – азербайджанские селения Гюнюк-Нуха, а зимой: Шиназ – Рутул – Ахты – Хнов – Салаватский перевал – Гюнюк-Нуха; 2-ое направление: Шиназ – Лучек – Кина – Гельмец – Курдул – Биладельский перевал – азербайджанское селение Сарабаш-Кахи; 3-е: Шиназ – Амсар – Лучек – Микик – Цахур – Мишлеш – Кальял – Диндинский

перевал – Мухах Закаталы. Это последняя дорога играла жизненно важную роль для цахуров, т.к. в Цахур именно по ней поступал хлеб из Закатал.

Аварцы поддерживали связь с азербайджанскими селениями по маршруту Тлярата – Цумилух – Герель – Камилух – перевал через Кавказский хребет – Катех и далее на Закаталы. Дагестанцы получали по этой трассе товары азербайджанского производства: хлеб, фрукты, пряности, вино, табак и т.п. Кроме того, дагестанские сельские общества южной зоны, особенно общества Самурской долины и часть аварцев, на зимовку перегоняли овец в Азербайджан.

Главными центрами экономических связей между Дагестаном и Азербайджаном являлись города Дербент, Шемаха, Шабран, Куба и Нуха.

На плоскости, особенно в Самурской долине, в Хачмазе, Худате, Белиджи, с давних времен было известно занятие шелководством, которое по экономической значимости в нач. XIX в. занимало второе место после мареноводства. Легкая промышленность России все больше предъявляла спрос на южнодагестанский шелк, стимулируя его развитие. Под садами с шелковицей было занято 270 тыс. саженей.¹⁷ Шелководство носило сугубо товарный характер и весь полученный шелк вывозился в Россию и в Закавказье. Однако в дальнейшем к началу 60-х годов XIX в. начинается кризис в шелководстве, что отразилось на сокращении производства шелка-сырца в Южном Дагестане.

В многообразной трудовой деятельности населения Южного Дагестана в рассматриваемое нами время, важное место занимало возделывание технической культуры марены, из которой получали краситель, применяемый в легкой промышленности. Частично марена использовалась в народной медицине.

Обращает на себя внимание, прежде всего, стремительный рост вывоза из Дагестана марены, возросший за 13 лет, с 1830 по 1843 гг., почти в 3 раза, а также удвоение ее стоимости и увеличение вырученной суммы денег на 834115 рублей.¹⁸ Из Южного Дагестана было вывезено марены на 15 млн. рублей.¹⁹

Существенное развитие в Южном Дагестане особенно в сел. Кабир, Икра (Къири), Ихрек, Курах, Штул, а также в некоторых селах Южного Табасарана в первой половине XIX в., как и в предыдущие века, получило ремесленное производство. Здесь было сконцентрировано большое количество людей, занимавшихся различными видами ремесла, особенно производством ковров, сукна, посуды из глины и меди, различного оружия. Художественно-ремесленные традиции в Южном Дагестане формировались веками на стыке духовной и материальной культуры.

Важное место среди традиционных шерстоткацких отраслей ремес-

ла в рассматриваемом регионе занимало, как и прежде, ковроделие. Ковроделие в Южном Дагестане – явление масштабное и сложное по разнообразию художественных традиций. В числе наиболее развитых традиций – производство ворсовых (халыча) и гладких (диседжими или сумах). Некоторые ковры из Южного Дагестана шли на экспорт. Вывоз ковров способствовал широкому распространению ассортимента ворсовых ковров, улучшению их качества. Дербент славился наличием хороших мастеров – красильщиков и красильных мастерских. Из разных селений Южного Дагестана – Ахты, Курах, Микрах, Куруш, Рутул, Хучни, Хив приезжали ковроделы в Дербент за разнообразными естественными красителями. Большое количество красителей шло не только на окрашивание шерстяных, шелковых и хлопчатобумажных ниток, но и на окрашивание кожаных изделий, производство которых также было распространено в Южном Дагестане.

Наибольшее хозяйственное значение имела работа кузнецов. Они изготавливали из местного и привезенного сырья сельскохозяйственные орудия: наконечники плугов и сох, ободки для аробных и тележных колес, подковы, гвозди, кирпичи, топоры, вилы, серпы, косы, ножи, цепи и т.д. Кузнецы медночеканщики изготавливали домашнюю посуду, котлы, кастрюли, кувшины, тазы и др.

В начале рассматриваемого нами периода в Ахтыпаринском обществе было 12 мастеров медников с 42 своими работниками.²⁰ Одной из значительных отраслей художественного ремесла было ювелирное дело. Ювелирные изделия, украшенные драгоценными камнями и оружие из сел Южного Дагестана были хорошо известны не только в Дагестане.

Ремесел в селах было очень много, многие аулы специализировались на каком-либо виде ремесла, здесь нет надобности перечислять села с той или иной ремесленной специализацией. В целом можно сказать, что ремесленники-кустари удовлетворяли самые необходимые нужды горожан и многих окрестных и дальних селений Южного Дагестана.

Для лучшей организации своего труда, взаимопомощи и взаимоподдержки в деле производства различных изделий и их сбыта ремесленники некоторых сел Южного Дагестана объединялись в своего рода профессиональные организации, старались организовать какое-то ремесло в определенном квартале (мехалла). В этих кварталах мастера жили и работали вместе со своими учениками-подмастерьями.

Скотоводство давало прекрасное сырье и стимулировало развитие домашних промыслов, связанных с ним. Овечья и козлиная шкура шла на изготовление бурдюков, для транспортировки нефти и других продуктов. Кроме того, из овечьей шкуры выделывали различные кожаные

изделия: тулупы, папахи, обувь и т.д. Из овечьей шерсти готовили шерстяные нитки и выделывали сукно. Села Куруш, Курах, Рутул, Агул, Хив наряду с другими отраслями хозяйства были богаты своей породой овец, "с которых шерсть за весьма хорошую почитают, употребляется она в российских фабриках"²¹.

Кроме того, в Кюринском округе было много искусственных озер (солончаки), из которых извлекали соль. А.Лопухин, писал, что "к горам от дороги есть бузлы, промежду которыми солончаки проделаны, и во время тут соль садится которой, сказывают, немало"²².

Соль шла на удовлетворение собственных нужд населения, а также для торговли с горцами Дагестана.

Большое значение имели домашние промыслы. Производство одежды, обуви, предметов домашнего обихода и других изделий непосредственно в крестьянском хозяйстве своими корнями уходило в глубь веков и являлось единственной сферой промышленности.

Жители Южного Дагестана достигли большого совершенства в прядении и сучении ниток из шерсти. Все эти сложные процессы в изучаемое нами время производили при помощи простейших орудий: ручного веретена, прялки и ткацкого станка весьма несложной конструкции. Почти во всех районах Южного Дагестана встречается веретендеревянная точеная или гладко обструганная палочка, заостренная к верхнему и утолщенная к нижнему концу на 3-4 см, выше которого надевается просверленный деревянный круг, напоминающий вместе с нижним кольцом волчок.

Обработка пряжи зависит от ее назначения. Для тканья ковров обычно употребляли три вида нитей. Они сдваиваются путем перематывания из двух (дукче) – это моток шерсти в форме конуса, в один нугам – клубок.²³ Затем нити этого конуса вторично скручивают на прялке в одну нить и снова сматывают в один клубок и красят.

Будучи и в первой половине XIX в. одной из сфер домашнего промысла, работающего на заказчика, ковроткачество почти во всех селах Южного Дагестана эволюционировало до стадии ремесла, производящего на рынок. Подобное явление определялось особенностями этого производства, которое требовало вековых навыков и традиций и продукцию которого пока не могли заменить фабричные ковровые изделия.

Обозревая многочисленные формы и сферы домашней промышленности народов Южного Дагестана особенно в I-ой пол. XIX в., мы убеждаемся в том, что первое место среди этого многообразия, безусловно, занимало производство шерстяных изделий, в том числе ковров. Это обстоятельство определялось не только тем, что производство оде-

жды должно было занимать одно из ведущих мест в крестьянской домашней промышленности в силу естественной потребности человека, но еще и рядом особенностей или факторов, присущих хозяйственно-экономической жизни Дагестана, как и ряду других стран.

Одним из таких факторов, как было указано выше, является наличие в Южном Дагестане почти неисчерпаемого источника сырья, т.е. шерсти для указанной отрасли производства, что было тесно связано с широким распространением в стране овцеводства как оседлого, так и полукочевого. Достаточно, например, сказать, что в исследуемый нами период, общее количество мелкого рогатого скота (овец и коз) в Южном Дагестане и прилегающими к ним селами Азербайджана, где в основном жили лезгины, это Худат, Гусары, Хачмаз, Куба колебалась от 1,2 до 1,5 млн. голов и даже больше.²⁴ При этом следует отметить, что в данном регионе разводили довольно разнообразные породы овец, чем и определялось наличие разных сортов шерсти, необходимой для производства различных видов шерстяных изделий.²⁵

Вторым фактором, имевшим важное значение для развития ковроткачества, следует отметить наличие в Южном Дагестане разнообразных красильных растений, из которых получали различного цвета естественные краски. Первое место по своей значимости несомненно занимала марена, затем корни шафрана, растение сандал, сафлор, различные плодовые растения, дикорастущие травы и т.п., дающие красильные вещества.²⁶

Третьим фактором, способствовавшим широкому развитию шерстяного производства, особенно ковроткачества следует считать наличие огромного количества трудовых ресурсов в виде женского труда, игравшего почти исключительную роль в этой сфере промышленной деятельности населения. "Не имея возможности в поисках работы оставить свою семью на продолжительное время, женщины-крестьянки стали искать применение своему труду у себя на дому, в домашнем промысле и, в крайнем случае, у себя в деревне"²⁷.

Известно, например, что южнодагестанские феодальные владельцы брали с населения налоги коврами и паласами, так как за границей они обменивались и реализовались легче других местных продуктов. Известны ковры типа фламандских гобеленов, сотканые в Южном Дагестане по полученным из Франции рисункам.²⁸

Наряду с ковроткачеством в Дагестане, особенно в Южном, широкое развитие имела также выделка джеджимов. "Производство джеджимов, – говорится в одном из тогдашних источников, – является одним из наиболее оригинальных производств народов, лезгин, азербайджанцев и

табасаранцев, они составляли необходимую принадлежность каждой мусульманской семьи, являясь любимым рукоделием женщин, приготавливавших эти ткани в приданое себе и своим дочерям. Разнообразие, красота и оригинальность рисунков составляли предмет соревнования между мастерицами и на этом сосредоточивалось постоянно их внимание. Покрышки для одеял, для тахт (диванов), подушек, сумочек и т.д. составляли необходимую принадлежность каждой сколько-нибудь зажиточной семьи. Поэтому старые джеджимы, которые встречаются теперь сравнительно редко, отличались замечательной прочностью и красотой"²⁹.

Если взять отдельно Дербентское владение в конце XVIII – 30-е годы XIX в., то в селах, входивших в него, и по Самурской долине: Куркент, Самур, Хачмаз, Белиджи, Ярар-Казмаляр, Уружба, Магарамкент, Худат, Куба были ремесленники-ковроткачи, которым давались заказы на изготовление по любым рисункам.³⁰

В начале XIX в. общее количество ковров, ежегодно изготавливаемых в этих селах, выражалось цифрой 850-900, а паласов – 1700-2000 штук.³¹ В указанных селах "женщины ткют ковры, отличающиеся прочностью и яркостью красок, лучшие продаются от 25 до 30 руб. серебром. Ткют также чучалы, род чемоданов, продаваемые от 5 до 6 руб. серебром. Вообще, во всех селениях ткют паласы или ковры и переметные сумы, коих продают на сумму 1700 руб. серебром".³²

Интересно отметить, что в Дербентском владении уже в то время выделывали "толстое полотно, называемое бязью, которое большей частью употреблялись в разных видах сами поселяне, а излишки вывозили на продажу".³³

Домашние изделия жителей Южного Дагестана можно отнести к следующим статьям: 1-е ковры и другие шерстяные изделия, как-то: "паласы, переметные сумы, попоны, исподняя обувь, то есть чулки разных родов, "которые выделывались" здесь поселянами в таком удовлетворительном достоинстве, что даже вывозятся на продажу и в другие места".

2-е. Выделывалась "также и особая грубая ткань на мешки", которые шли "только на домашние потребности самих поселян".

3-е. "Для таковой же надобности" ткали и "бумажные материи, как-то бязь, хаса, или кисея, бурметы, окрашивающиеся в городе преимущественно в красный цвет, посредством марены или крапа".³⁴

В Кюринском уезде лучшие паласы и сумахи изготавливали в деревне Кабир, а лучшие ковры в деревнях Чичи, Штул и Къири.³⁵

Вначале в деревнях Южного Дагестана ковроткачество носило ис-

ключительно характер домашней промышленности, т.е. ковры производили только для себя: накопление запаса ковров в доме было всегда заветною мечтой хозяйки. Но в дальнейшем в эти ковроткацкие села стали проникать скупщики. Последние скупали в этих деревнях ковры и сумахи, причем за очень дешевую цену, а затем увозили за пределы, где эти ковры продавались наряду с лучшими иранскими коврами, не уступая им по виду и превосходя в точности.³⁶ Львиная доля дохода попадала в руки представителей торгово-ростовщического капитала. Последние, учитывая отсутствие достаточного количества шерсти-сырья для производства в больших масштабах в самом Южном Дагестане, для обеспечения всей этой огромной массы ковроткачих скупали, видимо, сырье в других селах Азербайджана и Дагестана и снабжали им ковроделов. При этом скупщики снабжали сельчан "даровой шерстью в счет будущего товара"³⁷.

За счет таких "давальцев" работала почти 1/3 ковроткачей. Эти "давальцы" буквально наводнили районы, производящие ковры, пользуясь нуждою в деньгах кустаря для уплаты податей и пр. Грабительские действия скупщиков весьма отрицательно отражались на качестве изготавливаемых ковров, ибо, – как отмечает Г.Б.Абдулаев, они вынуждали ковроделов "прибегать к средствам удешевления изделий – употреблять для окраски анилиновые краски вместо растительных, более дорогих, прибавлять бумагу к шерсти, делать уток бумажный, основу шерстяную; не так прочно прибивать один ряд к другому. Все это, конечно, ухудшает качество изделий, и здесь как всегда, одно зло вызывает другое"³⁸.

Общее количество ковров производимых в городе Дербенте, как торгового центра Южного Дагестана, ежегодно достигало 300 штук, из коих 200 штук шли на продажу, через скупщиков, отправлявших их, как правило, в Константинополь, где был большой спрос на них.³⁹

По подсчетам, проведенным нами в результате полевых исследований в 24 селениях Южного Дагестана до революции было 40107 дворов (дымов), при этом все семьи умели возделывать ковры, но не все имели для этого материалы. Ими более или менее была обеспечена половина семейств.⁴⁰

Собранные нами материалы воочию показывают глубокое проникновение торгового капитала и в эту сферу промышленной деятельности жителей Южного Дагестана. Степень доходности кустарного промысла зависит во многом от форм и легкости или трудности сбыта продукции. Это едва ли не самый слабый пункт коврового дела: кустари находились всецело в руках скупщиков, которые избегали делать заказы, так как то-

гда и приобретение изделий обходилось бы им дороже. Они разъезжали весной и осенью по деревням, скупали ковры дешево, потому что редкая семья кустаря могла выжить с продажей. Многие села Азербайджана, особенно где жили большей частью жители лезгинской национальности – это Гусары – почти 90%, Хачмаз – 60%, Куба – более 30%, Худат – 50%, а также села Таиркент, Кузун, Зинда, Эних, Муру, Гиль, Ясоб – производство шерстяных изделий имело смешанный характер – для домашних нужд и для продажи. Кроме того, предметы одежды и домашнего обихода производили и из шелка. "Гусарские и Хачмазские женщины" ткали "прекрасные шелковые полосатые материи, весьма красивые и годные для тюфяков и матрацев"⁴¹. Материи эти были настолько крепки, что могли быть постоянно в употреблении лет 40-50. На выделку названных материй шел или шелк-сырец, или же пряжа из попорченных коконов. Изготовлением этих материй занимались исключительно женщины.⁴² Сырье для ковроделия, т.е. шерсть они добывали со своих овец или покупали у соседей, живущих в Дагестане.

Населенный пункт Гусары, где основными жителями были лезгины, являлся одним из благоустроенных и торговых городов Азербайджана того времени. В нем имелось большое количество крытых рядов, где производилась торговля товарами, производимыми в Азербайджане, а также и товарами из соседних сел Южного Дагестана.

Еще в начале XVIII в. значение города как торгово-ремесленного центра значительно растет. Гусары, как и Куба, был одним из важнейших торговых центров Азербайджана, но прежде всего – главным районом шелководства.

Потребность в дальнейшем развитии экономических связей с Азербайджаном возрастала с обособлением и выделением земледельческих и скотоводческих районов на обеих территориях. Экономически Южный Дагестан особенно тяготел к северному Азербайджану. Такие районы как Рутул, Ахты и Курах, испытывали нужду в хлебе, они в частности обменивали свой скот на хлеб в населенных пунктах Азербайджана. Между жителями Южного Дагестана и Северного Азербайджана устанавливается тесный контакт на взаимовыгодных условиях. Южнодагестанцы использовали зимние пастбища на территории Азербайджана. Жители ряда дагестанских селений пасли свой скот на Шекинской, Кубинской территории и др. районов Азербайджана. Так, например, жители сел. Мискинджа и Ярар-Казмалар пасли свой скот на Хачмазских и Гусарских землях и т.д.⁴³

Говоря о процессе развития южнодагестанских и азербайджанских связей нельзя не обратить внимание, что начиная с XVII в. на террито-

рии Северного Азербайджана развивались старые и возникали новые поселения с азербайджанским и дагестанским этническим составом. Многочисленный полевой материал и данные источников и литературы, подтверждающие наличие этого важного фактора, содействовавшего торгово-экономическим и культурным контактам Дагестана и Азербайджана. Характерно то обстоятельство, что совместные поселения возникли на территории, представляющей большой интерес для обоих народов в экономическом и торговом отношении. Первоначально заселение происходило по квартальному принципу, но впоследствии это правило обычно не соблюдалось.

Процесс образования совместных поселений наиболее наглядно прослеживается в Гусарском районе по данным 80-х годов XIX в. (сел. Гиль, Имайлы Кент, Дузтаир, Таиркент, Хулуг, Худат Кент и т.д.), а также в Закатальском районе (сел. Талы, Гогам, Дардоказ, Сулейло и др.).⁴⁴ Вполне понятно, что процесс этот начался задолго до составления материалов этой переписи.

В совместных поселениях представители обоих народов свободно владели двумя языками (азербайджанским и одним из дагестанских).⁴⁵

Одна из важнейших причин переселения дагестанцев на южные склоны главного Кавказского хребта была заложена в самом характере земледельческо-скотоводческого хозяйства. Многие дагестанские сельские общества имели на территории Северного Азербайджана зимние пастбища, которые использовались регулярно в зимнее время, а впоследствии население в ряде случаев оседало на этой территории.

Только тем обстоятельством, что значительные группы населения издавна жили на территории Азербайджана можно объяснить большое количество населенных пунктов с дагестанскими названиями. Так, например, лезгинские и аварские названия имеют некоторые азербайджанские села. Интересно также, что топонимические названия многих азербайджанских аулов, перекликаются с дагестанскими: Нуха, Куба, Куми, Сурахани, Чух, Лушузкала, Хулуг, Кузун и др.⁴⁶

В то же время нередко азербайджанское население переходило в Южный Дагестан и навсегда оставалось в ряде населенных пунктов. Местная традиция связывает с ширванцами ряд населенных пунктов или отдельных кварталов. Так, селение Джабель, по сообщению Е.Козубского, основано выходцами из Ширвана, почему иногда называется Ширванар. То же самое он сообщает о жителях сел. Оруджаба.⁴⁷

Из семи кварталов сел. Нижний Катрух Рутульского района три квартала предания связывают с Азербайджаном по происхождению – это кварталы Мучгилар, Къатыргилар, Саманчияр.⁴⁸

Жители Самурской долины, сел. Хив, Штул, Кабир занимались изготовлением гончарных изделий. В свою очередь, одной из заметных отраслей ремесленной промышленности и в Азербайджане являлось гончарное производство. Наиболее широко оно было развито в Кубинском, Шемахинском, Генгайском, Гусарском районах. В западной части Азербайджана наибольшее развитие это производство получило в Нухинском и Нахчиванском районе. Что же касается городов, то в них данная отрасль ремесла не получила сколько-нибудь заметного развития.

В противовес гончарному производству обработка дерева почти отсутствовала в городах Азербайджана и крайне слабо была развита в сельских местностях. В источниках за отдельные годы и то в единичных случаях отмечаются ремесленники, занятые изготовлением колес. Такие упоминаются по городу Баку один-два человека за 1878 г. и в Ленкорани и в Шемахе за 1821 г. – по одному человеку.⁴⁹

Также единичными были в городах Азербайджана, и то не во всех, ремесленники, занимающиеся бондарным делом. Так, за всю первую половину XIX в. только два бондаря по Ленкорани, два – по Шемахе, до 30 бондарей в Баку.⁵⁰

Наличие бондарей в Баку в решающей степени определялось тем, что нефть в рассматриваемое время возили в бочках.

Относительно более широко была распространена обработка дерева в некоторых селах Азербайджана. В Кубинском уезде, особенно было распространено производство арб. По словам цитируемого автора, указанное производство в конце XVIII – начале XIX вв. было настолько развито, что "мастера аробшики, вывозили свою продукцию в близлежащие села Южного Дагестана и в гор. Дербент и ежегодно зарабатывали за свои изделия 100000 руб."⁵¹.

Заметное место в обработке дерева занимали и некоторые села Южного Дагестана, расположенные в лесистых районах. К числу их относятся села Самур, Кутлар, Хив, Курах, Штул, Рукель, Рутул, Дисилихюль, Джаман, Марага и др. Все эти селения или расположены в лесу, или жители их проводят в нем большую часть года, переходя в него для пастбы скота. Из дерева крестьяне выделывали вилы, лопаты, спицы для колес, ободья, ярма, градили для сох (базы), сочинные коробки (кетыг) и различные части арбы.⁵² Все эти изделия изготовлялись для продажи и сбывались на базарах или обменивались на необходимые товары.

Разумеется, приведенные нами данные носят отрывочный характер и не дают полноценной картины деревообрабатывающего промысла в Южном Дагестане и Азербайджане изучаемого времени. Тем не менее

нетрудно догадаться, что деревообрабатывающая промышленность в XVIII – первой половине XIX в. была слабо развита и имела место в основном в полосе лесных районов.

О широком развитии кузнечного дела можно судить по изделиям, сделанным в том или ином ауле, города и сохранившимся до наших дней в коллекциях и музеях республики Дагестан и в Азербайджане. Говоря об Азербайджане можно сказать, что кузнечное дело было здесь распространено повсеместно. Почти в каждом селении были кузнецы. Кузница представляла собой комнату без передней стены. Кузницы, как правило, имели необходимые для кузнечного производства инструменты и приспособления: кожаный кузнечный горн, молотки различных назначений, наковальня, кувалда, щипцы, напильники, литейный тигель, сверло, ножницы для резания листового железа и др.⁵³

С помощью набора этого несложного инструментария местные ремесленники выполняли самые различные работы по обработке железа, начиная от предметов бытового обихода и сельскохозяйственных орудий и кончая воротами для домов богатей.

Из всех инструментов покупались только меха и наковальни; все же прочее изготовлялось ими самими. Наибольшая часть металлических предметов домашнего обихода изготовлялись из меди. Это были медные котлы, кастрюли, глубокие медные сосуды, большие и малые кувшины, подносы, банные тазы, сосуды для омовения, подсвечники, лампы из латуни (т.е. желтой меди) и т.п.⁵⁴

§ 2. Торговые отношения между народами Южного Дагестана и Азербайджана в XVIII – первой половине XIX в.

Оживление, наблюдавшееся в сельском хозяйстве и в некоторых областях ремесленного производства, улучшение путей сообщения, втягивание Дагестана в общероссийское и мировое товарное обращение, оказывали свое влияние на внутреннюю и внешнюю торговлю народов Южного Дагестана. Но в отличие от быстро развивавшейся внешней торговли, внутренняя торговля росла медленно. Она еще сковывалась в рамках феодальных отношений.

Близость южно-дагестанских земель к Гусары, Хачмазу и другим городам Северного Азербайджана благоприятно сказывалась и на развитии товарообмена между Дагестаном и Азербайджаном. Жители Южного Дагестана привозили к своим соседям азербайджанцам главным образом продукты животноводства: шерсть, кожу, мясо, сыр, а также изделия домашних промыслов: ковры, сукно, войлок, бурки, оружие,

гончарную и деревянную посуду. Из местных южнодагестанских товаров, пользующихся большим спросом в Азербайджане можно также назвать курахские ружья, пистолеты, сабли и т.п.

Обмен же они приобретали зерно, пряности, соль, шелк, парчу, атлас, драгоценные камни Востока, нефть и всевозможные ремесленные изделия.

В свою очередь, торговые люди Азербайджана со всевозможными товарами собственного производства и товарами восточных стран часто посещали Дагестан. Среди азербайджанских товаров источники перечисляют шелк-сырец, шелковую одежду, шелковые ткани, ковры – кубинские, шемахинские, ширванские, бархат и тафту, покрывала, пояса и т.п.⁵⁵

Большую роль в торгово-экономических отношениях и в дальнейшем развитии торговли играли представители первоначального накопления – купцы. В письменных источниках мы находим мало сведений о купцах, об организации торговли, о корпорациях купцов, о средствах доставки товаров. Можно только предположить, учитывая регулярность и уровень торговых сделок, что слой купцов был многочисленным. Они входили в различного рода объединения, имевшие целью обеспечить безопасную и выгодную торговлю.

Одной из форм регулирования торговых взаимоотношений была переписка между правителями дагестанскими и азербайджанскими с целью обеспечить своим торговым людям все права на время пребывания их на территории соседних владений. Это были просто письма, адресованные местным правителям, с просьбой пропустить тот или иной караван, а зачастую с просьбой сопровождать его, выделив надежную охрану и снабдив проводниками.

Обнаружить каких-либо специальных актов, регулировавших эти взаимоотношения не удалось. Однако попытки создать определенный правопорядок предпринимались.

Из источников известно, что на территории Азербайджана и ряда крупных торговых центров были созданы постоянно действующие караван-сарай для дагестанских торговых людей. Азербайджанские и дагестанские купцы входили во взаимные контакты, совместно участвовали в транзитной торговле по прикаспийской международной торговой артерии.

Как известно, в связи с выходом России на Каспийское море, огромное значение стал приобретать Волжско-Каспийский торговый путь. Торговля с восточными странами через Дагестан и Закавказье приняла регулярный характер. Дагестанские торговые люди пользовались на

территории Азербайджана определенными льготами. Они, так же как и сами азербайджанцы, освобождались от таможенных сборов, пользовались гостинными дворами, не платили пошлин с товаров.

В связи со специализацией ремесленного производства увеличивалось количество избыточной продукции, которая поступала на внешний рынок. Кроме того, с ростом и развитием городов в Азербайджане заметно увеличился спрос на продукты первой необходимости. Одним из поставщиков товара такого рода являлись сельскохозяйственная продукция, продукты животноводства и др. из сел Самурской долины, Цахура, Кураха и других районов Южного Дагестана.

Хотя Азербайджан и изобилует различными видами естественных красок, но дальнейшее развитие торговли с Россией привело к тому, что спрос на марену возрос в значительной степени. Видимо, в этой связи в XIX в. возрастает производство марены в районе Магарамкента, Самура, Табасарана и Дербента.

В XVIII – первой половине XIX в. Азербайджан был одним из поставщиков сырья для развивающейся русской шелкоткацкой промышленности. Поэтому азербайджанские правители были заинтересованы о благополучии добрососедских отношений с жителями Южного Дагестана, так как закавказский шелк надо было вывозить прежде всего через Южный Дагестан.

В источниках и литературе часто отмечается, что тот или иной купец, едущий из Азербайджана, Грузии или Армении в Кизляр или Астрахань, оставался на ночлег или на два-три дня в Самуре, Оружбе, Мугарты или в других лезгинских селах. Эти населенные пункты, в свою очередь, являлись местными торговыми центрами, где закавказские купцы встречались с торговыми людьми из Северного Кавказа. Часто местом встреч был город Дербент – крупнейший центр внутренней и внешней торговли в регионе.⁵⁶

По данным П.Г.Буткова в 1796 г. в Дербенте имелось 6 караван-сараяев, 500 лавок всяких, монетный двор.⁵⁷ Через Дербент шла крупномасштабная торговля с Кубой, Шемахой, Шеки, Баку и Ираном. Азербайджанские купцы, покупая товары в разных районах Закавказья и Востока, привозили их в Дербент, где они оседали на рынке Дербента и покупались населением Южного Дагестана или отправлялись сухим путем в Кизляр или морем в Астрахань.⁵⁸ Большую роль в дербентской торговле играли народы Южного Дагестана. В одном из документов начала XIX в. сообщается, что дагестанские горцы ежегодно "доставляют в Дербент сукно, известного под именем лезгинского, бурки, овчины, масло, мед, ковры, паласы – всего на 10 тыс. руб. серебром"⁵⁹. Львиная

доля из этих товаров, по нашему убеждению, приходилась на долю ближайших соседей Дербента – народов Южного Дагестана: лезгин, табасаранцев, агулов и др.

Согласно полевым данным, народы Самурской долины (кюринцы, курахцы, алтыпаринцы) соль, зерно, ткани, нефть, восточные товары приобретали в Дербенте.

В свою очередь, торговые люди из южнодагестанских селений сами возили товары в Баку, Шемаху, Гилян и т.д. и там совершали торговые операции. Предметами их торговли, как говорилось выше, являлись в основном продукты животноводства и ремесленные изделия.

Анализ архивных материалов XVIII – первой половины XIX в. показывает, что азербайджанские торговцы привозили в Южный Дагестан шелк, парчу, медь, кожу, пеньку, башмаки, белую нефть, нити хлопчатые, пшеницу, муку, лук и пр. К этим товарам можно добавить и товары бакинского экспорта: шелк-сырец, бумага хлопчатая, кумачи красные, холодное оружие, кожи, горох (нохут), пшеница, рис и др.⁶⁰

Для понимания роли торговли в экономике Южного Дагестана важное значение имеет и характеристика импортировавшихся товаров, особенно тех, которые пользовались здесь большим спросом. Анализ документов показывает, что наибольшим спросом в селах Южного Дагестана пользовались разнообразные сукна. Азербайджанские торговые люди ввозили сюда и европейские ткани, такие как сукно английское, голландское, но вместе с тем ввозятся и сукно из Азербайджана, в частности, ширванское.⁶¹ В 40-х гг. XIX в. торговый обмен между Ширваном и Дербентом был настолько интенсивным, что в него было втянуто до 15 тыс. жителей региона. Возрос и грузопоток в обе стороны.⁶²

Следует отметить, что между собой жители лезгинских сел и азербайджанцы торговали беспошлинно, имелись специальные тропинки, дороги, где не было таможенных пунктов.

Поэтому старались с малым товаром не заходить в большие города, такие как Дербент, где имелись специальные таможенные пункты. В свою очередь горцы старались избегать таможенной регистрации товаров, но не всегда им это удавалось. В нашем распоряжении имеются многочисленные документы, когда тот или иной торговый человек, провозя товар, вынужден был платить таможенную пошлину, за исключением мелких торговых людей с малым количеством товаров.

Следует также отметить, что феодальные правители не думали о защите местного купечества от иностранной конкуренции. Это не было политикой покровительства местной торговли, а носило фискальный характер, т.е. преследовались цели личного обогащения и сбора средств для содержания двора и ведения войн.

Для иллюстрации размеров пошлинных сборов "с привезенных в Азербайджан из Дагестана и прочих мест товаров равно с вывезенных из Азербайджана в Дагестан и в прочие места товаров"⁶³ приведем данные архивного документа:

Наименование товара	Количество	Вес	Размер рахтарного сбора
Семена шафранные	1 тай	5 пуд.	50 коп.
Кожа буйволиная	1 шт.	—	2 коп.
Бязь белая	1 тай	18 пуд.	82 коп.
Бумажная материя	1 тай	—	40 коп.
Рис			без рахтара
Хлопчатая бумага	1 харал	9 пуд.	20 коп.
Мука	—	—	—
Фрукты			без рахтара
Душаб			без рахтара
Соль и медь			без рахтара
Кафтаны шитые из лезгинского сукна	1 тай	6 пуд.	1 руб. 25 коп.

Таблица эта составлена по данным 1793 г. и, что примечательно, сукно, вывозимое из Южного Дагестана, пошлиной не облагалось, а готовый продукт, т.е. кафтан или другие шитые изделия облагались рахтарным сбором.⁶⁴

В Азербайджане как с дорогих товаров, так и с дешевых (бязь, холст и другие) пошлины взимались в одинаковом размере. Такое положение отрицательно отражалось на широких массах покупателей. Крупные купцы, торговавшие дорогими товарами и получавшие большие прибыли платили пошлин столько же, сколько ремесленники крестьяне и мелкие торговцы, покупавшие дешевые товары широкого потребления.

Кроме того, метод взимания пошлин, применявшийся в Северо-Восточном Азербайджане, был менее доходным для ханской казны. Власти, по всей вероятности, меньше обращали внимание на доходы от пошлин. Об этом говорится в официальном письме кубинского хана 1768 г.⁶⁵ В свободном и полезном передвижении купцов, их коммерческой деятельности хан видел причины процветания владений. Видимо, кубинские власти в своей пошлинной политике, исходили и из этих соображений.

Упомянутые данные показывают также, что мука, рис, строитель-

ные материалы, дрова, а также соль и фрукты были исключены из списка для взимания пошлин. Как правило, не взимались пошлины и с продуктов питания. Все это делалось в целях поощрения привоза муки и строительных материалов, которые нужны были для удовлетворения большого спроса на них.

Кюринское ханство в отличие от Самурской провинции, представляло азербайджанским торговым людям большие льготы, в том числе право беспошлинной торговли. Это нашло отражение в специальных соглашениях и обязательствах.⁶⁶ Видимо, эти меры были связаны с удаленностью от главных торговых путей некоторых сел Кюринского ханства, в целях обеспечения жителей необходимыми товарами.

Аналогичную политику в XVIII в., в отличие от других частей Азербайджана, проводили бакинский и кубинский ханы. Они предоставляли купцам как из Дагестана, так и русским большие льготы. В официальном сообщении кубинского хана подтверждается право беспошлинной торговли: "С того времени по сей день, учитывая наличие между нами дружественных отношений (здесь имеется в виду кюринский хан), всегда обеспечиваются полезные передвижения купцов и не потребовали ни одного динара от подданных"⁶⁷.

Все официальные меры по освобождению южнодагестанцев от пошлин и о предоставлении им других льготных условий нашли отражение и в последующих обязательствах двух соседних народов. Эти обязательства диктовались политической необходимостью ориентироваться на дружбу, так как в условиях феодальной раздробленности, находясь во враждебном окружении, они нуждались во взаимоподдержке.

Характер привоза и вывоза товаров всегда отражал взаимоотношения стран, вступающих в торгово-политические сношения между собою, а также служил показателем степени их развития. Этот момент в своеобразной форме с некоторыми особенностями нашел отражение в торговых сношениях южно-дагестанских владетелей с азербайджанскими ханами в XVIII – первой половине XIX в. Из Азербайджана в районы Южного Дагестана, как было сказано выше, вывозили шерсть, хотя своей шерсти было достаточно, но для активно развивающегося ковроткачества не всегда хватало. Иногда в обмен на готовую продукцию – ковры, паласы, сумахи и др. азербайджанские торговые люди привозили фрукты, марену, шелк-сырец из Сальян; из Джавада – рыбу, икру, соль, шерсть, кожу; из Ленкорани – рис, шелк, а обратно из сел. Кабир, Штул, Ярар-Казмаляр, Рукель, Хив, Артик, где делались лучшие ковры, их большими партиями вывозили в Азербайджан, а оттуда отправляли в Грузию, Иран, Астрахань и т.д.⁶⁸

В официальном русском сообщении от апреля 1768 г. говорится, что лезгинские ковры вывозятся в Турцию, в Багдад, Басру.⁶⁹ Марена мастерицам по изготовлению ковров доставлялась из Дербента и Шемахи. Дербентская и шемахинская марена была лучшим красителем, ею красили хлопчатобумажные, шелковые, шерстяные нитки, которые широко применялись в ковроткацком производстве.⁷⁰

Транспортировка товаров по суше была в основном на вьючных животных: верблюдах, лошадях, мулах. Верблюды в среднем поднимали по 16-25 пудов. Как выносливые животные они использовались на дальних горных путях. Ими широко пользовались и на внутренних дорогах Азербайджана и Дагестана. Крестьяне, местные владельцы и скотоводы, держали по нескольку верблюдов, "на которых они между самурскими селениями и Баку возят купеческие товары и нефть"⁷¹.

В Дербент, Баку, Ахты, Докузпара, Самур, Таиркент и другие населенные пункты и общества, где дороги были в хорошем состоянии и широкие, небольшое количество перевозок осуществлялось на арбах.

На караванных путях из Дагестана в восточные страны, на дорогах Закавказья, в частности Азербайджана, располагались караван-сарай. Много караван-сараяв было построено в Северо-Восточном Азербайджане. Караван-сарай служили местом хранения товаров, отдыха, ночлега и защиты купцов от грабителей.

Путешественники XVIII в. (Лерх, Гмелин, Биберштейн, Серебров) свидетельствуют, что вдоль Каспийского моря, где пролегали караванные пути, находилось много караван-сараяв. "По реке Ахты-чай по дороге стоит обширный каменный гостиный двор "караван-сарай называемой"⁷². Он же писал: "Лучшие караван-сарай находятся по дороге от гор Бешбармаг до Баку и Сальян. Они имеют обширные колодцы, обнесенные стеной и покрытые сводом из тесанных камней, которые являются большой помощью для путешественников"⁷³.

Эти сведения Биберштейна 1796 г. подтверждаются более ранними сообщениями Гмелина, который указывал, что к северу от Азербайджана, ближе к лезгинским селам, стоят многие караван-сарай. В декабре 1773 г. по дороге в Баку Гмелин подъехал к караван-сараяу, "через два часа, писал он, – приехали мы в другой караван-сарай и спустя столько же времени прибыли к третьему"⁷⁴.

Караван-сарай представлял собой четырехугольное каменное сооружение с большим и длинным сводом внутри. Он снабжался водой "из стекающих внутрь источников. Во время нападения неприятельского укрыть может до 500 семей"⁷⁵. Гмелин свидетельствует, что на воротах и снаружи по стенам на камнях караван-сарая были высечены имена

на латинском, немецком и восточных языках. "Видел тут, – писал он, – под числом декабря 10 дня 1683 г. я имя ... Кемфера, равным образом под 25 числа августа 1733 года осталась память господина коллежского советника Лерха. Я, следуя примеру... прибавил к оным и мое"⁷⁶.

Согласно сведениям Чулкова, в Бешбармаке "построен караван-сарай для путешествующих, в котором вырезаны на стенах много имен русских, немцев, французов, шведов, поляков, армян, индейцев и жидов, ездивших в прежние времена через сие место с послами или для купечества"⁷⁷. Эти надписи доказательство того, что и в XVIII в. караванные пути через Дагестан и Азербайджан имели большое торговое значение и служили не только для внутренней торговли, но и что ими пользовались торговые и чиновные люди, дипломатические представители и путешественники из различных стран Европы и Азии.

Караван-сарай строились не только у дорог, но и в населенных пунктах. Такие небольшие караван-сарай были на Самуре, в Магарамкенте и Джавуткенте (выше Касумкента по дороге в Курахскую долину. В данное время это селение разрушено, остались стены от некоторых построек, по свидетельству близлежащих жителей там жили в основном евреи, о чем говорит и само название села).⁷⁸

Английский путешественник и коммерсант Дж. Форстер по пути из Индии в Петербург и далее в Лондон, также свидетельствует о наличии в Южном Дагестане, в Дербенте и в самом городе Баку караван-сараяв, предназначенных для христиан и мусульман-суннитов.

В городе Шеки имелись гянджинский, тебризский, лезгинский караван-сарай, в которых помещались купцы из соответствующих мест. Один из караван-сараяв XVIII в. существует в Баку до настоящего времени под названием Лезгипара⁷⁹ и сохраняется как исторический памятник архитектуры, что еще раз подтверждает наличие в прошлом тесных торгово-экономических связей народов Южного Дагестана с Азербайджаном.

Караван-сарай обслуживали преимущественно приезжих купцов и использовались не только для укрытия и защиты, но и под склады, жилье, для продажи товаров и в качестве конюшен.

Обычно в целях защиты от нападения и грабежа в больших населенных пунктах караван-сарай строили на подобие крепостей. Нижние этажи отводились под склады, а в верхних жили владельцы товаров. По вечерам наружные двери караван-сараяв закрывались и связь с местным населением прерывались. По свидетельству Биберштейна, караван-сарай городского типа более благоустроены: "Караван-сарай в городах, – писал он, – состоят из обширного квадратного двора, окруженного

квартирами по обычаю страны. Караван-сарай, которые встречаются на некоторых расстояниях друг от друга на больших дорогах, несколько иного типа. Эти постройки очень солидные, построенные из крупного тесаного камня: четыре стороны ее имеют маленькие круглые башни, так что они представляют караванам не только пристанище, но также и способы защиты от разбойников⁸⁰. Караван-сарай строились частными лицами или ханскими чиновниками, которые отдавали их на откуп. В связи с сильной междоусобной борьбой, караван-сарай, мосты и другие сооружения часто разрушались.

Большое число караван-сараяев на торговых путях и в населенных пунктах, особенно между Азербайджаном и южнодагестанскими селами является одним из доказательств оживленной внутренней и внешней торговли.

В XVIII в. русско-иранская торговля сконцентрировалась в северных районах Ирана, а также в Азербайджане и Дагестане. Это было обусловлено внутренними и внешними факторами, происходило в сложной политической обстановке и имело свою предысторию.

Перемещение экономического и политического центра Ирана на север, усиление торгового значения Северо-Восточного Азербайджана и граничащих с ним районов Южного Дагестана в международной торговле большей частью освещены в исторической литературе. Остаются недостаточно изученными место азербайджано-дагестанской торговли в этом процессе и значение торговых центров народов Южного Дагестана и Азербайджана для России.

В торговле России с центральным Ираном значительное место занимали обороты частных купцов – русских, иранских, азербайджанских, армянских и дагестанских. Традиционная политика Иранского государства и его торгово-политических кругов была направлена на то, чтобы ликвидировать первенствующую роль Дагестана и Азербайджана во внешней торговле, сделав Исфахан ее главным центром.

Таким образом, в течении XVIII в. ясно определилось экономическое и политическое значение севера, куда из внутреннего Ирана постепенно перемещался центр экономической жизни страны. Перемещение экономического и политического центра на север страны в дальнейшем полностью себя оправдало и обусловило усиление коммерческой деятельности русских в Азербайджане и Дагестане.

Для понимания роли торговли в экономике народов Южного Дагестана важное значение имеет и характеристика импортировавшихся товаров, особенно тех, которые пользовались большим спросом. Анализ документов показывает, что наибольшим спросом, как было сказано

выше, пользовались разнообразное сукно как восточного, так и западного производства, выделенные кожи, красные кожи, холст, полотно, меха бухарские, нефть и др. изделия.

Сохранились сведения 1802 г. Кубинской таможни о вывозе товаров из Самура, Штула, "кюринских деревень, в г. Баку и Шемаху, азербайджанскими и местными торговыми людьми. В одном из документов говорится: "Я, нижеподписывающийся, объявляю, что вести желаю сухопутно в г.Баку и села Азербайджана собственно моего покупного товара иностранного на 3 тыс. 500 руб."⁸¹.

Торговля Азербайджана с Дагестаном, в том числе и с Южным Дагестаном, носила многосторонний характер. В сведениях Кизлярской пограничной конторы за 1812 г. говорится о привозе в Кизляр купцами товаров из Баку, Кубы, Дербента, Ахты, Докузпаринского общества, Рутула, Хурека шелку сырца – 4 пуда. Из Баку купец А.Мамедали привез товаров: дараи – 2 штуки, шелку сырца – 40 полутай. Из Кубы и Хрюка Арзакули и Сафарали привезли ковров – 10 штук, гранат – 7 чечней, винограда – 1 чечень, душабу – 1 пуд, варенья – 1 кувшин. Из персидского гор. Шемахи вместе с жителями Ахты купец Калустов и Керимбала привезли совместно товару: ковры лезгинские – 12 шт., орехов грецких – 6 полухаралов, шелка-сырец – 24 полутая, кураги сушенной – 15 полухаралов, шепталы (персики – Н.М.) – 16 полухаралов, палазов – два, орехов мелких – 3 мешка, воску желтого – 320 кругов, внутреннего говяжьего жира – 4 пуда и т.д.⁸²

Видимо, торговые люди из Южного Дагестана и Азербайджана возили товары сообща, договорившись о совместной торговле, особенно, когда выезжали за пределы своих регионов. Это нужно было прежде всего для безопасности в пути от нападения и грабежа, что часто случались в XVIII – первой половине XIX в.

В изучаемое время в Дагестане, в том числе и в южной его части, был значительный спрос на высококачественное железо и сталь и он удовлетворялся за счет импортируемого металла, в основном русского. Железо же гянджинское и гиянское было низкого качества. В 1824 г. пуд его стоил в Дербенте 2 руб. 50 коп., мазандаранского – 1 руб. 80 коп., в то время как русское железо шло по 3-4 руб. за пуд.⁸³ Выгодная посредническая торговля металлами в регионе находилась в основном в руках дербентских купцов, живших в Астрахани. Они из Астрахани отправляли в больших количествах железо прямо в Дербент, Баку, Екзели и др. Так, по сведениям Астраханской таможни 1828 г. дербентскому купцу Ашоту Белдееву было разрешено купить в Астрахани "железа – шесть тысяч, стали – тысяча пятьсот, лом – триста пудов" для вывоза в дербентские и азербайджанские приморские районы.⁸⁴

В число запрещенных русских товаров, пользовавшихся огромным спросом в Дербенте, Баку, Шемахе, входили золото и серебро в монетах и слитках. "Цена там превосходная. На них покупают всякие товары... сверх того в Дербенте, Баку, Шемахе и протчих местах ... российские серебряные монеты ломают и делают из них свои..."⁸⁵.

Власти России предпринимали строгие меры против вывоза золота и серебра. Но несмотря на строгое запрещение серебряные монеты и золотые червонцы тайно вывозили в Дагестан и Азербайджан. В секретном консульском донесении российским властям говорится: "Я получил известие, что привезено той серебряной монеты, кизлярским татаринном Алыча, сорок тысяч, шекинским купцом Асланом Магдисером и его товарищем с Кураха и Самура Курбаном Али и Султан Салмановым сорок пять тысяч рублей и купили на эти деньги шелку и с тем обратно отправились до Кизляра. Таким образом, на привезенную из России серебряную монету в Дагестане куплено шелку до четырехсот тай, а каждая тая весом имеет шелку шесть пудов"⁸⁶. (Пуд шелка-сырца в рассматриваемое время стоил в среднем от 36 до 46 руб. сер. – Н.М.).

Особый интерес для нас представляют сведения о товарах, производившихся народами Азербайджана, это – кожи, шелковые изделия, воск, нефть и т.д. Так у азербайджанского купца Юсупа Газиева, везшего товар в соседние лезгинские села, было обнаружено: тафты – Чийда красной – 3 шт., малиновой – 2 шт., миндаля – 1 пуд, бурметов – три конца, бязи бумажной – 1 шт. Все эти товары были зарегистрированы таможенниками на посту через р. Самур.⁸⁷

Медные изделия ввозили в районы Южного Дагестана, в целом и во весь Дагестан, из местечка Лагич Ширванской провинции (Шемахинский уезд). Местечко это находилось вне торговых путей, было удалено от торгово-экономических центров и размещалось на высокой и неприступной горной местности, "казалось бы, что одни только изгнанники могли бы избрать такие утесы для жилища, что одна гибельная крайность в состоянии водворить там людей"⁸⁸.

В этом местечке еще в начале XIX в. было 52 заведения, в которых изготовлялась медная посуда.⁸⁹ В то время лагичские мастера покупали медь либо в Тифлисе, либо в Дербенте, причем мастера отдавали "преимущество меди, получаемой из Дербента, перед тифлискою"⁹⁰.

Медной посудой Лагича снабжались "все наши мусульманские провинции, Тифлис, Баку, Куба, Дербент, Дагестан и даже Персия"⁹¹. Как видим медные изделия Лагича, являлись предметом вывоза за пределы Азербайджана, в частности и в Дагестан.

Активное участие в торговле принимали кроме дагестанских и

азербайджанских купцов астраханские, грузинские, армянские, а также торговцы из разных населенных пунктов Закавказья и Ирана. Они поставляли товар разного ассортимента. Одни из них везли из Южного Дагестана в Астрахань, а другие из Азербайджана в Астрахань и оттуда обратно, а тут уже ассортимент товаров был другим. Так, хачмазский житель Мамедкерим привез через Самур из Оружба восточные товары: платки гиянские, шемахинские, кашанские бусы в обмен на шкурки лисиц, волков и др. Другой житель Нахичевана также привез на базар в село Рубас, но только местный азербайджанский товар: воск, сукна разные, глиняную посуду, кувшины.⁹²

Купец Керим Богаев, вез в Дагестан шелк-сырец – 40 пуд., с ним Вахт Асеров из лезгинской деревни Кутлар вез шкур волчьих 3 мотка, шкур лисьих 15 штук, сукна лезгинского 25 тай, сафьянов – 42 шт.⁹³ Весь этот товар был вывезен в Кизляр для продажи, а оттуда в Россию.

В других документах говорится, что лезгинский торговый человек из деревни Казидере вез в Баку кумачей красных – 100 шт., бязи – 15 тай, а купец Хаджиага Джафаров вез из Баку кумачей десять штук и платков 20 шт.⁹⁴ Из Шемахи Захар Алхасов вез товару в Дагестан бурметей – 2978 штук, кумачей красных – 640 штук, аладжи бумажные – 900 штук, бязи белой – 370 тай, дараи шелковые желтые – 26 штук, зеленых – 10 шт., красных – 11 шт.; платков шелковых черных – 6 шт., малиновых – 3 шт., ковров шелковых – 115 штук, кафтанов – 3 шт., покрывал – 100 шт., мешков шерстяных – 7 шт.⁹⁵

Как видно, в последнем случае ассортимент товаров шире. Большое место в привозе занимали шелковые восточные ткани, видимо они пользовались большим спросом.

Интересно также отметить, что среди поступающих из Южного Дагестана в Азербайджан товаров южнодагестанского происхождения, появляются и съестные припасы. Так, например, наравне с такими товарами, как кожи, меха, ковры шерстяные, паласы, сумахи, животное сырье и изделия ремесленного производства отмечаются продукты питания, пастила, груши, курага и чихирь лезгинский.⁹⁶

О торговых связях между лезгинскими селами и Азербайджаном в XVIII в. можно судить и по ведомостям таможенных сборов, где фиксируются пошлины с дагестанских жителей за продажу огородных овощей – 143 руб., лошадей – 26 руб., меда – 146 руб. Всего же с привозных товаров из лезгинских сел и Южного Дагестана было взято 3985 руб. за год.⁹⁷

Пошлины были разнообразны и многочисленны, в книгах регистрации за 1801-1802 гг. взимания пошлин в Шекинском, Самурском и Бакинском постах колеблется в следующих цифрах:

шелк с вьюка	– 4 руб. 20 коп.
краска	– 4 руб. 20 коп.
хлопч. бумага	– 2 руб. 50 коп.
сахар	– 2 руб. 12 коп.
масло	– 2 руб. 12 коп.
мед	– 2 руб. 12 коп.
финики	– 1 руб.
бумажные нитки	– 4 руб. 20 коп.
табак	– 2 руб. 12 коп.
мыло	– 1 руб. 60 коп.
гранаты	– 10 коп.
горох (нохут)	– 62 коп.
деревянные изделия с продавца	– 5 коп.
орехи	– 40 коп.

Купцы, прибывшие из других ханств и проживающие в караван-сараях свыше 15 дней, платили: 1) за большую лавку – 2 руб. 40 коп., среднюю – 1 руб. 60 коп., малую – 1 руб. 20 коп., за сушеные фрукты с продавца – 40 коп.⁹⁸ Если привезенный товар в город или какой-нибудь населенный пункт в течение десяти дней не продается и купец везет его обратно, то он должен заплатить "саламат пулы" с вьюка по 40 коп.⁹⁹

Стоимость товаров одного купца в основном составляла от 30 до 2000 руб. Но среди них выделяются и более крупные торговцы, сумма товаров которых определялась в 300 и более рублей. Так, например, трое шекинских купцов привезли к границам Южного Дагестана товара на сумму 237 руб., в том числе 50 пудов "шемахинского вареного шелка" и 1 пуд 21 фунтов шелку сырца, со всех их было взято таможенной пошлины.¹⁰⁰

Как видно из документов, из Азербайджана в Дагестан привозили в основном шелк-сырец, шелковые ткани, заплатив в обязательном порядке таможенную пошлину. Из кожевенных изделий отмечается привоз на 174 руб. Общая же стоимость всех товаров, привезенных за 1796 год из Азербайджана в Дагестан, составила 9610 руб.¹⁰¹ Соответственно с этой же суммы были взяты определенные пошлины.

Особое значение при изучении торгово-экономических контактов Азербайджана и Южного Дагестана имеет изучение системы мер и весов, имевших хождение в регионе. В Хачмазе, Гусарах, Кубе и Худате, в этих крупных торговых центрах, в начале XIX в. хождение имели две восточные меры. "Хлеб здесь измерялся рубемами, коих главных два: лез-

гинская и мишкурская. Каждая руба делится на 12 килей. Мишкурская руба содержит на вес пшеницы 16 3/4 батманов... Лезгинская руба вдвое меньше мишкурской"¹⁰².

Исследования показывают, что в Южном Дагестане и в Северном Азербайджане существовали в основном одни и те же названия стандартов в системе мер и весов, в денежном счете. Так, например: чет-кепек – пол копейки, копек – копейка, шаги – пять копеек, эки шаги – десять копеек, абас – двадцать копеек, манат – рубль и т.д.¹⁰³ То общее, что дает нам торговая терминология, убедительно свидетельствует о наличии прочных торговых связей между населением Южного Дагестана и Азербайджана.

Условия торговли в XVIII – первой половине XIX в. были нелегкие в силу того, что не было единой денежной системы. Каждая область чеканила свою монету. Стоимость денег менялась на протяжении рассматриваемого времени не один раз.

Русская рублевая монета продавалась на рынках от 1 руб. 10 коп. Местный аббас (20 коп.) стоил 12 коп. русскими деньгами.¹⁰⁴

К началу XIX в. наблюдается новый экономический подъем в Южном Дагестане как в сельском хозяйстве, так в домашней промышленности, наблюдается оживление торговли. Помимо посевов зерновых культур, широкое распространение получило товарное садоводство, огородничество и разведение винограда, мареноводство и посадки тутовых деревьев с целью разведения шелковичных червей, увеличение объемов продукции сельского хозяйства вело к профессионализму в ремесле и в торговле. Большой доход жители сел. Хнов, Куркент, Ярар Казмалар, Хив и др. получали от продажи тулупов овчиных, бурок, ковров, сукна. Кроме шерстяной промышленности, важное место в первой половине XIX в. в торговле между Азербайджаном и лезгинскими селами занимали металлические изделия, такие как оружие, изделия из дерева, меди, гончарного производства, кузнечества и др.

Многие купцы развозили товар внутри нескольких селений. В документах часто встречаются азербайджанские купцы, которые ездили с товаром по селам и продавали. Так, из азербайджанского села Лек-чай "персианин Камал-ага и с ним товарищи развозили по селам Белиджи, Мака, Шихкент товару: дараи – 10 штук, кушаков шалевых – 4 шт., платков – 23 шт. и т.п.¹⁰⁵

В свою очередь, из Шихкента Алахверди – местный торговый человек – привез в Нуху "шкур медвежьих – 8 шт., лисьих – 14 шт., палазов – 8 шт., кувшинов медных – 2 шт., таз – 1 шт., ... сукна лезгинского – 10 аршин"¹⁰⁶.

В 40-х годах XIX в. в торговый обмен между Азербайджаном и

Южным Дагестаном был настолько интенсивен, что через пограничную таможенную на Самуре прошло до 15 тыс. горцев и с каждым годом число их увеличивалось. Об этом говорит количество регистрации товаров.

В 1845 г. – 16241 пуд сушеных груш и орехов

1846 г. – 32932 пуд. – // –

1854 г. – 77376 пуд. – // –

А в 1855 г. сельскохозяйственная продукция поступила на сумму 500.202 р. 77 коп.¹⁰⁷

Транзитная торговля персидскими товарами доставляла большие доходы южнодагестанским купцам. Поэтому директор Астраханской портовой таможни предлагал ген. Тормасову открыть в г. Нухе таможенную заставу, т.к. по его данным провоз в Дагестан торговых грузов составлял более 10 тыс. таев (или 60 тыс. пудов).

Однако, если взять некоторые данные о наращивании торговли Южного Дагестана и всего Дагестана в целом в середине XIX в. с Закавказьем и с Россией, то следует указать на внутренние и внешние причины. Этому способствовал указ изданный Екатериной II в 1763 г., по которому купцы от горских народов освобождались от пошлин при провозе своего товара в российские пределы.¹⁰⁸

А в 1810 г. было утверждено специальное положение о развитии торговли с горскими народами. В связи с этим по всей Кавказской кардонной линии была создана сеть меновых дворов. Это еще больше интенсифицировало торговые переезды из Дагестана в Россию, Закавказье, Персию и наоборот. В журнальных записях таможен можно проследить этот процесс.

Так, дербентская таможенная заставка выдала большое количество свидетельств о получении торговых пошлин за провоз товаров через Дербент, Южный Дагестан в Азербайджан и далее, а также и обратный провоз товаров.¹⁰⁹

Среди населения как Дагестана, так и Азербайджана всегда большим спросом пользовались товары русского производства. И несмотря на то, что уже с 1799 г. с дагестанских торговых людей начали взыскивать пошлину, приток товаров не уменьшался. Так, по записям в таможене Кизляра в этот же год было собрано пошлин на сумму 4.801 руб., в том числе серебряной монетой 4.440 руб.¹¹⁰

К этому времени относится и обширная переписка южнодагестанских сельских обществ к русским командованиям по вопросу о разрешении им торговать с Азербайджаном и в России, на что был получен положительный ответ. Однако разрешение получили лишь те общества, которые были либо на хорошем счету, либо давали подписку и присылали аманатов.¹¹¹

Изучение источников приводит к заключению, что в Северо-Восточном Азербайджане были несколько лучшие условия для дагестанской торговли, чем в других пунктах коммерческой деятельности дагестанского купечества. Этому способствовали кроме хозяйственно-экономических и политические факторы. Необходимо проводить четкую грань между условиями торговли до и после объединения Северо-Восточного Азербайджана, хронологическим рубежом которого был 1768 г. До объединения Северо-Восточного Азербайджана Шемахинское, Бакинское и Джавадское ханства вели по отношению к дагестанской торговле самостоятельную политику.

Война между Кубинским и Шемахинским ханствами, длившаяся с перерывами почти три года (1765-1768 гг.), не могла не отразиться на состоянии торговли. Шемаха, располагая таким богатством, как шелк-сырец, представляла собой важный рынок. В нее стекались купеческие караваны не только из Южного Дагестана и Дагестана в целом, но и из Гянджи, Тифлиса, Шеки, Карабаха, Еревана, Решта. Однако вывоз и привоз товаров в Шемаху был стеснен из-за войн.¹¹² Путь в Шемаху для кубинских, хачмазских, гусарских, самурских, дагестанских, бакинских, дербентских и других купцов также в связи с военными действиями в регионе был закрыт. Препятствия для торговли полностью бывали устранены лишь в период перемирия.

Неблагоприятная обстановка отражалась прежде всего на положении местных и соседних дагестанских торговцев, и меньше сказывалась на иностранцах.

Однако несмотря на войну между Кубинским и Шемахинским ханствами, мы не обнаружили фактов преднамеренного грабежа дагестанских товаров ни одной из воюющих сторон. Имели место лишь случаи их конфискации, когда дагестанские товары следовали в смешанных караванах и их трудно было отличить от товаров противной стороны.

В 1768 г. объединение земель Северо-Восточного Азербайджана под эгидой Дербентского ханства было завершено. Такая консолидация, как показал исторический опыт последующего периода, усилила сближение Азербайджана с Дагестаном, положительно повлияла на дагестано-азербайджанскую торговлю. В пределах Северо-Восточного Азербайджана утвердились исключительно выгодные условия для южнодагестанской торговли. Купцам представляется свободный и безопасный проезд и доступ к рынкам сбыта, кубинские власти охраняли торговые пути и интересы дагестанских купцов. Недалеко от Баку (селение Сарай) находилась кубинская охранная служба во главе с юзбаши.¹¹³

Итак, к концу XVIII – в первой половине XIX в. продолжалось

дальнейшее развитие торговых связей Северо-Восточного Азербайджана с Дагестаном. Эти связи переплетались с добрососедскими и политическими отношениями. Правители Северо-Восточного Азербайджана выступали на защиту прав своих купцов на внешнем рынке. Так, например, по мнению дербентского хана, торговля между Южным Дагестаном и Азербайджаном должна была осуществляться на выгодных условиях для обеих сторон.

Правительствующие круги Азербайджана, со своей стороны, рассматривали торговые связи с народами Южного Дагестана как имеющие материальное и культурное значение в жизни страны. В свободном передвижении купцов и их коммерческой деятельности в Азербайджане были замечены элементы некоторого благоустройства.

¹ Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненых на оном Российских завоеваний, яко часть истории Петра Великого. СПб., 1763. С.88-89.

² Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. С.87, 88.

³ Там же. С.88.

⁴ РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.572. Л.42.

⁵ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С.88.

⁶ Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе естества. СПб., 1785. Ч.III. Половин I. С.31-32.

⁷ Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С.219.

⁸ Гмелин С.Г. Указ. соч. С.21.

⁹ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С.88.

¹⁰ Белевы путешествия через Россию в разные азиатские земли, а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь / Перевод с франц. СПб., 1776. Ч.I. С.180.

¹¹ См.: Кудрявцев А.А., Шихсаидов А.Р. Опыт периодизации экономического развития средневекового Дербента (VI-XVIII вв.) // Товарно-денежные отношения на Ближнем и среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979. С.136.

¹² Олеарий А. Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию / Пер. с немецк. Павла Барсова. М., 1870. С.324.

¹³ Полиевктов М.А. Материалы по истории Грузии и Кавказа. М., 1937. Вып. VI. С.289.

¹⁴ Гмелин С.Г. Указ. соч. С.9, 31.

¹⁵ Цит.: Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией. Баку, 1965. С.140-141.

¹⁶ Шихсаидова Р.С. Материалы фонда "Кизлярский комендант" как источник для изучения дагестано-закавказских торговых взаимоотношений в XVIII – нач. XIX в. // Источниковедение истории Дагестана. Махачкала, 1987. С.97,

98; ГАРД. Ф.18. Оп.1. Д.31. Л.44 об.; 78, 79.

¹⁷ Рамазанов Х.Х. Сельское хозяйство и промышленность Дагестана в пореформенный период (1861-1900 гг.). Махачкала, 1972. С.95.

¹⁸ Там же. С.76.

¹⁹ Шаров Ю. Обзор производительных сил Кавказского наместничества // Кавказский календарь на 1879 год. Тифлис, 1878. С.492.

²⁰ ГА РД. Ф.18. Оп.1. Д.217. Л.64.

²¹ Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С.58.

²² Лопухин А.Н. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // ИГЭД. С.9.

²³ Степанов И.А. Шерстяное производство. Тифлис, 1891. С.270-271.

²⁴ Сумбатзаде. Сельское хозяйство Азербайджана в XIX в. Баку, 1958. С.77; Исаев М.Д. Ковровое производство Закавказья. С.82-83.

²⁵ Там же.

²⁶ Исаев М.Д. Указ. соч. С.118.

²⁷ Гулишамбаров С.И. Обзор фабрик и заводов Закавказского края. Тифлис, 1894. С.253.

²⁸ Полевой материал, собранный автором в сел. Кабир, Икра и Штул Курахского р-на в 1999 г.

²⁹ Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964. С.125; Новосельцев А.А. Города Азербайджана и Восточной Армении в XVII-XVIII вв. // История СССР. 1959. №1. С.108.

³⁰ Орлов П.А. Указатель фабрик и заводов окраин России. СПб., 1895. С.135; Полевой материал, собранный автором в Курахском районе в 1997-98 гг.

³¹ Там же.

³² Фехнер М.В. Торговля русского государства со странами Востока в XVI в. М., 1956. С.20.

³³ Сумбатзаде А.С. Промышленность Азербайджана в XIX в. в Баку, 1964. С.28.

³⁴ Цит.: Исаев М.Д. Указ. соч. С.11.

³⁵ Там же; Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки... С.82.

³⁶ Чулков М. Историческое описание Российской коммерции... М., 1785. Т.II. Кн.2. С.533.

³⁷ Там же.

³⁸ Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения его с Россией. Баку, 1965. С.193.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Полевой материал, собранный автором в Южном Дагестане в 1987-1991 гг.

⁴¹ Сумбатзаде А.С. Указ. соч. С.37.

⁴² Там же.

⁴³ Алиев Ф.М. Азербайджано-русские отношения. Баку, 1985. С.52.

⁴⁴ Полевой материал, собранный автором в 1987, 1990, 1993 гг. в Гусарском и Закатальском районах Азербайджана.

- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Полевой материал, собранный автором в Северном Азербайджане в 1999 г.
- ⁴⁷ Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С.19.
- ⁴⁸ Полевой материал, собранный автором в Рутульском районе в 1999 г.
- ⁴⁹ Сумбатзаде А.С. Промышленность Азербайджана в XIX в. Баку, 1964. С.154.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Хатисов К. Кустарные производства Закатальского края (исследования по кустарной промышленности в России). СПб., 1894. Т.II. С.314.
- ⁵² Магомедов Н.А. Дербент и Дербентское владение XVIII – пер. пол. XIX в. (Политическое положение и экономическое развитие). Махачкала, 1998. С.118.
- ⁵³ Ашурбейли С. Очерки средневекового Баку. Баку, 1964. С.210-212.
- ⁵⁴ Егизаров С.А. Исследования по истории учреждений в Закавказье. Казань, 1891. Ч.II. С.21.
- ⁵⁵ Петрушевский И.П. Азербайджан в XVI-XVII вв. // Сб. статей по истории Азербайджана. Баку, 1949. Вып.1. С.295.
- ⁵⁶ Гамрекели В.Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1986. С.84, 87.
- ⁵⁷ Бутков П.Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1796 г. // ИГЭД. С.202.
- ⁵⁸ Маркова О.П. Русско-иранская торговля в последнее десятилетие XVIII в. // УЗ ИВАН Аз. ССР. 1959. №1. С.108.
- ⁵⁹ Цит. по кн.: Алиев Ф.М.: Города Северного Азербайджана. С.27.
- ⁶⁰ Русско-дагестанские отношения в XVIII – нач. XIX вв. // Сб. док. под редакцией В.Г.Гаджиева. М.: Наука, 1988 (Далее – РДО). С.222-224.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² См.: Магомедов Н.А. Дербент и Дербентское владение в XVIII – первой половине XIX вв.: проблемы политического положения и экономического развития: Дисс.... д-ра ист. наук. Махачкала, 1999. С.302.
- ⁶³ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С.390.
- ⁶⁴ Там же. С.392; Магомедов Н.А. Указ. соч. С.176.
- ⁶⁵ Левиатов В.Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948. С.67.
- ⁶⁶ Абдурахманов А.А. Азербайджан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана в первой пол. XVIII в. Баку, 1954.. С.28.
- ⁶⁷ Там же. С.29.
- ⁶⁸ Мустафаев Д.М. Северные ханства Азербайджан и Россия (конец XVIII – нач. XIX в.). Баку, 1989. С.41.
- ⁶⁹ Алиев Ф.М. Азербайджано-русские отношения. XV-XIX вв. Баку, 1985. Ч.I. С.156-157.
- ⁷⁰ Алиев Ф.М. Указ. соч. С.157.

- ⁷¹ Ставропольские губернские ведомости. 1855. №38. С.313.
- ⁷² Биберштейн М. Описание провинций, расположенных на левом берегу Каспийского моря между реками Терек и Кура. 1798 г. // ИГЭД. С.51.
- ⁷³ Там же. С.52.
- ⁷⁴ Гмелин С. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе. СПб., 1785. Ч.III. С.53.
- ⁷⁵ Чулков М. Историческое описание Российской коммерции. СПб., 1781. Т.I. Кн.I. С.457.
- ⁷⁶ Гмелин С. Указ. соч. Ч.III. С.58.
- ⁷⁷ Чулков М. Указ. соч. Т.2. Кн.2. С.521.
- ⁷⁸ Полевой материал, собранный автором в Касумкентском и Курахском районах в 1999-2000 г.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ Биберштейн М. Указ. соч. С.51.
- ⁸¹ Цит.: Зевакин Е. Азербайджан в XVIII в. Баку, 1929. С.24.
- ⁸² ЦГА РД. Ф.Кизлярский комендант. Д.380. Л.910; Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С.349.
- ⁸³ Мустафаев Д. Указ. соч. С.57.
- ⁸⁴ См.: Магомедов Н.А. Дербент и Дербентское владение ... С.265.
- ⁸⁵ Цит.: Багирова М.М. История Шекинского ханства и присоединение его к России: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Баку, 1980. С.27.
- ⁸⁶ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С.439; Зевакин Е. Указ. соч. С.21.
- ⁸⁷ Киласов Р.К. Из истории торговли Дагестана в XVIII в. // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1975. С.152.
- ⁸⁸ Труды первого съезда деятелей по кустарной промышленности Кавказа. Тифлис, 1902. С.60.
- ⁸⁹ Там же. С.62.
- ⁹⁰ Евецкий О. Статистическое описание Закавказского края. СПб., 1835. С.206.
- ⁹¹ Там же. С.206.
- ⁹² Там же. С.153.
- ⁹³ Алиев Ф.М. Указ. соч. С.81.
- ⁹⁴ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С.312.
- ⁹⁵ Там же. С.320.
- ⁹⁶ Гусейнов А.М. Азербайджано-русские отношения в XVII-XVIII в. Баку, 1963. С.112.
- ⁹⁷ Киласов Р.К. Указ. соч. С.152.
- ⁹⁸ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С.344-345.
- ⁹⁹ Алиев Ф.М. Указ. соч. С.170.
- ¹⁰⁰ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С.345.
- ¹⁰¹ Там же; Юхт А.И. Восточная торговля в 30-40-х гг. XVIII в. // Известия АН АЗССР. 1956. №8. С.24.

- ¹⁰² Петрушевский И.П. Общая метрология. СПб., 1949. Ч.1. С.461.
- ¹⁰³ Полевой материал, собранный автором в Северном Азербайджане и Южном Дагестане в 1999 г.
- ¹⁰⁴ Спасский И.Г. Русская монетная система. М., 1960. С.87; Ашурбейли С. История г.Баку. М., 1959. С.235.
- ¹⁰⁵ РДО / Под ред. В.Г.Гаджиева. М., 1988. С.115.
- ¹⁰⁶ Киласов Р.К. Указ. соч. С.156.
- ¹⁰⁷ Бакунин Ф.А. Очерк внешней торговли Азербайджана. СПб., 1876. С.97.
- ¹⁰⁸ Бутков .Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. СПб., 1869. Ч.II. С.104.
- ¹⁰⁹ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С.179.
- ¹¹⁰ АКАК. Тифлис, 1866. Т.1. С.757.
- ¹¹¹ Там же. С.660.
- ¹¹² Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С.363.
- ¹¹³ Гмелин С. Указ. соч. Ч.III. С.60.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**



instituteofhistory.ru

ГЛАВА II. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАРОДОВ ЮЖНОГО ДАГЕСТАНА С АЗЕРБАЙДЖАНОМ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

§ 1. Внутри и внешнеполитическое положение народов Южного Дагестана и Северного Азербайджана

Территория Дагестана представляет значительную часть огромной горной системы, простирающийся от Черного до Каспийского моря, за исключением низменной полосы вдоль Каспия. Территорию к югу от Кайтага до реки Чирах-чай протяженностью более 50 км, и от Дербента на запад более 70 км, занимали табасаранцы. Всю юго-восточную часть занимали лезгины, которые делились на две части. Первые из них назывались гетигар, от названия сел. Чехэ-Гетаг, главного села Кюры, а вторые – жители долины реки Самур-Ахсагар, от названия сел. Ахса (Ахты). Среднюю часть Самура занимали рутулы, а верховья реки – цахуры, в верховьях Чирахского и Курахского ущелий проживали агулы.

В г.Дербенте проживали азербайджанцы, армяне, грузины, русские, греки и др.

Описанная картина расселения народов обнаруживает большую стабильность. Однако это не значит, что в Дагестане в течение веков не происходили миграционные процессы. Кроме переселения в Дагестан ряда народов в XVI в. в конце XVII в. и особенно в XVIII в. довольно интенсивным было переселение народов Южного Дагестана в Северный Азербайджан, горцев Западного Дагестана в Джаро-Белоканы и другие места, где проживали аварцы и цахуры.

Характерной чертой Дагестана в описываемое нами время была неравномерность социально-экономического развития. Это был край со сложными и пестрыми общественно-экономическими отношениями. И все же, если в целом характеризовать социальные отношения в XVIII в., мы должны признать, что несмотря на очевидное различие в степени развития отдельных частей региона, все же определяющими в Дагестане были феодальные общественно-экономические отношения.

Население феодальных владений и союзов сельских общин распалось на два, хотя и в неравномерной степени очерченных, класса. К господствующему классу относились шамхалы, ханы, князья, беки, чанки, сала-уздены. Эксплуатируемый класс состоял из лично свободных, но попавших в зависимость различной степени узденей (догорек-узденей, азат-узденей, чагары-крепостные, райяты и рабы). Однако в Горной части Дагестана и особенно в союзах сельских общин менее чет-

ко были выражены классовые отношения. Здесь не было резкой дифференциации, масса крестьян еще не была закрепощена.

Дагестан в XVIII – начале XIX в. не представлял единой политической целостной территории, а был раздроблен на целый ряд политических единиц: феодальные владения и несколько десятков союзов сельских общин. Южный Дагестан изучаемого времени включал в себя Дербентское ханство, Майсумство и Кадийство Табасаранские, Цахурское (Илисуйское) султанство, союзы сельских общин (магалы) Ахтыпара, Докузпара, Алтыпара, Кюринские магалы, Агул и Рутул. Территория Южного Дагестана в XVIII – нач. XIX в. была намного шире, чем территория в границах современного Дагестана. Так, в составе Дербентского владения находились земли нынешнего Северного Азербайджана, известные под названием Мушкур, Низабат, Шабран, Рустау и Бермяк, а также села современных Кусарского, Кубинского, Куткашенского и Кунахкентского районов Азербайджана, заселенных лезгинями.

Все эти союзы сельских общин управлялись выборными старшинами. Феодальные владения, а тем более союзы сельских общин не имели регулярной армии. В случае необходимости шамхалы, уцми, ханы, майсумы или старшины созывали вооруженное ополчение. Следует особо подчеркнуть, что по сложившейся истари традиции, народы Дагестана в целом в годы опасности нашествия вооруженных иноземных захватчиков объединялись и с оружием в руках отстаивали свою свободу и независимость. Так было во времена сасанидов, арабов, монголо-татар, Тамерлана, сефевидов и др. агрессоров.

Ханства Азербайджана в рассматриваемое время помимо междоусобиц раздирали внутренние классовые противоречия между феодалами и крестьянами. К числу первых относились светские и духовные феодалы: ханы, султаны, беки, агалары, мелики, шейхи, муштенды, кази, ахунды и др. Самыми крупными феодалами являлись владетельные ханы – верховные правители государства, главы господствующей иерархии. На следующей ступени феодальной лестницы стояли более мелкие феодалы – султаны и мелики.¹ Самой многочисленной прослойкой феодалов в ханствах Азербайджана были беки и агалары, которые занимали исключительно высшие должности в ханстве. Они получали жалованье из ханской казны. Основная обязанность беков и агаларов состояла в постоянной готовности их к ханской службе и особенно к военной.

Своеобразную социальную группу населения ханств Азербайджана составляли так называемые маафы. К ним относились привилегированные крестьяне, освобожденные от подушной подати за военную службу.

Маафы обязаны были личной службой, они входили в состав войска, в котором, сверх того, по призыву ханов должны были участвовать беки со своею прислугою и тем количеством подвластных, какое каждый из них был в состоянии вооружить.² Право на маафское сословие приобреталось или за особенные заслуги, или по ходатайству беков. Таким образом, крупный феодал – хан имел постоянный штат служилых людей, гвардию, которая пополнялась и превращалась в более крупное войско, если необходимо было выступить против иноземного вторжения. Кубинский хан, например, до присоединения ханства к России имел большое войско, состоявшее исключительно из маафов и нукеров.³

Маафы "не только не платили никаких податей и не несли повинностей, но еще получали от хана подарки лошадьми, оружием и другими вещами"⁴.

Таким образом, вполне понятно, что институт маафов был органически связан с ханским политическим строем и вытекал из социальной и военно-политической природы азербайджанских ханств конца XVIII – начала XIX в.

Большинство населения ханств Азербайджана составляли крестьяне, которые по своему правовому и имущественному положению делились на райятов, ранджбаров и элятов и др.

Самой многочисленной частью сельского населения были райяты, имевшие свое хозяйство, земельные наделы, инвентарь и рабочий скот. Они были обязаны платить подати и отбывать повинности в пользу феодалов. Землями сельских общин, членами, которых являлись райяты, владели ханы или их казна. В силу этого райяты делились на две категории, на именных, т.е. государственных и частновладельческих. Наиболее жестокой эксплуатации в ханствах Азербайджана в этот период подвергались ранджбары, не имевшие орудий производства, находившиеся в личной зависимости от феодалов. Наконец, в ханствах Азербайджана существовала кочевая прослойка общества, так называемые эляты, основным занятием, которых было скотоводство. Эляты составляли большинство ханских ополчений и были основной частью этих формирований. Поэтому они освобождались от многих повинностей, которые лежали на райятах. Феодальная же знать кочевых племен, которая составляла большую прослойку среди феодалов в ханствах, получала основной доход в форме ренты не от элятов-кочевников, а от райятов-земледельцев. Следовательно, положение элятов было значительно легче, чем райятов и ранджбаров.⁵

В Азербайджанских ханствах еще в конце XVIII – нач. XIX в., вплоть до присоединения их к России, сохранялось рабство, носившее

патриархально-домашний характер. Рабами были пленные и похищенные люди, ими торговали на невольнических рынках Турции и Ирана, а также в Дербентском ханстве.⁶

Население городов в ханствах Азербайджана XVIII – нач. XIX в. состояло из купцов, ремесленников и городской бедноты. В городах жила и ханская аристократия со своими нукерами (слугами). Значительная часть городского населения составляли крестьяне, зависимые от бекков.⁷

Ханства Азербайджана XVIII в. представляли собой феодальные монархии с неограниченной властью верховного правителя в лице хана. Последний был наделен высшей законодательной, судебной и исполнительной властью. Хан мог вынести смертный приговор и решение о помиловании. Разумеется, политика ханов выражала и защищала интересы феодалов землевладельцев. В изучаемое время система управления в ханствах была почти аналогична системе управления в шахском Иране.

Феодальная раздробленность ханств Азербайджана, присущая рассматриваемый период всему Закавказью, и бесконечные междоусобные войны, а также захватнические притязания Каджаров и турецких султанов разрушали отсталые производительные силы, обрекая народные массы на голод, нищету и вымирание. Все это значительно ослабило способность азербайджанского народа сопротивляться иранской и турецкой военно-феодальной экспансии. Усилия некоторых феодалов объединить ханства Азербайджана не имели успеха, экономическая отсталость и внутренние неурядицы служили препятствием для осуществления этих стремлений.

Необходимо учитывать военно-стратегическое значение территории Азербайджана и Южного Дагестана, расположенных на стыке Европы и Азии. Наиболее дальновидные феодальные правители Южного Дагестана и Азербайджана в конце XVIII – нач. XIX в. стремились к усилению и расширению экономических и политических связей с Россией, к включению своих владений в ее состав. Их желания совпадали с политическими и военно-стратегическими целями российского царизма, что послужило основной причиной форсированного включения ханств в состав России.

Если в конце XVIII в. царизм проводил политику создания на окраинах империи, в частности Закавказья и Дагестана вассальных государств, то в начале XIX в. он переходит к прямому захвату этих территорий. Эти территориальные приобретения были результатом не только прямых военных захватов, но и добровольного перехода кавказских феодалов в подданство России. Сам по себе факт присоединения к России некоторых южнодагестанских и азербайджанских владений не оз-

начал того, что политика царизма не преследовала здесь колониальные цели и не осуществлялась, как везде, военно-феодальными методами. Начав создавать военный плацдарм на границах Ирана и Турции в центре Закавказья, царская Россия стремилась расширить его путем включения в состав империи ханств Азербайджана и Дагестана.

В условиях крайнего разорения народных масс для взимания налогов шахскому правительству приходилось применять самые жестокие меры. Шахом издавались жесткие фирманы (указы), обязывающие население сообщать о скрывающихся налогоплательщиках, грозя смертной казнью в случае укрывательства и т.д. Так, например, один из шахских указов гласил: "Если кто найдет укрывающегося и сообщит о нем шаху, то голову укрывающегося шаху, а имущество станет добычей того лица, которое донесло о нем"⁸. Наместники шаха неоднократно делали попытки подчинить своей власти союзы сельских общин Самурской долины. Увеличение податного бремени, произвол и насилие со стороны шахских и местных властей не могли не вызвать возникновение в Азербайджане и Южном Дагестане сильного антииранского движения. Крестьянские массы не только уклонялись от уплаты крайне обременительных налогов, но и не раз поднимались в защиту своих прав. Насколько энергично было сопротивление трудящихся сефевидам видно из того, что шахской администрации при сборе налогов, как правило приходилось прибегать к угрозам и силе.⁹

В районах приморского и юго-западного Дагестана сефевидами строились крепости и укрепления. Они предназначались для препятствия свободному передвижению населения и перегону скота из Дагестана на зимние пастбища Азербайджана, мешали развитию торгово-экономических связей Дагестана с Закавказьем. Крепости и укрепления, являвшиеся опорными пунктами сефевидов, вызывали также особую тревогу у населения Дагестана еще и потому, что они могли быть в любое время использованы ими для новых вторжений. В рассматриваемое нами время сефевидские шахи вмешивались во внутренние дела феодальных владений Дагестана. Они утверждали феодалов во владельческих правах, выдавали фирманы на земельные угодья и т.д. Так, в 1711 году шах Гусейн утвердил Ахмед-хана уцмием Кайтага, которому "было дано... кроме доходов с Кайтагского владения, увеличение жалованья со ста туманов до двухсот туманов"¹⁰. И.Гербер писал, что кроме доходов, взимаемых с жителей Кайтага, "получает усмей прежде всего от шаха ко оным доходам еще прибавок до 2000 рублей, напротив того он повинен со своими подданными воинскую службу по требованию отправлять"¹¹. Однако "уважение" шаха Ирана оказывалось не всем феодалам Дагестана. Многие феодалы и, тем более, простой народ не

получали от шахов Ирана никаких вознаграждений и подарков. В лице крупных феодальных владетелей они видели феодальную опору и поэтому им выплачивались из казны денежные средства, вручались подарки, выдавались фирманы на владение землей, поддерживались их эксплуататорские притязания в отношении горского крестьянства. Таким образом, можно сказать, что сефевидский Иран в начале XVIII в. представлял для народов Дагестана угрозу национальной независимости и усилению социального гнета.

Рассматриваемое нами время проходило под знаком борьбы дагестанского и азербайджанского народов против завоевательной политики турецких и иранских владетелей. На протяжении почти всего XVIII в. экономические цели и политические интересы народных масс и некоторых слоев феодальной знати Дагестана и Азербайджана, слившись в одно русло, образовали общий фронт борьбы прежде всего против иранского господства и турецкой интервенции. Этим и было обусловлено возникновение в Закавказье, в том числе в Южном Дагестане, в 20-40-е годы XVIII в. мощного антииранского движения и борьбы против турецкой оккупации.

В самом начале изучаемого периода народное негодование выражалось главным образом в пассивной форме сопротивления. В источниках имеются сведения о массовом бегстве крестьян в отдаленные места, о действиях разбойничьих отрядов, совершавших нападения на отдельные феодальные поместья и купеческие караваны.¹²

Недовольство народных масс, особенно дало о себе знать на окраинах сефевидской монархии с неиранским населением, где гнет местных и иранских феодалов сочетался с религиозным преследованием. При осуществлении политики шиитизации азербайджанского народа жители отдельных населенных пунктов Азербайджана подвергались поголовному истреблению. При этом не щадили женщин и детей, стариков и ученых с крупными именами.¹³

Положение народных масс в Азербайджане было настолько трагичным и настолько они были озлоблены, что современники предсказывали неизбежность выступлений народных масс, констатируя, что народу не оставалось иного выхода.¹⁴ Первыми поднялись джарцы. Они вторглись в район Шемахи. К ним присоединились цахурцы. Вооруженные толпы крестьян прошли по Шекинской, Кабалинской, Ганджинской, Шамхорской областям и др.¹⁵ С разных сторон стекались к восставшим крестьяне. Повстанцы нападали на шахские войска и дружины местных феодалов. Бывали случаи истребления местных феодальных родов. Так, например, повстанцами был истреблен весь род кубинского Султан-

Ахмед-хана.¹⁶ После подавления восстания джарцев начались волнения в Кайтаге. В 1710 г. эти волнения против феодального гнета вылились в открытое восстание. К восставшим примкнул и уцмий кайтагский Ахмед-хан, придав восстанию исключительно антииранский характер.¹⁷

Борьба угнетенных народных масс в Дагестане развернулась в обстановке глубоких социально-экономических противоречий. Восстание кавказских горцев должно было еще более ослабить состояние иранского государства и положить конец иранскому владычеству на Кавказе.

По своему характеру это было антишахское движение, о чем красноречиво свидетельствует вышеприведенный материал. Его первоначально возглавили Каклы Шабан и Молла Абдуллах, к ним присоединился цахурский Али-Султан бей.¹⁸ Со временем антииранскую борьбу возглавили уроженец сел. Дебели Мюшкюрского уезда Хаджи-Дауд. Решившись возглавить военные действия против шахских войск, Хаджи-Дауд выступил против Шабрана и после упорной борьбы взял его. Отсюда он двинулся в Кубинское владение, взял населенный пункт Худат, к нему присоединились многие владетели Южного Дагестана. Объединившись в один мощный отряд, Хаджи-Дауд, Сурхай-хан и Ахмед-хан приступили к активным действиям в Северном Азербайджане.

Начиная с первого антииранского выступления, активную борьбу с иранцами и их ставленниками на Кавказе вели джаробелоканцы. Активизировалась борьба также и в Северном Азербайджане и в Южном Дагестане. Стремясь использовать создавшееся положение, Хаджи-Дауд активизировал свои действия. Он рассылал в разные места Дагестана письма с призывом подняться против ненавистных сефевидов. Уговаривал он и феодальных владетелей подняться на антишахскую борьбу. Как бы то ни было, в короткое время под знамена Хаджи-Дауда и Сурхай-хана собралось несколько тысяч горцев, готовых на решительную борьбу с иранцами.

21 июля 1721 г. повстанцы осадили Шемаху, а 7 августа 1721 г. заняли этот важный торгово-ремесленный и административный центр Северного Азербайджана.¹⁹ Причем большую роль в падении Шемахи сыграл переход части горожан на сторону повстанцев. Взяв Шемаху, повстанцы стали сжигать и грабить дома знатных и богатых людей. В это же время повстанцы Джара, Тала и Цахура разбили в Нухинском уезде шахские войска, возглавляемые правителем Ширвана, Гусейн-Али-ханом.²⁰ Вскоре после взятия Худата в Кубинское ханство прибыл уцмий Кайтага со своим войском, акушинцами и кюринцами, которых привлек на свою сторону.²¹ Тем временем, Хаджи-Дауд и Сурхай-хан в борьбе с сефевидами достигли крупных успехов, заняли низовую доро-

гу, город Шабран, восстание охватило окрестности Дербента. И Султан дербентский, доносил Ф.Бенеvine, который "за день приехал, был в Ширване, чтобы бунтовщиков примирить насилу... уходом спасся и приехал в Баку"²².

В Шемахе Хаджи-Дауд и Сурхай-хан оставались недолго. Это объясняется видимо не только тем, что их не поддерживали шемахинцы, но и отсутствием у предводителей повстанцев единой тактики, а также противоречиями в лагере горцев, существовавшими с самого начала борьбы. Жители Ахты-пары, как говорится в источнике, Дауд-беку и Сурхай-хану "помощь немалую учинили, притом они добычею себя не забывали и обогатились, и куда приходили, – с обывателями немилосердно поступали"²³. Тот же источник сообщает, что "куралинцы, дагестанцы, лезгины и прочие из гор пристали к Дауд-беку и Сурхаю потом пошли оные к Шемахе, в которой город, ибо он не укреплен был, силою ворвались, хана и всех людей высоких чинов побили, так же и других обитателей, ибо оные все шаги порубили, город ограбили, разорили и великое богатство из оного взяли. Хаджи-Дауд потом сиделище свое взял в Шемахе и оный город, как и всю провинцию, с Сурхай ханом разделил"²⁴. Анализ фактического материала показывает, что в дальнейшем повстанцы ограничивались внезапными нападениями. Нападали они на Ахты, Шабран, Низабад, угрожали Дербенту и другим городам и населенным пунктам. Вместе с тем "грабежи и разбои, чинимые местному населению лезгинскими отрядами", были одной из главных причин отхода народных масс от движения.

Крестьянские массы Южного Дагестана совместно с азербайджанцами оказывали шахским войскам вооруженное сопротивление, при появлении этих отрядов (т.е. "лезгинских") основные силы иранских войнов, старались не вступать с ними в бой, чтобы меньше было потерь, так как доведенные до отчаяния налогами, грабежом крестьяне боролись ожесточенно.

Первым из значительных городов, к которому подступили отряды повстанцев, был Шабран – это один из главных центров Ширвана. Находившийся в городе малочисленный гарнизон иранских войск не смог оказать сопротивление численно превосходящим отрядам повстанцев.²⁵

После этого события Хаджи-Дауд и Сурхай-хан повели свои отряды на север, намереваясь захватить Кубу и Дербент с близлежащими селами.

Хаджи-Дауду не удалось овладеть хорошо укрепленной Дербентской крепостью. Неудача в Дербенте убедили Хаджи-Дауда, что для достижения своей цели надо найти силы, которые можно было бы ис-

пользовать для борьбы против Ирана. В этой связи Хаджи-Дауд решил обратиться за помощью к Российскому государству. В одном из писем Хаджи-Дауда, астраханскому губернатору И.В.Кикину от 28 апреля 1721 г. говорилось: "Пресвятейшему и державнейшему великого государя подручному честнейшему и высокопочтенному и высокородному астраханскому боярину Ивану дружелюбья и доброго здоровья желаю. Преж сего" от кызылбаш многие обиды были и покою нам от них не стало, что они сделали обиду через силу и за то стали мы с ними, кызылбашами, в неприязнестве и за свою кровь им отомстим, и Дербент, Шемаху и Баку осадили..."²⁶. В другом письме на имя того же И.В.Кикина Хаджи-Дауд писал: "Ныне я хочу с вашею личностию дружелюбия иметь в соседстве и доноси мои слова великому государю, чтобы он по своему указу велел своим торговым людям свинцу и железу, и прочее, что нам надобно, проводить, а мы сторонным людям продавать не будем, и всем закажем, а от нас буде понадобится... что, то окроме государственных людей продавать не будем"²⁷.

Хаджи-Дауд все более и более усиливал антииранскую деятельность. Он рассылал в разные общества Дагестана и азербайджанским владельцам письма с призывом подняться против сефевидов, организовывал отряды, уговаривал феодальных владельцев Дагестана присоединиться к восставшим.

В борьбе с иранскими властями, кроме дагестанцев, как было сказано выше, были втянуты и некоторые азербайджанские феодалы, в частности куткашенский мелик Махмуд, его брат Ахмед и их сыновья, обладающие большим богатством.²⁸ Собрав вокруг себя огромную массу людей различного сословия и социального положения, Хаджи-Дауд в союзе с Сурхай-ханом Казикумухским решили нанести удар по Шемахе.

В связи с приближением многочисленных отрядов повстанцев в Шемахе поднялась тревога. Первоначально к городу подступил небольшой отряд-авангард повстанцев, среди которых в основном были войска из Дагестана. Однако они не стали входить в город, так как боялись, что силы их с неприятелем не равны. Повстанцы вынуждены были вернуться к Хаджи-Дауду, приближавшемуся с основными силами к Шемахе. 10 августа 1721 г. объединенные отряды лезгин и азербайджанцев взяли Шемаху. Напуганный успехами Хаджи-Дауда, ереванский хан, направил свои войска на Ширван. Узнав об этом, Хаджи-Дауд и его союзники из Дагестана, двинули свои отряды через Куру и вступили в бой, который также увенчался успехом повстанцев.

Руководители внешней политики России, внимательно отслеживали и анализировали сложившуюся ситуацию. Особый интерес в этом плане

представляет письмо А.П.Волынского к Петру I, где он отмечает: "Гаджи Дауд отнимет у персиян города и себе оставит, а именно Дербент и Шемаху"²⁹. Может это и оказалось одной из причин похода Петра I на Дагестан, об этом трудно сказать, хотя в исторической литературе об этом походе много версий. Сам Петр I придерживался таких взглядов: "Нам – заявил он, – нужна будет береги по Каспийскому морю овладеть, понеже турок тут допустить невозможно" и стал готовиться к походу.³⁰ Стало быть, Петр I, предпринимая поход на Восточный Кавказ, пытался решить ряд важных для России задач: предотвратить овладение Турцией Закавказьем, Южным Дагестаном и Прикаспием, а также разрешить не менее важные для страны экономические и политические проблемы. Присоединив к империи прикаспийские провинции, Петр I надеялся обеспечить необходимым сырьем развивающуюся мануфактурную промышленность России, а также перевести торговлю шелком Ирана и Дагестана с турецкого пути на Астрахань и тем самым превратить Россию в посредницу в торговле между Европой и Востоком.

В сентябре 1723 г., напуганный вторжением турецких войск на Кавказ, Иран подписал с Россией договор. По условиям Петербургского договора шах уступил России в вечное владение Дербент, Баку со всеми прилегающими и по Каспийскому морю лежащими землями и местами, а также провинции Гилян, Мазандаран, и Астрабад.³¹ Это еще больше обострило русско-турецкие отношения. Войну, казущуюся неизбежной, все же удалось отвести благодаря миру, заключенному в Константинополе в июле 1724 г. о разделении Кавказской территории на сферы влияния. По условиям этого договора за Россией закреплялись прикаспийские провинции Дагестана и Азербайджана. Остальная же территория Дагестана и Азербайджана, а также Грузия и Армения отходили Турции. Ширван был объявлен особым ханством. Город Шемаха оставался в прежнем состоянии. Однако народы Кавказа не были довольны Константинопольским договором и не хотели подчиниться власти Турции. Положение турецких властей осложнялось с каждым днем. Турецкий паша перестал доверять Хаджи-Дауду, который в последнее время почти не считался с турецким государством и проявлял попустительство в отношении антитурецких выступлений. Недовольство турецких правящих кругов было вызвано также и намечавшимся сближением его с Россией. В официальных турецких кругах стало известно, что Хаджи-Дауд ведет тайные приготовления, чтобы завязать дружеские узы с Русским государством. Вскоре по указанию султана он был арестован и сослан на Кипр, где и скончался. На место его был назначен Сурхай-хан, еще в 1721 г. отстраненный Хаджи-Даудом от управления Ширваном.

Но и после этого Сурхай-хан вел свою самостоятельную политику, всячески мешая разграничению Кавказских границ между Портой и Россией, он стал вмешиваться в дела Кюрийской провинции, отошедшей по договору с Турцией к России. Тогда же генерал Румянцев в свою очередь отправил с карательной целью отряд царских войск в Кюру, которая занимала большую часть Южного Дагестана, в результате некоторые села были разорены полностью.³²

Здесь же в Кюре между горами и отрядами царских войск произошла битва, в ответ царские войска "усмирили" 12 кюринских сел.³³

Если очертить границы территории Дагестана с 1725 по 1727 год, то пограничная линия между Россией и Турцией проходила следующим образом: к России отошли Алтыпаринский магал, Северный и Южный Табасаран, г.Дербент с Улусским магалом, Кайтаг и Гамринский магал.³⁴

Ахтыпаринское, Докузпаринское, Рутульское общества при разграничении земель отошли к Турции.³⁵ Жители Алтыпаринского общества, жившие в "крепких местах", не желавшие "слышать о таком разделении", были царскими властями оставлены в покое.³⁶ Гюнейский магал, подвластный Сурхаю, не признававшему русского владычества, был оставлен в составе Казикумухского ханства. Казикумухское ханство, Елисуйское султанство и Кубинское ханство оказались в номинальной зависимости от Турции.

Таким образом, значительная часть территории народов лезгинской группы должна была отойти к Турции. Народы же, попавшие под власть турецких оккупантов, поднимались на борьбу за свое освобождение. Турецкие ставленники с помощью местных феодальных владетелей принимали меры для подавления выступлений народных масс.

В свою очередь, владения Азербайджана также были разделены между Россией, Турцией и Ираном. Анализ сложившейся ситуации показывает, что накануне нашествий Надир-шаха в Дагестане сохранялась сложная и напряженная обстановка. Внутриполитическое состояние Дагестана, усугубленное политической децентрализацией, пестротой этнического состава населения, сложными взаимоотношениями между феодальными владениями и союзами сельских общин, вмешательством соседних держав, характеризовалось наличием многочисленных очагов напряженности, перераставших в вооруженные столкновения. Такая ситуация, несомненно способствовала воспитанию дагестанцев, как храбрых и умелых воинов, но вместе с тем ослабляла возможность совместного отражения внешней угрозы.

Внешнеполитическое положение Дагестана определялось полити-

кой противоборствовавших сторон, сложным переплетением русско-иранских и русско-турецких отношений, заметным сближением Ирана с Россией и обострением русско-турецких противоречий из-за определения сфер влияния в Дагестане и прикаспийских областях. Отличительной особенностью политической жизни народов Дагестана в этот период следует считать более определенную ориентацию на Россию в ходе борьбы против иранского владычества и активное противодействие захватническим устремлениям Турции к России, в годы разграничения стремившимся присовокупить к своим владениям отдельные территории и народности этого края.

§ 2. Борьба народов Южного Дагестана и Азербайджана против нашествий Надир-шаха

В начале 30^х гг. XVIII в. политическая обстановка на Кавказе была напряженной. Интересы Ирана, Турции и России продолжали сосредотачиваться в этом регионе. Создававшаяся на Кавказе ситуация на тот момент будто бы и благоприятствовала наступательным амбициям Стамбула: Иран находился в бедственном положении под афганской оккупацией, кавказская политика послепетровской России была сведена на нет бесконечными дворцовыми переворотами. Однако к этому времени положение в Иране стало в корне меняться. Тяжелые последствия афганской и османской оккупации послужили причиной освободительной борьбы, развернувшийся в Иране, которую возглавил сын незначитного кочевника из племени афшаров Надир, проявивший себя как талантливый, но крайне жестокий полководец и политик.

Поступив на службу к бездарному и слабовольному шаху Тахмаспу II в качестве главнокомандующего вооруженными силами, он вскоре стал наместником Хорасана, подчинив своему влиянию шаха Ирана, взяв в свое управление все земли, подвластные Тахмаспу II, превратившемуся в простое орудие в его руках.³⁷ Вскоре, нанеся в двух сражениях сокрушительный удар афганцам, Надир очистил от них Исфахан и Шираз, выдворив их за пределы Ирана.

Изгнание афганцев из Ирана подорвало позиции Стамбула на Кавказе. Вскоре Иран стал требовать от турок освободить захваченные ими иранские земли. Не получив от османов на неоднократные требования ответа, иранское правительство решило силой оружия добиться справедливости. Весной 1730 г. войска Надира очистили от османов Хамадан, Ардаган, Керманшах и Тебриз.³⁸

Встревоженный таким оборотом дел, султан, рассчитывая исполь-

зовать Дагестан в качестве плацдарма для борьбы с Ираном, обратился за поддержкой к одному из влиятельнейших владетелей Дагестана, придерживавшемуся на тот момент османской ориентации, Сурхай-хану Казикумухскому. Однако тот, будучи достаточно проницательным, вел себя осторожно, занимая в принципе независимую от внешних сил позицию, не порывал с Портой, с одной стороны, и не вступал в конфликт с Россией и Ираном – с другой.

В мае 1734 г. Надир нанес новое поражение османам под Ереваном. В правящих кругах османов царил паника. Султан Махмуд решил ратифицировать ирано-турецкий договор 1733 г., который предусматривал возвращение Ирану территорий, захваченных османами, в том числе и на Кавказе. Этот договор дал повод Надиру требовать того же и от России, что, естественно, обострило российско-иранские противоречия.

Пользуясь нерешительностью России и фактической капитуляцией Порты, Надир решил создать постоянно действующий плацдарм для борьбы с Россией и Османской империей.³⁹ Военно-политическая обстановка в Южном Дагестане и Азербайджане резко обострилась, особенно после того, как в августе 1734 г. Надир обратился к кавказским владетелям с требованием "немедленно очистить территории, находящиеся под их управлением".⁴⁰ Для принятия кавказских земель, находившихся под властью османов или их ставленников, были назначены специальные уполномоченные беглер-беки⁴¹. С этого времени вплоть до своей смерти Надир придавал огромное значение созданию кавказского плацдарма, обеспечивающего верховенство в этом регионе. Военно-стратегическое положение Дагестана как опорной базы на побережье Каспия должно было способствовать решению этой задачи.

Над Дагестаном снова нависла угроза порабощения иранскими завоевателями. Многие местные владетели своевременно почувствовали эту угрозу, что сказалось на их внешнеполитических позициях. "В прибытии моем в Дербент, – сообщал Левашов в одном из донесений, – куралинцы, которые пребывали в бунте, в подданство России пришли и присягою обязались, уцмий о приеме его в подданство присылают начал"⁴². Внимательно присматриваясь к позиции Сурхая, он также отмечал, что в отношении к России "от него Сурхая явных ссор не является"⁴³.

Однако в столь ответственный момент среди дагестанских владетелей не было единства. Пользуясь этим, Надир старался сплотить их против России. Прибыв в августе 1734 г. с крупными силами на р. Куру, он отправил специального курьера "к разным горским владельцам ... с указом, чтоб оные все готовились, ежели по трех месяцев, – доносил Голи-

цын, – с российской стороны завоеванные города в персидскую возвращены не будут, то соединяться с ним Тахмас-ханом (Надиром – Н.М.) и отбирать их сильно".⁴⁴ Но Надир не удалось добиться этой цели, дагестанские владетели не выступили против России.

Отказавшись от всех своих завоеваний на Кавказе в пользу Ирана, султан Турции отправил "Высокое повеление" всем кавказским владетелям с объявлением об этом. Такое повеление получил и правитель Шемахи – Сурхай-хан Казикумухский, в котором султан требовал уступить Ширван Ирану, а самому вернуться в свое владение.⁴⁵ Однако Сурхай-хан не только оставил без внимания это "Высокое повеление", а открыто выступил против капитулянтской политики Порты. Он убил иранского посла, а османам и Надиру ответил: "Мечами лезгинских (дагестанских – Н.М.) львов мы завсевали Ширван. Какое право имеет Ахмед из Багдада или кто-либо еще вмешиваться в наши дела?"⁴⁶

Получив это известие, Надир пришел в ярость и летом 1734 г. во главе огромной армии двинулся на Ширван. В середине августа 1734 г. иранские войска захватили Шемаху, опустошили ширванские селения, многие жители были убиты. Этими мерами Надир преследовал определенную цель – устроить народы Азербайджана и Дагестана и склонить Сурхай к капитуляции. Сурхай тем временем собирал войска в Кабалинском магале. Сражение произошло в урочище Деве-Батан между Шемахой и Кабалой. Силы были неравные: горцы выставили 20-тыс. войско против 42-тыс. иранской армии.⁴⁷ Итоги этого сражения источники отмечают следующим образом: сначала горцы потеснили иранцев, но от их пушечной стрельбы Сурхай-хан устоять не мог.⁴⁸ К этому времени российско-иранские переговоры о возвращении Ирану прикаспийских провинций шли к концу. 6 декабря 1734 г. иранский посол Гусейн-хан прибыл в Петербург для переговоров с русским правительством, по договору Ирану возвращались прикаспийские провинции с городами Баку и Дербент. Однако Надир угрожая войной России, потребовал новые условия – это граница до реки Сулак.

10 марта 1735 г. был подписан русско-иранский Гянджинский договор о возвращении Россией Ирану Гиляна, Мазандарана, Астрабада и части Ширвана, а также об отводе с территории Дагестана русских войск за реку Сулак.⁴⁹ Это означало, что значительная часть Южного Дагестана, бывшая под властью России, отходила Ирану в качестве важнейшей стратегической зоны. Для народов Дагестана этот договор сулил новые тяжкие испытания.

Выполнение условий Гянджинского договора ухудшило внешнеполитическое положение и прикаспийских областей. Добившись фактиче-

ской капитуляции России, Надир стал готовиться к очередному нашествию на Азербайджан и Дагестан.

Летом 1735 г. Надир снова двинул свои войска на Ширван и Южный Дагестан. Опустошая джарские джамааты, Шеки, Ширван, Шемаху, лезгинские и табасаранские магалы, встречая упорное сопротивление и неся большие потери, иранские войска подошли к Дербенту. Здесь Надир разделил свои войска на три части. Первый отряд под личным его руководством двинулся в Будуг и Хиналуг, другой отряд, численностью до 6 тыс. чел., он отправил наказать докузпаринцев и ахтыпаринцев, а третий отправился в Курахское село Кабир, здесь многие жители были казнены, некоторые были взяты в плен и увезены в неволю.⁵⁰ Также войска Надиршаха поступали и в других селениях.

Недалеко от Кураха в районе современного сел. Гильяр был населенный пункт Гильяр-Шияр, окруженный оборонительной стеной. Иранские войска осадили его и после ожесточенного сражения захватили, до основания разрушив. Такой же участи подверглись еще семь южно-дагестанских селений: Нулах, Циюрюх, Чурухюр, Кикентхюр, Сернер, Генек, Четхюр. Селение Хоредж, в захвате которого лично участвовал Надир, было разрушено, угнан весь скот и увезено имущество людей.⁵¹ Таким образом, учинив в Южном Дагестане настоящий погром, завоеватели истребили большое количество жителей, разграбили и разорили села Самурского общества, Кюры и Табасарана.

Весной 1736 г. Сурхай-хан напал на старую Шемаху и Дербент. Бывший правитель Ширвана Султан-Мурад Устаджлу, заключив союз с Сурхай-ханом, решил действовать против Надира. В это время среди жителей Дербента началось брожение. Когда Мехти Кули хан, новый владетель Ширвана, прибыл в Дербент для подавления выступления жителей города, он был убит восставшими. Направленные иранские значительные силы, ценой больших потерь, одолели оборонявшихся и ворвались в г. Дербент. При этом часть повстанцев бежала к уцмию Кайтага Ахмед-хану, а другие заперлись в крепости Нарын-кала. Однако после ожесточенной схватки крепость была занята иранскими войсками. В наказание за дерзость 100 семейств дербентцев "на вечное житье" были переселены в Хорасан, тысячи людей лишились глаз, языков и ушей. По данным Мухаммада-Казима, исполнявшего переселенческий указ шаха, количество выколотых глаз в весовом эквиваленте составляло 14 ман (1 ман от 3^х до 12 кг).⁵²

Антииранские выступления были настолько частыми в Южном Дагестане и Азербайджане, что иранские военачальники, видя в них прямую угрозу собственной безопасности, уже не могли ограничиваться

карательными экспедициями местного значения. Весной 1738 г. восстали 6 Джаро-Белоканских вольных обществ под предводительством старшин Ибрагима Диванэ и Магомед-Халила. К восставшим присоединились сын Сурхай-хана Муртузали и сын цахурского владетеля Алисултана Мухаммед-бек.⁵³ Осенью 1738 г. брат Надир-шаха, Ибрагим-хан двинул 32-тыс. армию в область Джар. Расположившись лагерем перед Кахом, Ибрагим-хан приказал приступить к рытью оборонительных окопов. Со своей стороны воинственные джарцы, не раз обращавшие персов в бегство, так же готовились к защите своих очагов.

Противостояние обострялось. Забурлили Джаро-Белоканские союзы сельских общин, их во всем поддерживали шекинцы, нухинцы и жители других городов и селений Азербайджана. Жители Хачмасского магала вместе с кюринцами и жителями Самура не только отказались подчиниться персам, но и оказали им сопротивление. Во время движения иранских войск многие шекинцы и ширванцы, выступавшие против персов, бежали в Джаробелокану.⁵⁴ В Ширване, Шеки, Карабахе и других частях Северного Азербайджана действовали как местные, так и прибывшие с Южного Дагестана отряды самообороны. В связи с этим иранцы вынуждены были продвигаться с особыми предосторожностями.

Вскоре к джарцам из Табасарана, Самура, Кюринского ханства, Ханалыга, Ахтыпара пришло подкрепление в количестве 20 тыс. человек.⁵⁵

Как и предусматривал замысел оборонявшихся, первые стычки иранцев с Джарцами завершились победой иранской армии, которая стала преследовать отступавших, не подозревая о расставленной ей ловушке. Вначале иранские войска продвигались, не встречая упорного сопротивления, хотя в горах часто появлялись летучие военные отряды, которые быстро исчезали из поля зрения, создавая иллюзию, что джарцы, "не надеясь на свою силу стоять, от страха собирались в верхние горы".⁵⁶ Введенный в заблуждение этой тактикой, недооценив силы своих противников, Ибрагим-хан решил одним ударом покончить с ними. "Он оставил свой лагерь у подножья горы и, взяв с собой всех пехотинцев, двинулся на повстанцев. Джарцы во главе с Ибрагимом Диване не препятствовали продвижению регулярной армии. Когда же появился отряд, возглавляемый Ибрагим-ханом, местное ополчение внезапно начало "жестокую из ружья пальбу". Ошеломленные неожиданным нападением, иранские войска даже не знали в какую сторону обратить свои ружья, так как было еще темно и пули летели со всех сторон. К тому же противник умело замаскировался в естественных укрытиях. Одним из первых пострадал предводитель иранских войск Ибрагим-хан, в которого Ибрагим Диване выстрелил сам. Получив тяжелую рану, Ибрагим-

хан упал с коня. По словам Мухаммеда-Казима, гянджинский беглербек Угурлу-хан, увидев раненого Ибрагим-хана и будучи сам раненым, позвал своего брата Гусейн-Али-хана и сказал ему: "Выведи его из кошмара, если не дай бог с ним что-нибудь случится, завтра весь Азербайджанский мемлекет станет жертвой гнева Надира и сгорит в огне". Однако вторая пуля смертельно ранила Ибрагим-хана. Был убит также и Угурлу-хан.⁵⁷ В этих решающих схватках отборные иранские войска, по свидетельству источников, были разгромлены, их остатки пустились в паническое бегство, пали на поле боя виднейшие шахские военачальники.⁵⁸ "Погибло много ханов, султанов и воинов"⁵⁹.

Тем временем народы Южного Дагестана совместно с азербайджанскими народами продолжали неравную борьбу с завоевателем. И не случайно поднявшихся на борьбу горцев иранцы называли не иначе как "необузданными", "злоумышленниками" и т.п.⁶⁰ Надир приказал: "Так как бунт и мятеж начали люди Табасарана и Рутула, лучше будет в первую очередь пойти на них, стереть их с лица земли и перебить жителей того края"⁶¹. Однако примерно 30 тыс. дагестанцев закрыли вход в ущелье, ожидая прихода иранских войск. Разгоревшаяся между ними битва длилась целый день и в конце концов завершилась победой горцев. Кызылбаши под покровом ночи отступали в свой лагерь.⁶²

В боях с противником отличились многие дагестанцы и азербайджанцы, особенно предводитель джарцев Ибрагим Диване и Магомед Халил, которые гнали остатки вражеского войска вплоть до берегов Аракса. После тяжелых потерь бежали в спешке коменданты Каха, Шеки и Ширвана. За склонность к сговору с завоевателями горцы изгнали Али Султана из Цахура, а его сына Магомед-бека, как последовательно борца против иранского владычества, признали правителем Шеки и Кахской области.

Поражение иранских войск в Азербайджане и в Южном Дагестане весьма дорого обошлось Иранскому государству. Вместе с главнокомандующим иранскими войсками Ибрагим-ханом в этой операции погибли многие военачальники, знатные ханы и султаны. По данным русских дипломатических представителей в Иране и современников описываемых событий, из тридцатидвухтысячной иранской армии спаслось бегством лишь до 8 тыс. людей. "Остальное ... почти все войско погибло. Колико около при Ибрагим хане было со многими знатными командирами, которых считают до двенадцати персон и артиллериян неведомом, что оной учинилось, которую Ибрагим хан из Табриза с собой взял состоящую в тридцати пушек"⁶³.

После этих побед борьба против иранского владычества охватила

многие районы Дагестана, Азербайджана и Грузии. Особенно упорной она была, как было сказано выше, в районе Дербентского владения, Кюринского ханства, Табасарана и Кубы. Как и прежде, во главе этих восстаний оказались местные феодальные правители, боровшиеся не только против иранского владычества, но и за укрепление и расширение своих классовых привилегий. Как доносил из Решта 20 апреля 1739 г. консул С.Авраамов, "горский владелец Сурхай и другие многочисленными силами людей, согласясь, поднялись на Персию и вышли из гор и находятся около Шемахи, Мускура, Шабрана и Баки, с которыми имевшие под державою Шахова величества куринцы, куралинцы, отложась, согласились же и несколько Шемахинской провинции деревень взяли"⁶⁴. Опасаясь нападений повстанцев на Баку, Шемаху, Шабран и Дербент, что вызвало бы новую эскалацию иранских нашествий, Авраамов предлагал предпринять меры для защиты своих границ на Сулаке и укрепления Кизляра. Однако сбить волну антииранских восстаний в Дагестане и Азербайджане, иранским властям тогда не удалось. В конце 1739 – нач. 1740 гг. сын Сурхая Муртузали и кубинский правитель Гусейн-Али-хан напали на Низабад, Шабран и Мюшкюр, ограбили местных жителей, после чего кубинский хан удалился в Дербент. Оставшись один во главе повстанческих масс, Муртузали продолжал действовать между Низабадом и Дербентом, доходя до окрестностей крепости. Отряды Муртузали осаждали Новую Шемаху, Аг-су, доходили до реки Куры, но под давлением регулярных сил правителя Аг-су вынуждены были отступить в горы.⁶⁵

Хотя Надир-шах находился в то время далеко от Кавказа, но, получив весть о новых антииранских восстаниях, распорядился немедленно отправить карательные отряды для их подавления. Узнав об этом, джарцы, тальцы и южно-дагестанские отряды объединились вокруг главы Джаро-Тальского общества Ходжа Ага Муртаза-Эфенди, который мобилизовал своих соплеменников для отпора ожидавшейся карательной экспедиции.

Однако Надир-шах, препятствуя объединению антииранских сил, отправил письмо Ходже Ага Муртузу-Эфенди с требованием усмирить население, обещая пощады и богатое вознаграждение. Не получив ответа, разгневанный шах снарядил специальный отряд для защиты Ширвана и наказания джарцев зимой, когда горные дороги делаются непроходимыми и затрудняются оборонительные действия защитников.

Для выполнения этой задачи в мае 1740 г. он отправил своих командующих Мухаммеда Фетх Али-хана и Абдали Гани-хана с приказом "ехать в Ширван, где вместе с армиями командующих в Азербайджане и

Грузии, уничтожить лезгин Джары и Талы в течение осени и зимы"⁶⁶.

Лихорадочные действия шаха были вызваны тем, что правящие круги Османской империи пытались воспользоваться создавшейся обстановкой, чтобы привлечь на свою сторону джарцев путем подкупа, лести и иными средствами.

Таким образом, с осени 1740 г. Дагестан снова оказался в центре внешней политики Ирана и Турции. Началом подготовки Дагестанской кампании можно считать концентрацию сил для штурма и уничтожения джарских джамаатов.

Эта подготовка включала целый ряд военно-дипломатических и иных мероприятий. Но на пути решения этих задач стояли мощные джарские джамааты. И не случайно шах перед вступлением в Дагестан решил сначала убрать этот мощный заслон. Донесение российского резидента при Надир-шахе И.И.Калушкина содержат достоверные об этом сведения. Так, 7 февраля 1741 г. он сообщал, что шах "ныне ни о чем ином, как единственно о войне против лесгинцев отзывается..."⁶⁷.

Однако ни многократное численное и военное превосходство вражеских войск, ни угрозы Надир-шаха не сломили воли и сопротивления джарцев и пришедших к ним на помощь из гор "лезгин" (дагестанцев – Н.М.).

Военные действия начались осадой противником джарских укреплений. После упорного сопротивления джарцы и лезгины отступали к Кадыху. Не выдержав наступления превосходящих сил противника, защитники перешли в третье укрепление, где продолжали сражаться с поразительным упорством. "От самого утра до позднего вечера, – свидетельствует А.Бакиханов, – продолжалась упорная битва. Обе стороны понесли одинаковые потери. Наконец, в полночь абдалинцы, несмотря на град пуль и камней, подавлявшие их, вззошли на вершину и овладели укреплением. Лезгины, отрезанные с северной стороны и не видя возможности спастись, бросались со скал в пропасть. Те же, которые не имели такой решимости, погибли под кинжалами победителей"⁶⁸.

Подавив очаги сопротивления, иранские войска двинулись в другие места. Тотальный террор завоевателей был вызван тем, что области Ширван, Шекинская имели добрососедские отношения и разнообразные связи с народами Южного Дагестана, поэтому военачальники Надир-шаха преследовали политическую цель, хотели заморить голодом население непокорного им Южного Дагестана.⁶⁹

В апреле 1741 г. 16 тыс. иранское войско под командованием Абдали Гани-хана напало на джарские джамааты. "Но ко оним же дожарцам, – доносил астраханский губернатор С.В.Голицын, – намерены итти

на помощь горский владелец Сурхай и его сын Муртузали⁷⁰. По видимости эта помощь подоспела вовремя и сыграла свою роль в победе над противником. Наместник шаха в Дербенте Наджаф Султан получил приказ идти с войсками на соединение с Хасбулатом Тарковским "и как оное войско в Тарки прибудет то сколько шамхал сможет собрать своего войска и с оным персидским войском идти на Сурхая и на тавлинцев.⁷¹

Серьезную озабоченность шаха перед вторжением в Дагестан продолжали вызывать крепнущие связи народов Южного Дагестана с Закавказьем и Россией. Стараясь не допустить развития этого опасного для своих захватнических планов процесса, он старался блокировать Дагестан, соорудить на его территории ряд укреплений, отрезать горцев от их соседей. С этой целью передовым иранским частям, выступившим из Тебриза в марте 1741 г., был дан приказ ускоренным маршем следовать на Куру и Самур и подготовиться к наступлению в сторону Дербента, для чего "крепость делать – первую против Уцмиева владения возле моря на реке Бугаме, ..., другую крепость против Буйнака, на реке Манасе, третью крепость на реке Сулаке, где бывало прежде всего крепость Святого Креста ... десять тысяч человек послать и поставить в вершине реки Терека для непропуску горских людей в Россию".⁷²

Находившийся в Стамбуле русский агент Николай Буйдий, сообщая о том, что шах сам руководит всеми военными операциями, докладывал: "Шах-Надир путь свой продолжает в Демир Капи (Дербент) для утеснения лезгинцев, дабы в его подданство отдавались"⁷³.

Однако угрозы и репрессии иранских властей не запугали дагестанских владетелей, а наоборот, усилили стремление к единству между ними и тягу к совместной борьбе. Узнав о притеснении уцмий, Сурхай отправил к нему нарочного "чтобы он персиянам не вскорости отдавался, сам же Сурхай отослал обратно шахского посланника Хасан-бека с ответом: "Я де к шаху персицкому не буду, а буду до времени здесь, а когда де здесь жить места не будет, то пойду к туркам"⁷⁴.

Таким образом, несмотря на неоднократные обращения и угрозы Надир-шаха, дагестанские владетели не изъявили готовности выступить на его стороне.

В марте 1741 г. Надир-шах двинул на Дагестан 100-тысячную армию. Шах стремился не только отомстить лезгинам за гибель брата Ибрагим-хана, как объявил он публично, но главным образом завоевать Дагестан, чтобы показать России свою ударную силу.⁷⁵

Решение этой задачи облегчалось тем, что после разгрома джарских джамаатов, где погибло немало дагестанских воинов, и многочисленных

стычек с иранскими войсками в 1739-1740 годах горцы не сумели подготовиться к организованному сопротивлению и вынуждены были отходить под натиском врага в неприступные места. Пользуясь этим, иранские войска развернули наступление через Барду, Кабалу, Шахдаг, и ломая сопротивление азербайджанцев, табасаранцев и лезгин, беспощадно расправляясь с ними, к концу мая достигли Дербента. В связи с приближением иранских войск к Дербенту, казикумухский хан Сурхай и уцмий Ахмед-хан обязались взаимной клятвой сражаться с врагом вместе до конца.

Решимость к сопротивлению Сурхая и уцмий Ахмед-хана снискала к ним симпатии горских масс. Не желая попасть под иранское владычество, они создавали свои отряды, становились под знамя наиболее последовательных борцов против иранского нашествия. Однако они осознавали, что собственными силами не смогут оградиться от нависшей опасности. В обстановке разорения своего края владетели и старшины Дагестана активно искали поддержки извне – одни со стороны России, а другие – Османской империи. В свою очередь Российское государство делало все возможное, чтобы в этом крае усилилась пророссийская ориентация. "Они все чаще и чаще, – уточняет позиции местных владетелей профессор В.Г.Гаджиев, – стали обращать свои взоры на Север."⁷⁶

Правящие круги Ирана, обеспокоенные обращениями горцев к России, пытались помешать сближению Дагестана с Россией путем давления на местных владетелей методами подкупа и устрашения.

Разорив Дженгутай, Акушу и Кубачи, Надир-шах решил направить основные силы против Сурхая, но встретился с еще большим сопротивлением в Табасаране и Рутуле, чем это имело место до сих пор.

Разъяренный шах, приказав убить находившихся при нем табасаранских владетелей, повелел двухтысячному отряду хорасанских стрелков совершить марш на Табасаран⁷⁷ и занять главное ущелье, которое связывало жителей с внешним миром, и могло бы служить единственным каналом спасения на случай блокады с других сторон.

Однако табасаранцы опередили противника, сами заняли это ущелье и нанесли ему значительный урон. Отправленный на помощь попавшим в беду иранцам 10-тыс. отряд правителя Грузии Хан Джана не спас положение, потребовалось вмешательство самого шаха, который перебросил туда же новые силы, надеясь внести перелом в ход битвы, продолжавшейся двое суток. На третий день битва возобновилась и по описанию источников "Со всех сторон Дагестана пришло много лезгин на помощь табасаранцам. Собралось огромное количество людей, так что горы, склоны ее и вся земля были полны пешими лезгинскими

стрелками. С обеих сторон разгорелась битва и сколько иранские войска не старались, ничего не помогло. Час от часу росло могущество лезгинского племени. Целый день те два войска не щадили друг друга. Множество людей с обеих сторон было убито. Когда усталость овладели обеими сторонами, поневоле оба жаждущих мести войска направились к своим стоянкам. Но шамхальские молодцы, среди которых было много раненых, ослабели духом. Они удивлялись мужеству и жажде к победе победоносного народа лезгин".⁷⁸

По данным Мухаммеда Казима битва продолжалась четверо суток и закончилась поражением шахских войск. "Из места Дюбек и Барсарли, как было доложено шаху разведчиками, было много лезгин. Численность лезгин было больше и мы не выдержали их натиска и отвернулись с поля битвы".⁷⁹

Получив это известие, шах поспешил к аулу Дюбек, надеясь разгромить горцев в открытом бою. Но те успели занять вершины, склоны гор и вход в главное ущелье, преградив путь противнику. Не вступая в прямую схватку с превосходящими силами врага, они ушли на высокогорные вершины, куда к ним прибыло 10 тыс. аварцев. Смешанные отряды дагестанцев преградили путь иранцам.⁸⁰ Отряд, отправленный в табасаранское село Дюбек, трое суток сражался с Сурхаем, но не добился цели и отступил обратно.

Что касается действий основной части иранской армии после разорения Дженгутая, Акуши, Кубачи, отдельных табасаранских и рутульских магалов, то она во главе с Надир-шахом пустилась в погоню за Сурхай-ханом. Южнодагестанские воины, заняв горные проходы, дважды пытались остановить движение шахских войск, сначала на территории лезгинских обществ на реке Самур, а затем недалеко от Дербента, но оба раза неудачно. Таким образом, преодолев сопротивление горцев Южного Дагестана, шахские войска двинулись далее.

Однако оккупация иранскими войсками Азербайджана и Южного Дагестана не принесла Надир-шаху успеха, на который он рассчитывал.

Потерпев поражение в боях с народами Дагестана, шах приступил к реализации новой тактики. Для создания новых сил и чтобы оградить оставшиеся войска от постоянных нападений горцев, он возвел недалеко от Дербента укрепленный лагерь, получивший позже название "Иран хараб" ("Разорение Ирана"). Но и здесь кизилбаши не находили покоя, постоянно подвергаясь налетам горцев. Как сообщил Калушкин в донесении от 8 октября 1741 г. "табасаранцы стоявшего от Дербента в пятнадцати верстах персического командира Рустамбека, при котором было восемь тысяч войска, из транжамент (ретраншемент – Н.М.) вон вы-

били так, что он едва из рук тех горских людей вырваться и в крайней торопливости с нарочитым уроном за реку уйти мог".⁸¹

Иранские войска, как было сказано выше, находились в постоянной тревоге, болезни и голод уносили многие жизни иранцев, необрунные трупы валялись на улицах Дербента. Шах обвел свой лагерь высоким земляным валом, а из опасения внезапного налета повстанцев перевез в Дербент семью, гарем и ценности. Но эти меры не могли обеспечить безопасности, пока сохранялось единство горцев.

В условиях нового подъема освободительной борьбы народов Дагестана положение иранской армии продолжало ухудшаться. В конце 1741 – начале 1742 г. Калушкин неоднократно доносил, что шахское войско претерпевает "крайнюю во всем нужду ... у шаха с лезгинами развязалось тяжелое дело, от которого Персия стонать не перестает". Особенно тяжелое положение сложилось в Дербенте и в его окрестностях, в том числе в шахском лагере "Иран хараб".⁸²

Чем больше ослабевала шахская власть, владетели и старшины Дагестана более активно добивались покровительства России, надеясь на ее поддержку для свержения иранского владычества.

В конце марта шах попытался привести в покорность уцмия и его сторонников, но был отбит со значительными потерями. Подобные примеры имели не единичный, а массовый характер. Героическая борьба народов Дагестана подрывала базу иранского владычества и заметно ослабляла военно-феодальную державу Надир-шаха. Совпадая со стратегическими целями царского правительства на Кавказе, она встретила взаимопонимание со стороны России и потому стала важным фактором сближения российских политиков и дагестанских владетелей. Позитивному развитию этого процесса способствовала обширная информация, поступавшая от русских респондентов из персидского лагеря, в которой настойчиво подчеркивалась мысль о твердой решимости народов Дагестана отстаивать свою независимость и самим перейти в наступление. Надо полагать, что непримиримая борьба народных масс против иранского владычества оказывала решающее влияние на позиции дагестанских владетелей, продолжавших активно добиваться покровительства и помощи со стороны Российского правительства. Российское правительство, учитывая сложившуюся ситуацию, действовало осторожно, поощряя горцев в борьбе против Ирана, снабжая провиантом, тайно обнадеживая их через дипломатические каналы, хотя кавказская военная администрация, повседневно общавшаяся с местным населением, была готова действовать более решительно.

В течение 1742 г. Надир-шах предпринял ряд новых попыток поко-

рять дагестанцев и их соседей. Так, в мае 1742 г. во главе 30-тысячного войска он трижды наступал на Табасаран, но вынужден был отходить назад с большими потерями. Если попытки иранского правителя покорить Табасаран и Кайтаг закончились провалом, то сражение за Калакорейш (Кайтаг) стало одной из ярких страниц освободительной борьбы народов Дагестана. Мы не будем останавливаться на описании сражения за крепость Калакорейш, об этом достаточно подробно сказано в исторической литературе.

Народы Дагестана с каждым днем наращивали удары по местам дислокации вражеских войск. Как и прежде, они чаще нападали на "Иран хараб". Грабили обозы, мешали доставке провианта в шахский лагерь. Кроме всего этого, начались антииранские восстания и в Азербайджане, в самом Ширване, Гяндже и др. населенных пунктах.⁸³

В конце 1744 – нач. 1745 гг. по Дагестану прокатилась новая волна антииранских выступлений. Восставшие наносили одно поражение за другим размещенным здесь шахским гарнизонам и подступившим к Дербенту войскам Гани-хана.⁸⁴

Это восстание представляло собой высшую точку развития освободительного движения на севере Азербайджана и на территории Южного Дагестана, "так как ... наносило удар по одному из сильнейших оплотов власти иранского шаха в этих странах – по дербентскому гарнизону".⁸⁵ Обеспокоенный Надир выступил из Барды и с 30-тысячным войском к концу декабря 1744 г. подошел к Дербенту. Одновременно шах пытался продлить свое пребывание в Дагестане путем укрепления Дербента, куда он перенес ставку, но фактически он уже вынужден был признать банкротство своей политики и возрастающее влияние политики России. Влияние России усиливалось и тем, что часть российских войск, находившихся в Кизляре, была расквартирована по р.Койсу для наблюдения за передвижением иранской армии. Шаги, предпринятые правительством России, способствовали стабилизации положения и позитивно сказались на настроении местного населения, укрепляя его готовность к борьбе против шахских завоевателей. Это же способствовало тому, что четвертый поход Надир-шаха, как и предыдущие три похода (1734, 1735, 1741 г.), закончился полным провалом. "Многочисленные кровавые походы в Дагестан шаха Надира для наказания непокорных владетелей и горцев, – писал Неверовский, – только на время смиряли ... лезгин. Когда же в 1741 г. шах Надир в походе своем на Авариию потерпел поражение ... и вынужден был отступить..., тогда власть персиян на Кавказе была сильно потрясена и страх, внушенный Надиром, стал исчезать. Во время последнего похода Надира в 1744 г. уже не много владетелей явились к шаху с покорностью".⁸⁶

Будучи прирученной голодом, иранская армия начала отступление через р.Самур, и здесь она подвергалась нападению со стороны лезгин и азербайджанцев. "От реки Самур до Шабрана на расстояние 55 верст дорога человеческими трупами и падалицами была устлана".⁸⁷ Не повезло и в дальнейшем продвижении. Кроме всякого рода неприятностей в походе от Шабрана, "по причине случавшегося жестокого ненастья и метелицы крайнее себе изнурение нанес и собственной шаховой конюшни больше 1 тыс. мулл в дороге погибло, и еще с голоду и холоду немалое число людей померло и затем mnoжайшие из чиновников продолжали путь пешими от стана до стана".⁸⁸

Так бесславно завершилась Надирова эпопея "наказания" Дагестана. Освещая результаты войны шаха в Дагестане и Азербайджане, источники отмечают: "Надир ничего не достиг, кроме того, что разорил свое войско".⁸⁹ Итак, один из крупнейших полководцев XVIII в. Надир-шах, имевший своей целью поставить горцев на колени, оказался сам поверженным. Те самые горцы, которых он стремился физически истребить и переселить, вынудили его к бесславному отступлению во главе разбитой, развалившейся и голодной армии.

§ 3. Южный Дагестан и Азербайджан во внешней политике России, Турции и Ирана на рубеже XVIII – XIX вв.

В последней трети XVIII – нач. XIX в. Южный Дагестан, так же как и Азербайджан, все более и более приковывали к себе внимание великих держав – России, Ирана и Турции. Укрепившись на Черном море, Российская империя вновь обратила свой взор на Каспий. В свою очередь, Порты не оставляла далеко идущих планов в регионе. Эти две враждовавших империи делали все возможное в своих стремлениях окончательно вытеснить Иран за пределы Кавказа.⁹⁰

В борьбе за господство на Северо-Восточном Кавказе, Россия являлась более могущественной державой. Османская империя, переживавшая период глубокого кризиса, пыталась найти выход из него. Подстрекаемая европейскими державами, Порты, желая усилить свое влияние в регионе, развернула активную антироссийскую агитационную деятельность, посылая в Дагестан своих агентов с письмами, деньгами и подарками, убеждая "...дагестанцев готовиться к священной войне"⁹¹. С осени 1783 до весны 1787 г. на Кавказе, в частности в Южном Дагестане и Азербайджане, находилась группа турецких эмиссаров во главе с Халилом-Эфенди, на которого была возложена задача создания союза владе-

телей Кавказа с Портой, в результате чего и был номинально создан военный союз между ахалцихским пашою и азербайджанскими и дагестанскими феодалами.⁹²

Европейские державы, обеспокоенные усилением позиций Петербурга, активизировали антироссийскую пропаганду, обещав султану оказать помощь в возвращении Порте Крыма. Англия пыталась создать свой военный союз с Турцией, действуя на два фронта. В свою очередь персидские дипломаты путем подкупа и помощи в вооружении предлагали Порте свою помощь. Летом 1787 г. английский посол добился представления "Высоким диваном" ряда ультимативных требований к Петербургу, который и сам искал повода к войне. Турция получила резкий отказ и 13 августа объявила России войну.

Следует отметить, что хотя Турция и пыталась настойчиво вовлечь Дагестан в эту войну, посылая своих эмиссаров с чрезвычайными поручениями, по признанию русских историков, "железного союза с владетелями Дагестана "вполне добиться нельзя"⁹³.

В апреле 1781 г. Гудович сообщал Астраханскому губернатору о том, что шамхал известил его о поступлении из Турции фирманов к азербайджанским владетелям. "Ему, шамхалу, равно дагестанским владетелям, что в город Суджук и Анапу отправлено будет в великом числе от Султана войска с повелением иметь движения к Кизляру". 18 июля поступило еще одно письмо шамхалу от ахалцихского паша, где говорилось следующее: "получил я от двора турецкого высочайшее монаршее повеление, последовавшее к Вам и прочим дагестанским ханам, чтоб чинили вы сильное на сопредельных врагов наших, незаконных россиян и на их селения и города нападения. Однако азербайджанские ханы и дагестанские владетели не вняли этим требованиям".

Османская армия во главе с Батал-пашою предприняла летом 1790 г. наступательные действия против России на Кубани. В их задачу входило пройти через Кабарду и взять Кизляр, склоняя "к нападению на Кизляр дагестанцев и ханов Ширвана"⁹⁴. Но турецкая армия, насчитывавшая 6 тыс. воинов была разгромлена русскими войсками, а сам Батал-паша сдался в плен.⁹⁵

Не только в годы русско-турецких войн, но и после Турция продолжала посылать своих агентов в Азербайджан и Дагестан.⁹⁶ Однако поведение местных правителей свидетельствовало о том, что они не намерены выступать против России.

Обстановка в Дагестане была накалена и не только из-за длительной борьбы России и Турции, но и возникновением "каджарской угрозы". После смерти Керим-хана Зенда в Иране развернулась ожесточен-

ная борьба за центральную власть между Зендами и Каджарами, во главе которой стоял Ага-Мухаммед-хан Каджар. Энергичный, в то же время очень жестокий Ага-Мухаммед-хан за короткий срок смог подчинить себе все северные провинции Ирана и фактически стал правителем страны.⁹⁷ Турция поощряла агрессивные планы Ага-Мухаммед-хана на Кавказе и оказывала ему различную помощь. Каджарская угроза Азербайджану и Дагестану стала реальностью.

В свою очередь, Ага-Мухаммед-хан обратился с письмами к кюринскому хану, дербентскому, азербайджанскому и грузинскому правителям с требованием, чтобы они не только признали бы его власть, но и порвали все отношения с Россией. Это и послужило тому, что все эти государственные деятели заключили договор, направленный на совместную защиту от угрозы как со стороны Ирана, так и Турции.

В свою очередь, Турция всячески пыталась разжечь пламя войны между Ираном и Россией, чтобы воспользоваться овладением обеих сторон для распространения своего владычества. Поэтому она поощряла агрессивные планы Ага-Мухаммед-хана на Кавказе и оказывала ему всяческую поддержку и помощь.

В то же время Франция добивалась начала войны между Ираном и Россией. С этой целью французские эмиссары подогревали устремления Ага-Мухаммед-хана на Кавказе.⁹⁸

В действительности, дела обстояли таким образом, что усиление Ага-Мухаммед-хана было реальной угрозой для самостоятельности многих владений Дагестана и Азербайджана. Владетели Дагестана пытались найти выход из создавшегося положения, понимая, что собственных сил в противостоянии Каджарам не достаточно.

Вторая половина XVIII в. была отмечена не только междоусобной борьбой азербайджанских ханов. В то же время на территории Дагестана образовалась антикубинская коалиция, которую возглавил кайтагский уцмий Амир-Гамза. Недавний союзник Фатали-хана, щедро награжденный за помощь, оказанную в период борьбы за Дербент, оказался в числе его противников. Произошло это в силу ряда причин: усиление власти Фатали-хана и отказ Фатали-хана пропустить отряды уцмий через Кубинское ханство в Шемаху.

По просьбе Фатали-хана в помощь ему, а также для обеспечения интересов России на Восточном Кавказе, в Дербенте был оставлен гарнизон в 500 чел., основные же силы русских войск были возвращены в Кизляр.

Таким образом, с помощью России Фатали-хан восстановил свое пошатнувшееся положение и усилил влияние на Восточный Кавказ.

В 1781 г. войска Ага-Мухаммед-хана Каджара заняли Гилян и предали огню его столицу Решт. Вытесненный из своего владения, гилянский Гидаят-хан вынужден был бежать к Фатали-хану и искать у него помощи. В свою очередь, дербентский хан организовал поход на Гилян в том же году, объединив военные отряды Дербентского, Бакинского, Шемахинского, Карабахского, Талышского и Ардебильского ханств. В походе приняли участие также войска кюринского хана, тарковского шамхала и кайтагского уцмья.⁹⁹ Такой широкий состав участников похода на Гилян свидетельствовал о формировании чувств единения у дагестанцев и азербайджанцев в борьбе против шахского Ирана.

Гилянская провинция была очищена от войск Ага-Мухаммед-хана Каджара. Вдохновленный победой в Гиляне, Фатали-хан решил осуществить давно вынашиваемый им план присоединения к созданному объединению хотя бы части ханств. С этой целью, весной 1784 г. он организовал поход в Ардебиль. В мае месяце его войска овладели Ардебилем и продолжали двигаться на юго-запад. Однако, эта его попытка встретила сопротивление со стороны некоторых азербайджанских ханств. Этого не желало и правительство России¹⁰⁰, которое, по словам П.Г.Буткова, "Когда войска Фатали-хана овладели Ардебилем" потребовало от хана, чтобы тот распустил свое войско.¹⁰¹ Вследствие настояния П.С.Потемкина, а также враждебных действий ардебильского Назар-Али-хана и карабахского Ибрагим-хана Фатали-хан вынужден был отозвать свои войска из Ардебиля.

Характеризуя деятельность Фатали-хана как выдающегося государственного деятеля, следует подчеркнуть три линии политики, которых он неизменно придерживался. Во-первых, это бескомпромиссная борьба за отделение Азербайджана, во-вторых, четкое отмежевание от султанской Турции и, наконец, в-третьих, верность союзу и дружбе с Россией. Именно при Фатали-хане проводилась активная внешняя политика. Его владения расширились за счет азербайджанской территории и за счет южнодагестанских земель, чем и была вызвана борьба против него ряда феодальных владетелей Дагестана – уцмья Амир Гамзы, казикумухского и аварского ханов, табасаранского кадия и т.д. Особенно активную внешнюю политику проводил Фатали-хан в отношениях с Россией, добиваясь своего принятия под ее покровительство.

Но политика царского правительства носила двойственный характер. С одной стороны, Россия поддерживала власть дербентского хана и не допускала ее падения в пределах прикаспийских провинций, а с другой – она препятствовала объединительной политике Фатали-хана. Стремление Фатали-хана с помощью России подчинить себе земли

Азербайджана и Южного Дагестана не соответствовало политическим расчетам Екатерины II. Поэтому Госсовет 22 июня 1775 г., обсудив секретный рапорт генерала де Медема о просьбе Фатали-хана принять его в подданство России, дал отрицательный ответ.¹⁰² Смерть Фатали-хана в марте 1789 г. прервала окончательно все переговоры по этому вопросу.

Смерть Фатали-хана по сути дела положила начало распаду Дербентско-Кубинского ханства и ликвидации его самостоятельности. После смерти Фатали-хана дербентским правителем стал его старший сын Ахмед, который вскоре умер. Как свидетельствует источник, "после смерти Ахмет-хана вступил в Кубинское, Дербентское и Сальянское ханство брат его другой, Шейх-Али"¹⁰³. Он не стал придерживать пророссийской ориентации, а попытался расширить и укрепить свою власть в Ширване.

Тем временем, из Стамбула в Дагестан поступил фирман Селима III, из которого явствовало "большое неудовольствие султана за вступление в вечное подданство России шамхала и дербентского хана"¹⁰⁴. Поэтому в августе 1794 г. из Дагестана в Стамбул отправилось посольство, в составе которого, кроме представителей азербайджанских правителей, а именно: ширванского и шушинского ханов, вошли и посланники акушинского кадия, шамхала Тарковского, был представитель и Шихали-хана от Южного Дагестана. В письме к султану заверялось об их верности Турции и о готовности выступить против России в том случае, если Турция им окажет финансовую помощь. В ответ на это султан обещал отправить в Южный Дагестан и Азербайджан с ханскими регалиями "Капуджи-баши"¹⁰⁵.

На самом же деле, Турция и не намерена была оказать Дагестану и Азербайджану помощь, зная реальный расклад сил и дел в регионе, над которым нависла угроза иранского вторжения. В ее планы входило столкнуть своих вечных противников – Россию и Иран, используя при этом народы Кавказа.

Карабахский Ибрагим-хан стал выступать в роли организатора антикаджарской коалиции. Вначале он восстановил дружеские отношения с Уммаханом Аварским, войска которого с 1793 г. находились в Карабахе.¹⁰⁶ Как свидетельствуют источники, Ираклий II, правитель Эривана Мухаммед-хан и азербайджанский правитель Талыша Мир-Мустафа-хан совместно с Ибрагим-ханом поклялись не повиноваться Ага-Мухаммед-хану Каджару, а быть союзниками и помогать друг другу.¹⁰⁷

Следует отметить, что большинство дагестанских и азербайджанских владетелей, как и прежде, являлись сторонниками русской ориентации. Что же касается Шихали-хана, то он в начале своего правления

не проявил особого желания установить дружеские отношения с Россией и даже начал преследовать и притеснять сторонников Петербургского двора. Тем не менее, нельзя утверждать будто Шихали-хан был явным противником России и сторонником Ирана и Турции. Это подтверждает письмо самого хана к И.В.Гудовичу, в котором объявляется о его готовности при помощи России оказать сопротивление Ага-Мухаммед-хану.¹⁰⁸ Однако ради сохранения своей власти хан, в зависимости от обстоятельств, лавировал между Ираном и Россией.¹⁰⁹

К началу 1793 г., укрепившись в основных районах Ирана, Ага-Мухаммед-хан начал рассылать закавказским владетелям фирманы об их подчинении ему, что побудило Шихали-хана вновь обратиться к России за покровительством. Для ведения переговоров о покровительстве везир Шихали-хана Мирза-Хасан в марте 1793 г. выехал в Россию.¹¹⁰ В рапорте И.В.Гудовича Государственному Совету сообщалось, что "присланный от Ших-Али-хана с полной доверенностью первейший человек его Мирза Хасан учинил в имени хана свою полную подданическую присягу"¹¹¹. Однако Ших-Али-хан отказался от присяги на верность России. В январе 1794 г. И.В.Гудович подробно уведомил императрицу о таком поведении Шихали-хана. В этом рапорте он также особо отметил, что несмотря на колебания хана, все больше растет тяготение местных жителей к России.¹¹²

Поддерживая связи с Ага-Мухаммед-ханом, Шихали-хан в то же время продолжал переговоры с главнокомандующим русских войск. Цель этих переговоров как с Ага-Мухаммед-ханом, так и с И.В.Гудовичем была ясна. Шихали-хану просто не хотелось терять самостоятельность, ради чего он и прибегал к политике лавирования между Ираном и Россией.

Вероятность нашествия на Азербайджан и Южный Дагестан Ага-Мухаммед-хана толкнула Шихали-хана вновь осенью 1793 г. обратиться к генералу И.В.Гудовичу за финансовой помощью для организации обороны. При этом он предупредил генерала, что если через десять дней после получения письма ему не будет дана "требуемая власть", то он покорится Ага-Мухаммед-хану.¹¹³

Таким образом, из-за неустойчивости политики Шихали-хана в первой половине 90-х годов XVIII в., Южный Дагестан так и не был принят под покровительство России. В инструкции, посланной И.В.Гудовичу, говорилось, что "для обеспечения безопасности прикаспийских провинций особое внимание надо уделить на край Азербайджана и Дагестана и области к Каспийскому морю прилегающей"¹¹⁴. И.В.Гудович по предписанию правительства должен был склонить Ага-

Мухаммед-хана отказаться от притязаний на прикаспийские провинции, подкрепляя свои предложения тем, что с этим в свое время согласился и Али-Мурад-хан Исфahanский.¹¹⁵ Как видно из этой инструкции, Россия не желала уступать прикаспийские провинции Ирану. И.В.Гудовичу предписывалось объявить Ага-Мухаммед-хану следующее: если тот хочет, чтобы Россия признала его шахом Ирана, то ему не следует претендовать "на области, к Каспийскому морю прилегающие" называя в их числе Самурский округ, Дербентское, Бакинское и Карабахское ханства.¹¹⁶

Как свидетельствует содержание этой инструкции, Россия имела твердые планы в отношении Закавказья, а также Дагестана.

Тем временем войска иранцев, захватив Грузию, вторглись на территорию Азербайджана. С начала 1795 г. Ага-Мухаммед-хан несколько раз потребовал от закавказских и южнодагестанских ханов признания его власти, а также и отправил аманатов к нему в знак покорности. Но они за исключением Шихали-хана, ответили ему отказом. В регионе развернулась всеобщая народная борьба против иранских завоевателей. Особенно большие потери иранцы несли от совместной борьбы ополченцев из Кюринского ханства, Ахтыпарынского общества вместе с карабахскими вооруженными отрядами под предводительством Ибрагим-хана. Описывая эти события, источники отмечают: "Тамошний Ибрагим-хан, имеющий при себе довольно число лезгин, к нему присоединившихся по поводу родство его с их владетелем, на довольно расстояние преследовал отряд иранских войск и отбил у него до 8000 пленных, захваченных войсками Ага-Мухаммед-хана в Грузии"¹¹⁷. Активные действия Ага-Мухаммед-хана в Ширване, его намерение овладеть Южным Дагестаном вплоть до самого Дербента, заставили Россию отправить отряд под командованием генерала И.Савельева, который состоял из трех батальонов, кавалерии с орудиями. В декабре 1795 г. Гудович предписал генерал-майору Савельеву "следовать через Тарки в Бойнак и стараться в Бойнаке пригласить всех дагестанских владельцев и обязать их на общую оборону"¹¹⁸. По дороге Савельев послал своего офицера в Тарки, "который застал у шамхала посла от Ага-Мухаммед-хана с требованием, чтобы шамхал собрал войско и присоединился к нему в поход на Грузию". Несмотря на это, сам Савельев в Тарках был встречен с "полным почетом, а сын шамхала Мехти решил идти с русскими на Дербент и Баку."¹¹⁹ Кроме отряда Савельева, участвовали еще отдельные отряды русских войск – это отряд полковника Сырыхнева и отряды из крепости Баку и с острова Сара в Талышском ханстве Азербайджана. Общая численность экспедиционной армии достигла 20954 чел., из ко-

торых 11 тыс. составляла пехота, 9 тыс. конница, артиллерия насчитывала 103 орудия.¹²⁰ Общее командование экспедиционной армией было возложено на ген.-поручика В.Зубова.

Русским войском, направленным в Дагестан и в Азербайджан, специальным указом Екатерины II предписывалось, чтобы при движении они соблюдали безукоризненное поведение, чтобы никаких притеснений со своей стороны местным народам не допускали, обеспечивали безопасность, уважение религии народов Азербайджана и Дагестана. В то же время внешняя политика русского царизма в Азербайджане и Дагестане в конце XVIII в., направленная на подготовку присоединения этих территорий к России, отличалась большой осторожностью и дипломатическим характером, что на первых порах создавало у населения иллюзии по отношению к России. Население верило, что законы царской России сохраняли неприкосновенность имущества и гарантировали некоторые личные права, чего не было при прежних властях.¹²¹

Российские войска с помощью местных ополчений 10 мая 1796 г. заняли Дербент, вслед за ним были заняты Куба и Баку.¹²² Цель похода 1796 г. заключалась прежде всего в вытеснении Ага-Мухаммед-хана из всех прикаспийских владений, улучшение русско-азербайджанской и русско-дагестанской торговли. Объективно же помощь, оказанная русской армией, спасла население Дагестана, Азербайджана и Грузии от разорения, порабощения и физического истребления.

Грабительские действия Ага-Мухаммед-хана и его полчищ в Азербайджане и Южном Дагестане усилили ненависть азербайджанцев и дагестанцев к этому кровавому завоевателю, в то же время они усиливали симпатию к русскому государству.¹²³ Этим и объясняется активное участие населения в иррегулярных войсках Азербайджана и Дагестана на стороне русской армии в русско-иранских и русско-турецких войнах.

Однако русскому правительству и военному командованию экспедиционной армией не удалось полностью осуществить намеченный план. Персия же, в свою очередь, ввиду нахождения на Кавказе русских войск, не решалась оказать помощь Шихали-хану. Между тем 6 ноября 1796 г. умерла императрица Екатерина II. Павел I приказал приостановить дальнейшие действия русских войск и вернуть их на Кавказскую линию. В.А.Зубов был отстранен от командования войсками, главнокомандующим был назначен генерал И.В.Гудович.

С выводом русских войск, внешнеполитическое и внутреннее положение Дагестана и Азербайджана резко обострилось. Шихали-хан вернул себе власть в Южном Дагестане и в Дербенте. Ага-Мухаммед-хан стал готовиться к новому вторжению в Азербайджан. Почти во все

владения Кавказа были разосланы фирманы, в которых уход русских войск объяснялся страхом перед персидским оружием.

Основные силы персидских войск, как и в первом походе, готовились к вторжению в Азербайджан и в Южный Дагестан. Однако, осуществить свои коварные планы ему не удалось. В июле 1797 г. Ага-Мухаммед-хан был убит своими же нукерами, а его приближенные бежали в Иран.

С уходом иранских войск создалась благоприятная обстановка для присоединения Восточного Кавказа к России, тем более, что феодальные владетели Дагестана и Азербайджана неоднократно обращались к России с письмами, в которых просили принять их в подданство.¹²⁴ Однако, отношение Шихали-хана, как и прежде, не было последовательным. Как известно, в целях сохранения своей власти, он лавировал между Ираном и Россией.

Однако недовольство местного населения Южного Дагестана Шихали-ханом привело к тому, что в Дербенте была установлена власть Хасан-хана брата Шихали-хана.

Опасаясь нападения Шихали-хана, Хасан-хан обратился к русскому правительству, прося о помощи против своего брата. Вскоре сам Шихали-хан обратился к русскому двору с просьбой прислать в его распоряжение шеститысячное войско, с помощью которого он хотел бы заполучить не только территории Дербента, Табасарана, Кюринского, Ахтыпаринского обществ, но и подчинить Бакинское ханство и Сальяны. Однако, никому из них – ни Хасан-хану, ни Шихали-хану – не удалось получить ожидаемой помощи от правительства России. Россия, стремившаяся не обострять своих отношений ни с одной из сторон, приняла компромиссное решение. Жалованной грамотой от 28 августа 1800 г. она утвердила Хасан-хана правителем в Дербенте, а Шихали-хана в Азербайджане и в Кубе.¹²⁵

Тем временем русские войска под Елисаветполем нанесли ощутимый удар иранским войскам, тогда же в Дагестан вступили русские войска под командованием ген. Г.Н. Глазенапа и условия, выдвинутые Шихали-ханом в ходе переговоров с Глазенапом о передаче ему во владение Сальян и Бакинского ханства, показались генералу неприемлемыми.¹²⁶

В свою очередь, жители Южного Дагестана, Приморского Дагестана и Азербайджана оказали посильную помощь продвигающимся русским войскам. Прибыв в Дербент, русские войска направились в Азербайджан, в Кубу. Уцмий Кайтагский, кадий и майсум Табасарана и хан Кюринский вышли навстречу русским войскам. Тогда же было подтверждено их подданство России.¹²⁷

Однако, как было сказано выше, Шихали-хан никак не хотел дер-

жаться российской ориентации. В его письмах, обращениях к владельцам как Дагестана, так и Азербайджана были призывы к войне против России. В письме князя П.Д. Цицианова – главнокомандующего на Кавказе – говорится: "Ших-Али-хан, прельщенный как видно золотом, – дал вспомогательные войска Мустафе-хану Ширванскому против войск Российских".¹²⁸

В марте 1803 г. началось покорение Джаро-Белоканских обществ, земли которых имели военно-стратегическое значение, как плацдарм Ирана и Турции для борьбы против России и развития наступления в глубь Закавказья. Во время одной из карательных экспедиций Цицианов жестоко обращался с населением джаро-белоканских джамаатов, состоявшим из азербайджанцев и лезгин. "Кто силу в руках имеет, – писал в воззвании к джарцам Цицианов 23 июня 1803 г., – тот со слабым не торгуется, а повелевает им".¹²⁹ Джаро-Белоканские общества были присоединены к России в январе 1804 г.

В начале января 1804 г. русские войска подчинили Гянджинское ханство. Взятие Гянджи было чрезвычайно важно в политическом и военном отношении. Во-первых, крепость эта считалась ключом к Южному Азербайджану, во-вторых, после взятия Гянджи для русских войск создавалась возможность дальнейшего продвижения с целью присоединения других ханств Азербайджана. Кроме этого, положение Гянджинского ханства обеспечивало безопасность восточных границ Грузии и способствовало дальнейшему продвижению русских войск в сторону Каспийского моря для установления морских коммуникаций с Астраханью через Баку.

В 1805 г. в состав России вошли Карабахское, Шекинское и Ширванское ханства. Присоединение их было осуществлено без вооруженного столкновения, мирным путем. Подписание договоров о переходе в 1806 г. в подданство России Карабахского, Шекинского и Ширванского ханств Азербайджана имело большое политическое значение. В следующем 1806 г. в состав России вошли Дербентско-Кубинское и Бакинское ханства.

Подчинив своему господству Ширванское ханство – одно из самых крупных и богатых ханств на Севере Азербайджана, русский царизм приобрел большие экономические, политические и стратегические преимущества в связи с центральным положением Ширванского ханства по отношению к Бакинскому и Дербентскому ханствам, быстрое присоединение которых к России было обусловлено именно этим преимуществом.

О боевых качествах жителей Азербайджана и Южного Дагестана –

весьма положительно отзывались русские исследователи. В частности, С.Броневский писал: "Дербентцы ... умеют отражать нападения, будучи от природы храбры и по осторожности всегда вооружены". Многочисленные дербентские и южно-дагестанские ополчения принимали участие в боевых действиях на стороне русской армии. "В случае войны они могут собрать четыре тысячи вооруженных людей, – свидетельствовал С.Броневский, – большей частью конницы, которая почитается в Дагестане и Азербайджане за лучшую".¹³⁰

Азербайджанские и дагестанские ополчения были выделены и для обороны наиболее важных коммуникаций. В частности, Самурскую дорогу обороняли азербайджанский отряд и лезгинские ополчения численностью 260 человек, Хачмазскую – 60 чел., Шамшадильскую – 30 чел., Кубинскую – 50 чел. и т.д.¹³¹

Таким образом, в ходе боевых действий против общего врага и в борьбе с внутренними противниками присоединения к России, крепло боевое содружество русских войск с населением и ополченскими войсками Азербайджана и Дагестана.

Из всех выступлений азербайджанских и дагестанских феодалов - противников русской ориентации – в период русско-иранской войны, самым крупным и длительным являлось выступление Шихали-хана. Бежавший из Дербента в Кубу, Шихали-хан делал попытки набрать войско из азербайджанцев и лезгин для военных действий против русских войск. В свою очередь, русские войска стали преследовать его и подошли к р.Самур. Видя приближение русских войск, Шихали-хан обратился к командующему царскими войсками генералу Булгакову с просьбой простить ему ошибки. Зная прекрасно цену заверениям Шихали-хана, ген. Булгаков занял без боя Кубу и отстранил от управления Шихали-хана.¹³² Шихали-хану разрешено было поселиться в выбранном им ауле. Однако, бежавший хан не стал соблюдать эти условия. Разъезжая по селениям Южного Дагестана и Азербайджана, он продолжал вести антирусскую деятельность, собирая людей для войны против русских войск. Так Шихали-хан на протяжении шести лет со значительными силами трижды выступал против России.

В свою очередь, русское правительство, зная о намерении Шихали-хана восстановить свою власть, осторожно относилось к его заверениям и старалось не подпускать его к власти. Так, в предписании графа Гудовича генералу Булгакову от 11 октября 1806 г. говорится: "С особым удовольствием получал уведомление о покорении Кубы и приведении народа к присяге на верность подданства е.и.в., о письме Шихали-хана, где он раскаивается, однако не верю, но вы постарайтесь под благовид-

ным образом его иметь в своих руках. Я поставлю в известность е.и.в. Жителей города, если оной будет покорен без кровопролития, пощадить и обласкать, но не терпеть в крепости вооруженных и при въезде в город складывать оружие".¹³³ Этот документ говорит о многом, но, прежде всего, показывает отношение российского командования к мирным жителям.

Далее в другом письме Гудовича от 19 октября 1806 г. на имя барона Будберга сказано, что Шихали-хан выехал со своими приближенными к ген. Булгакову, "принося искреннее раскаяние, и в его присутствии привести его к присяге на вечное подданство е.и.в. Однако, Шихали-хан не может уже быть оставлен на прежнем месте, поэтому оставить его на время в Кубе, чтобы он исправно исполнял свои обязанности, в дальнейшем, если у него плохие замыслы, отказать ему в ханстве".¹³⁴

Итак, отношение русских к Шихали-хану теперь было очень осторожным и, как было сказано выше, ему не очень доверяли. Об этом красноречиво свидетельствует предписание графа Гудовича генералу Гурьеву от 3 июня 1807 г.: "Шихали-хана продолжайте ласкать, а между тем держите онаго в известности и усердии для Российского правления. Не упускайте случаев уверять его, что владение его уже никогда из наших рук не выйдет, а потому и оставил бы уповать на персиян и сноситься с ними. Он не может достигнуть ханства кубинского, пока не придет ко мне, ибо на таковое важное достоинство должен он принять присягу в присутствии моем".¹³⁵

События в Южном Дагестане и в Азербайджане в период русско-иранской войны, не нашли должного освещения в историографии России. Больше всех внимание этому вопросу уделяли военные историки, которые, описывая военные действия на Кавказе и историю полков, частично касались и этих событий. Но они освещались односторонне, не прослеживалась связь выступления Шихали-хана с планами ослабления России в угоду интересам ее соперников на международной арене, главным образом, Англии.

Таким образом, предметом внимания дореволюционных военных историков служила лишь внешняя сторона событий. Вполне понятно, что они, оправдывая национальную и социальную политику самодержавия, недооценивали роль южнодагестанских и азербайджанских ополчений в борьбе против отрядов Шихали-хана. Между тем, роль населения южнодагестанских и азербайджанских ханств, как в деле присоединения его к России, так и в последующей борьбе против восстановления власти Шихали-хана, очень велика.

Разбитый в начале 1809 г. совместно ополченцами и русскими вой-

сками Шихали-хан бежал в Табасаран. Оттуда он не прекращал свои набеги на сторожевые посты русских войск. Шахские эмиссары с воззванием добрались до Шихали-хана и вдохновляли его от имени иранского шаха Фетх-Али-шаха на борьбу с Россией. Больше того, Тегеранский двор послал Шихали-хану через Каспийское море много ценных товаров, золота и денег "для усиления своих отрядов войнами из дагестанских племен".¹³⁶

В поддержку Шихали-хана выступили табасаранские беки. После ряда сражений Шихали-хан со своими войсками окружил Кубу и отрезал ее от остальных частей провинции. В это время русскими войсками, расположенными в населенных пунктах Южного Дагестана и Азербайджана, командовал генерал Репин. Для действий против отрядов Шихали-хана из Баку были направлены роты Севастопольского полка и ополчения, состоявшего из азербайджанцев и дагестанцев.¹³⁷

Отряд этот 13 августа 1810 г. достиг р. Гельгиль-чай, где встретился с трехтысячным отрядом Шихали-хана, вступив в бой, русские пехотинцы и ополченцы имели даже успех. Однако, нерешительность некоторых командиров вынудила отряды отступить. Это отступление было раздуто Шихали-ханом и его приверженцами, выдавая его чуть ли не за общее поражение русских войск. Своими неудачами против Шихали-хана генерал Репин ослабил веру населения Азербайджана и Дагестана, в том числе и Кубинской провинции в способность русского правительства защитить их от разорений и притеснений ненавистного им Шихали-хана.

Между тем коварную роль по отношению как к русским, так и к местному населению сыграл Мустафа-хан Ширванский, распространивший среди населения Южного Дагестана весть о возвращении Шихали-хана, "что одних привело в страх, а другим вскружило головы".¹³⁸

Царское командование длительное время не предпринимало решительных действий для ликвидации все усиливавшегося восстания под руководством Шихали-хана. Укрепившись в табасаранской деревне Ерси, хан производил набеги на села Самурской долины, Кулар, Шихиукент и т.д. В свою очередь, царское правительство, располагая достаточными силами, не отваживалось на решительные действия. А население не в достаточной мере видело поддержку русских войск и постепенно склонялось на сторону восставших. В свою очередь, этим воспользовались многочисленные эмиссары иранского шаха. Все это и привело к тому, что это выступление вылилось в крестьянское восстание.¹³⁹ Продолжая бездействовать, царское командование решило признать Шихали-хана кубинским ханом, отдать ему владение Кубу с при-

надлежащими ей окрестными селами и трактатом ввести его в подданство России.¹⁴⁰

Для укрепления своей власти, царизм шел на все меры вплоть до восстановления хотя бы временно правления изгнанных феодалов. Так, царизм поступил с Шекинским ханством и Дербентом, так собрался поступить и на этот раз по отношению к Шихали-хану.

Разумеется, подобное решение царского командования стало известно населению как Кубинской провинции, так и близлежащих сел Южного Дагестана. Весть о возвращении Шихали-хана всполошила население. В то же время приверженцы бывшего хана, агитировали население поддержать его, а несколько беков даже перешли на его сторону.

Для оказания помощи, царское командование направило в Кубу одну роту и конницу численностью в 1000 сабель. По пути движения, к этому отряду присоединялись ширванские азербайджанцы и лезгинская конница в 100 сабель.¹⁴¹

1 октября 1810 г. русская армия во главе с полковником Лисаневичем и ополченцы, состоявшие из лезгин и азербайджанцев прибыли в русский лагерь, к караван-сараю Догумли на дороге Шемаха-Куба. 4 октября русские войска в составе 800 штыков пехоты, 1000 сабель шекинской и лезгинской конницы и 200 казаков при двух орудиях нанесли первое поражение отрядам Шихали-хана у деревни Эрдели Кубинской провинции.¹⁴²

Освободив Кубу, русский отряд преследовал Шихали-хана до табасаранских владений, где он со своими приверженцами укрылся в деревне Ерси.

В разгроме отрядов Шихали-хана особенно отличились русские отряды Троицкого, азербайджанская конница, состоящая из шекинцев и южнодагестанских лезгин и дербентское ополчение. Преследуя разбитые отряды Шихали-хана, Лисаневич прошелся по мирным селениям "огнем и мечом". В донесении военному министру генерал Тормасов, похвально отзываясь о Лисаневиче, писал, что он, примерно наказав бунтовщиков и взяв от населения аманатов, возвратился в Кубу, где вся провинция преклонила свою повинную голову.¹⁴³

В конце октября 1810 г. отряд Лисаневича в сопровождении дружины уцмия Кайтага, отряда ополченцев из Самурских обществ, Кюринского ханства и др. прибыли в Табасаран и атаковали село Ерси, откуда Шихали-хану снова удалось бежать в глубь Дагестана. За участие в этой операции дагестанские владетели были награждены Российским командованием.¹⁴⁴

Тем временем Турция и Иран продолжали нагнетать обстановку. Не

добившись успеха в борьбе с Россией, не находя сочувствия и поддержки среди народов Дагестана и Азербайджана, иранские феодалы при прямом подстрекательстве и с финансовой помощью Англии, разжигали реваншистские устремления отдельных дагестанских и азербайджанских ханов.

В январе 1811 г. царская администрация обратилась к дагестанским и азербайджанским народам, призывая их к покровительству России, обещая право свободной торговли, выезд и т.д., а в противном случае угрожая блокадой.¹⁴⁵ Но эти призывы и предупреждения уже не изменяли решения антироссийской коалиции во главе с Шихали-ханом продолжать противостояние. Его поддерживал Сурхай-хан, Али-Солтан Дженгутайский, акушинцы, табасаранцы. Со своей стороны Турция обратила свое внимание на дагестанские народы, чтобы восстановить их против России. А в марте 1811 г. к дагестанским и азербайджанским народам обратился Фет-Али-хан иранский с призывом к изгнанию русских из Дагестана и Ширвана.¹⁴⁶

На Кавказ были вновь отправлены агенты, которые уже с помощью Англии должны были привлечь горцев воевать с Россией. Так, к Сурхай-хану приехали турецкие эмиссары с письмами от шаха и деньгами, к Шихали-хану с подарками, деньгами и лошадьми. В Аварию, Кайтаг, Табасаран, Ахтыпару, Докузпару, Курах и другие общества были разосланы фирманы шаха, в которых он обещал горцам награды и подарки, больше чем в минувшие годы, призывая их к священной войне.¹⁴⁷ Однако, надежды шаха и султана на поддержку мусульманских народов Закавказья и Дагестана не оправдались.

Несмотря на большие усилия и большие затраты, Ирану и Турции не удалось сколотить враждебную России армию из азербайджанцев и дагестанцев.

Наряду с подготовкой к организованному вторжению, отдельные отряды иранской армии разоряли азербайджанские мирные села, нанося огромный экономический ущерб пограничным районам Азербайджана и Дагестана.

В это тревожное время царское командование придавало большое значение лезгинским и азербайджанским пограничным ополчениям: необходимость в пограничных постах признавалась и Тормасовым, который в письме обществу азербайджанцев и южнодагестанцам писал, что "без них (т.е. постов) нельзя отразить неприятеля, а без конных разъездов нельзя быть предвещенным о движении неприятеля".¹⁴⁸

К концу сентября 1811 г. относится наиболее активное участие дагестано-азербайджанских ополчений в составе русских войск. В Казахском, Шамшадтльском, Боргаминском владениях, Ахтыпаринском, Кю-

ринском, Самурском обществах и в г.Дербенте осенью 1811 г. были сформированы конные ополчения из азербайджанцев и дагестанцев. Каждая из округ и владений выставили по тысячи всадников, а жители г.Дербента – большой конный отряд.¹⁴⁹

Таким образом, население как Дагестана, так и Азербайджана, учитывая малочисленность русских войск, выставляло конные и пешие отряды на границах. Внезапные нападения неприятеля на мирные села, приучили крестьян к быстрым решительным действиям против врага.

В июне 1811 г. на другом фланге русских войск, на северной окраине Азербайджана опять вступил Шихали-хан. Целью его выступления было стремление возвратить утерянные территории Южного Дагестана и Азербайджана, т.е. Дербентско-Кубинское ханство. Получив указание, а главное и средства от Ирана и Турции, Шихали-хан развернул в Дагестане подрывную деятельность, путем подкупа, запугивания и угрозами. Нельзя не учитывать и важную роль Азербайджана, в частности Каспийского моря, в планах Англии. Стремясь восстановить власть Шихали-хана, по прямому указанию и с непосредственной помощью англичан, шах решил прибратъ к рукам путь через Каспий, что было в прямых интересах Англии.

Получив средства и указания, как было сказано выше, Шихали-хан вместе с Абдулла-беком Ерсинским, не ладившим с Магомед-кадием Табасаранским, вместе с акушинцами хотел захватить Хучни, за что обещал тем, кто в этом деле поможет, дать по скотине. Люди Шихали-хана ездили по аулам Дагестана с требованием, чтобы из каждых двух домов один человек готов был идти к Шихали-хану, "а который не послушает, у того дом разорят и имение будет отнято".¹⁵⁰

Собрав, таким образом, ополчение Шихали-хан снова попытался начать военные действия против русских и овладеть Кубой. С помощью Абу-Бакра-кадия акушинского и денег, посылаемых ему из Персии, успел вторично собрать акушинцев и с 8000 ополчения из Акуша, Табасарана и Казикумуха, соединившись с Нух-беком сыном Сурхай-хана, пошел на Кубу.¹⁵¹

В ноябре 1811 г. в сражении у населенного пункта Зейхур на реке Самур, русский отряд под командованием Гурьева потерпел поражение. В Зейхурском сражении в составе русских войск участвовали ополченцы близлежащих лезгинских сел, а также конница из жителей Дербента и азербайджанцев. Русский отряд состоял из 1400 человек, а отряды Шихали-хана насчитывали до 8 тыс. человек, в основном конницы. В этом бою русские солдаты и местные ополченцы, несмотря на проявленную храбрость и стойкость, потерпели поражение и потеряли более

300 чел. убитыми и ранеными, а 50 чел. попало в плен.¹⁵² Одержав победу, Шихали-хан подошел к Кубе и занял сильную позицию в деревне Рустов. Для разгрома его войск из Ширвана в Кубинское ханство прибыл русский отряд под командованием Хатунцева. 21 ноября 1811 г. под деревней Рустов отряд Шихали-хана был наголову разбит русскими, азербайджанскими и дагестанскими войсками и отброшен в горы.¹⁵³

Таким образом, Кубинское ханство и некоторые села Южного Дагестана и на этот раз были избавлены от восстановления власти Шихали-хана. Планы иранского шаха и его английских покровителей потерпели крах.

После этой победы, пишет А.К.Бакиханов, генерал-майор Хатунцев двинулся на Кюринское владение, предварительно склонив на свою сторону Аслан-хана, сына Шах-Мардана, бежавшего в свое время в Турцию, а затем жившего у Кайтагского уцмия. Сурхай-хан, в свою очередь, укрепившись в деревне Шихи-кент (ныне Касумкентский район – Н.М.) был разбит и удалился в Казикумух. Кюринские владения перешли под власть русских и были отданы Аслан-хану. Для поддержания его в Курахе был оставлен батальон русских войск.

После этого от разных обществ и магалов Самурской долины присланы были к Хатунцеву делегации почетных людей. Они заверили о своей преданности России. В феврале 1811 г. по их просьбе было вновь подтверждено и документально оформлено вступление в подданство России вольных обществ Южного Дагестана, Ахтыпаринского, Докузпаринского, Алтыпаринского и др.¹⁵⁴

Потерпев поражение, Шихали-хан снова обратился к царским властям о раскаянии. В рапорте от 5 марта 1812 г. командующего войсками в Дагестане М. Хатунцева, главнокомандующему на Кавказе Ф.О. Паулучи о раскаянии Шихали-хана во враждебных действиях против России говорится: "Изменник Шихали-хан во враждебных действиях прислал ко мне с чиновником своим Магомед-беком письмо, в котором раскаяваясь в своих поступках против России, просит исходатайствовать ему прощение и милость у е.и.в. ...под державою которого желает он остаться навсегда непоколебимо верноподданным. Желая способствовать таковой просьбе Ших-Али-хана весьма для нас полезной, я отвечал ему также письмом и уверял через присланного от него чиновника, что совершенно искренне его раскаяние в его ветреных деяниях без сомнения исходатайствует ему ту великую милость и что я представил уже о сем".¹⁵⁵

Однако царское правительство отнеслось подозрительно к заверениям Шихали-хана, так как он такие обещания и до этого давал, но не исполнял их. Российские власти знали и о том, что он тайно продолжает поддерживать связи с Ираном и Турцией.

В этот период времени Россия, готовясь к войне с Францией, была заинтересована в скорейшем заключении мира с Турцией и Ираном. Однако в переговоры с ними старались вмешаться Англия, Франция и другие европейские государства. Война России с Францией тяжело отразилась на России. Наполеон не забывал о привлечении Ирана на сторону Франции, за что они обещали отдать под власть Ирана вошедшие в состав России территории Азербайджана, Южного Дагестана, Грузии и Армении. В свою очередь, Фетх-Али-шах (иранский) и особенно наследник его Аббас-Мирза, вдохновленные отходом русских армий и вступлением французов в Москву, стали открыто требовать возвращения Ирану Азербайджана и областей Дагестана, вошедших в состав России с 1801 по 1812 г.

В октябре 1812 г. 30 тыс. иранская армия под командованием Аббас-Мирзы двинулся на границы Азербайджана и Южного Дагестана, надеясь нанести удар по русским войскам. Но планам Аббас-Мирзы не суждено было осуществиться. Вместе с русскими гарнизонами на защиту встали ополченцы из дагестанцев и азербайджанцев. Местное население, упорно обороняясь, стойко удерживало свои позиции.

Учитывая складывавшуюся обстановку, русские войска первыми атаковали армию Аббас-Мирзы. За два с половиной месяца иранская армия понесла огромные потери, утратив свою артиллерию, а также г. Ленкорань.¹⁵⁶ Испугавшись дальнейшего продвижения русских в глубь Ирана, Англия уже теперь сама ратовала за скорейшее заключение мира между воюющими сторонами.

12 октября 1813 г. в местечке Гюлистан в девятидневный срок был подписан трактат между Россией и Персией. По Гюлистанскому договору за каждой стороной сохранялись те земли, которые на тот момент находились под их властью. К России перешли Дагестан, Грузия, Кубинское, Ширванское, Талышское ханства, а также исключительное право держать военный флот на Каспийском море.¹⁵⁷ 21 мая 1814 г. в Париже Александром I был ратифицирован Гюлистанский договор.

Тем самым подтверждалось присоединение к России всего Кавказского побережья Каспийского моря от устья Терека до Астары и почти всего Северного Азербайджана до р. Аракс и Зангезурского хребта. Под властью Ирана оставались Эриванское и Нахичиванское ханства. Таким образом, Гюлистанским мирным договором был завершён первый этап присоединения Азербайджана и Дагестана к России.

Характерным для периода русско-иранской войны 1804-1813 гг. является то, что в борьбе против иранских захватчиков участвовали не только иррегулярные воинские формирования, но все население ханств и провинций за защиту своего отечества. Все это убедительно свиде-

тельствует о тяготении азербайджанских, дагестанских и других народов Кавказа к России еще в начале XIX в.

В результате подписания Гюлистанского мирного договора и установления государственной границы между Россией и Ираном, которая в основном проходила на территории Азербайджана и Дагестана и частично на территории Карабахского ханства. Но оставались еще не размежеванное пространство, что и послужило предметом споров между Россией и Ираном. Иран после подписания Гюлистанского договора продолжал удерживать за собой некоторые территории, принадлежащие России по условиям договора. Россия же, в свою очередь, продолжала занимать северо-западное побережье от Севана, Эриванское ханство.

В своих планах войны с Россией, иранская верхушка главную надежду возлагала на народные массы мусульман Азербайджана и Дагестана. Эмиссары из Табасарана, проникавшие в Дагестан, распространяли ложные слухи. Они составляли ложные письма шаху, в которых от имени азербайджанцев и дагестанцев просили о помощи для защиты ислама.

Однако факты из русско-иранской войны 1826-1828 гг. свидетельствуют о ратном содружестве азербайджанского и дагестанского народов в борьбе против общего врага – иранских завоевателей.

Достаточно сказать, что в течение этой войны почти все полки и бригады Отдельного Кавказского корпуса, действовавшие на территории Дагестана и Азербайджана, получали от местного населения продовольствие, фураж, лошадей, вьючных быков, пользовались гужевым и речным транспортом.¹⁵⁸

О существенной поддержке, которую оказали азербайджанцы и дагестанцы русской армии в перевозке продовольствия, фуража, боеприпасов, раненых и больных солдат, говорят многие факты. Так, например, в своем рапорте командиру Отдельного Кавказского корпуса об дагестанских и азербайджанских деревнях Самурской, Хачмазской, Шекинской и Ширванской и др. провинций один из русских офицеров писал: "Не брать с проезжающих русских при нынешней дороговизне и при очевидной бедности жителей введено в такое обыновение, что я с трудом мог заставлять брать от меня следуемое"¹⁵⁹. В походном журнале другого русского офицера, участника боев 1827 г. записано: "жители... спешили доставить отряду русских войск разные съестные припасы, хотя сами в них почти нуждались"¹⁶⁰.

Разумеется, не все виды материальной поддержки со стороны населения Дагестана и Азербайджана следует относить за счет добровольных пожертвований. На разных этапах войны, в зависимости обстановки и отношения царского командования к населению, эта поддержка

выражалась в виде купли и продажи тех или иных продуктов или временами носила даже характер реализации, принудительной поставки транспорта, скота, хлеба и других видов материального снабжения армии. Но часто имел место и элемент добровольности.

19 июля 1826 г. огромная иранская армия, состоявшая из многочисленной регулярной пехоты, кавалерии и имевшая большое количество орудий, под командованием Аббас-Мирзы, внезапно, без объявления войны, вторглись в пределы Азербайджана. Перед самым началом войны отдельный Кавказский корпус был соединен с двумя линиями: Военно-Грузинской дорогой и приморским путем от Баку до Дербента. Таким образом, войска, расположенные в Азербайджане и Дагестане, были почти изолированы от войск, расположенных на Северном Кавказе. Это ставило войска отдельного Кавказского корпуса в невыгодное положение, ибо их приходилось дробить на отдельные отряды, что ослабляло ударную силу главной группировки войск, действовавших на главном направлении.

Это малочисленная русская пехота насчитывавшая не более 7 тыс. штыков, противостояла огромной иранской армии. Таким образом, начало русско-иранской войны было весьма неудачным для России, войска которой потерпели ряд поражений из-за своей малочисленности и раздробленности на мелкие отряды.

И тем не менее, русские солдаты, дагестанские и азербайджанские ополченцы активно действовали против неприятеля. Население окрестных сел оказывало посильную вооруженную поддержку русским войскам.¹⁶¹ Из старой Шемахи и окрестных сел в помощь русским войскам была направлена ширванская конница численностью в 200 сабель, которая приняла активное участие в обороне Старой Шемахи, при разгроме иранских войск.¹⁶²

Следует отметить, что Ширванская провинция в планах иранских захватчиков занимала особое положение. Не менее важное значение придавало Ширвану и русское командование, исходя из стратегических и политических особенностей этой провинции, находившейся на границе Дагестана и занимавшей центральное положение по отношению к другим ханствам Азербайджана.

С 26 июля по 8 августа 1826 г. небольшой русский отряд совместно с кубинско-дербентской конницей и ширванского конного ополчения вел ожесточенные неравные бои с многочисленной иранской армией. В боях против иранских войск ярко проявилось ратное содружество русских, дагестанских и азербайджанских воинов. Таким образом, несмотря на усилия иранского шаха и англичан поднять народы Дагестана и

Азербайджана против России, они не дали положительных результатов и планы англо-иранских захватчиков провалились. И даже в такой трагический момент для русских войск, когда в Кубе 18 сентября 1826 г. проирански настроенная феодальная знать подняла восстание, народы Азербайджана и Дагестана отказались участвовать в восстании против России.¹⁶³

"В Кубинскую провинцию, – писал Ермолов, – подослан Аббас Мирза, сын бывшего дербентского Ших Алихана (Беюк хан), известного злодея, умершего в бегах. Доселе весьма немногие присоединились к нему, кроме того в кубинскую провинцию прибыли под командою Шихали-Мирзы 2 тыс. воинов иранских, 50 орудий, 800 человек персидской конницы, 400 чел. дагестанской, а один из сыновей шаха был направлен в Ширван и в Кубу для возмущения народа, но значительная часть жителей провинции... в верности России"¹⁶⁴.

В целом в жестоких боях неприятель был не только разгромлен, но и отброшен далеко за пределы Кубинской провинции и Южного Дагестана.

В результате активных действий русских войск, дагестанских и азербайджанских ополченцев восстание в Кубинской провинции, охватившее и территории Южного Дагестана было подавлено. В своем рапорте в Петербург Ермолов писал: "если большая часть беков была в самой гнусной измене, то простой народ был обрадован изгнанием ханов"¹⁶⁵.

В начале декабря 1826 г. Аббас-Мирза с помощью восставших феодалов Азербайджана и Дагестана спровоцировал выступление лезгинского населения, граничащего с Шекинской провинцией, и двинули на Нуху значительный отряд с целью восстановления ханского правления, претендентом на которое был Гусейн-хан. На защиту Шекинской провинции выступило почти все ее население. Шекинцы сформировали конное ополчение и, вооружив его, выставили к своим границам. В этот период в Шекинской провинции русского гарнизона не было, а отряд русских войск под командованием Ермолова прибыл в Нуху лишь 9 декабря 1826 г., когда неприятель уже отказался от своего намерения из-за активных действий шекинской и лезгинской конницы.¹⁶⁶

В этих военных действиях, как указано выше, совместно с русскими войсками участвовали ширванская, кубинская и южнодагестанская конница, состоявшая из отборных воинов.

Таким образом, к началу 1827 г. все провинции Северо-Восточного Азербайджана и Южного Дагестана были очищены от вражеских захватчиков.

§ 4. Выступление народных масс Северо-Восточного Азербайджана и Южного Дагестана в 30-40-х гг. XIX в.

Недовольство существующим режимом царизма и в связи с набором всадников из местных жителей для отправки в Южномусульманский полк, находившийся в Варшаве, жители некоторых магалов Кубинской провинции выразили недовольство и неподчинение старшинам.

Постепенно движение, охватившее поначалу три магала, продолжало все больше и больше разрастаться. К нему примкнули и старшины Самурского и Ахтынского обществ Дагестана. "Не положив здесь ничего определенного, мы все отправились на место советов наших предков, находящееся близ с. Гиль, называемое Гирих Булаг (Кирх-Булаг) – сорок источников, где прибыли также старшины Ахтынского, Самурского, Табасаранского и др. обществ"¹⁶⁷.

На этом совещании старшин были приняты следующие решения: во-первых, послать к генерал-майору Реутту, начальнику Дагестанского военного округа, имевшему резиденцию в Кубе, требование об освобождении их вообще от набора всадников; во-вторых, призвать массы к всеобщему сбору с целью поддержать это требование внушительной демонстрацией "и дали приказ, дабы на другой день все без изъятия жители трех магалов и вольных обществ прибыли к нам и ожидали ответа"¹⁶⁸.

Население на призыв откликнулось живо и, по-видимому, собралась довольно внушительная толпа, о чем можно судить по беспокойству, охватившему коменданта Кубы, который послал к собравшемуся в Кырхбулаге народу двух беков, чтобы разведать их намерение. После отъезда беков к собравшимся прибыли лица, посланные ими к генерал-майору Реутту. Они сообщили, что генерал обещал не требовать от них всадников, но разрешил некоторым бекам нанимать таковых по доброй воле. "Ответ сей не понравился многим старшинам, – говорит Гаджи-Мамед, – особенно ахтынскому Аразу, который толковал, что ныне вызывают охотников во всадники, завтра будут брать насильно"¹⁶⁹. Поэтому решили не расходиться, а наоборот расширить движение и придать ему массовый характер. Не удовлетворившись ответом генерала, понимая, что некоторые феодальные владетели по своей воле будут гнать во всадники тех же крестьян за их же счет, главари собравшихся отправились в селение Гундузкала для совещания со старшинами остальных магалов. Начиная с этого времени, к движению примыкают крестьяне из Кюринского ханства Дагестана, которые участвовали в восстании до конца. Общее собрание старшин в Гундузкале решило просить генерал-

майора Реутта вообще не посылать из Южного Дагестана и Кубинской провинции ни одного всадника. Кроме этого, руководители движения потребовали снятия с должности кубинского коменданта полковника Гимбута и удаления наиба Мушкурского магала Джафаркули-агу и наиба Будугского магала Мамедхан-бека.¹⁷⁰

Содержание этих требований ясно показывает, что движение, возникшее вначале как протест против набора всадников, в дальнейшем углубляется и все больше и больше приобретает ярко выраженный социальный и классовый характер.

Однако столь решительных действий не последовало, так как комендант Гимбут был снят с должности, а оба упомянутых наиба были удалены. Но это было лишь частичное удовлетворение крестьянских требований. Оставались неразрешенными вопросы о соединении верхних магалов, а главное уменьшение податей и повинностей. Но решительное требование ответа не возымело действия. Недовольство народа жестким феодальным гнетом царило везде, поэтому не прошло и несколько месяцев, как движение вспыхнуло новой мощной волной и на этот раз превратилось действительно в восстание с участием подавляющего большинства населения Кубинской провинции, а также примыкающих к ним крестьян из Южного Дагестана.

Определенную роль в выступлениях народных масс сыграло и письмо имама Шамиля, где он упрекал южнодагестанцев и кубинцев в том, что они ошибаются в своей вере всякого рода бумагам о прекращении набора всадников, уверял их, что это обман, и рано или поздно всадников начнут набирать, и поэтому лучшим средством для избавления является борьба с оружием в руках.¹⁷¹

Восстание началось в 20-х числах августа. Именно в это время исполняющий должность военного полицмейстера в Закавказском крае Гринфельд доносил Бенкендорфу: "В некоторых деревнях Кубинской провинции и Самурской долины начали собираться небольшие вооруженные толпы, которые, по донесению местного начальства, не имеют даже определенной цели для своих сборищ: одни говорят, что они намерены искать уменьшения податей и повинностей; другие жалуются на разделение магалов..."¹⁷².

Руководителем восставших был избран Гаджи-Мамед, он в свою очередь, назначил ряд лиц для управления магалами. Восставшие крестьяне стекались к Гаджи-Мамеду со всех сторон, так что количество их очень скоро дошло до трех тысяч, кроме того были отряды из кюринцев во главе с Махмудом Эфенди и казикумухцев во главе с Магомед-Мирзой. Восставшие составили письмо Шамилю, где говорилось: "Сла-

ва Богу, мы стоим твердо и имеем в сборе значительную силу, взяли много в плен и надеемся скоро взять город"¹⁷³.

Восставших поддерживали горожане Дербента и Кубы. Блокада города Кубы затянулась на три дня. В течение трех дней "мы остались по-прежнему, не предпринимали ничего решительного, держа город в блокаде, делая со всех сторон оного иногда натиска, ведя перестрелку"¹⁷⁴.

Весть о блокаде Кубы давно уже долетела до соответствующих правительственных инстанций. Чтобы спасти гарнизон и наказать мятежников, инициативу взял на себя генерал-майор Реутт, который в это время находился в Дербенте. Убедившись в наличии огромных сил у повстанцев, Реутт отступил, не имея под рукой достаточного количества воинских сил. Затем он прибег к помощи местных феодалов, потребовал от Казикумухского хана Мамеда-Мирзы собрать милицию и направить ее против восставших. И когда милиция была собрана, то Реутт предписал им двинуться на Магарамкент и действовать в Юхарибашском магалле.¹⁷⁵ Параллельно с этим были посланы войска царской армии под командой генерала Фезе, который двинул на Самур отряд из 3222 штыков, пик и шашек при 14 орудиях.¹⁷⁶

Узнав о приближении царских войск, многие крестьяне собравшиеся вокруг Гаджи-Мамеда и державшие блокаду Кубы, начали раскопаться, чтобы оградить свои дома и семейства. С Гаджи-Мамедом остались люди Мушкюрского уезда, Самурской провинции, Мискинджинского и Ахтыпаринского магалов. После этого, разумеется и речи не могло быть о продолжении блокады или тем более о взятии города. Распустив участников восстания, сам Гаджи-Мамед с небольшим отрядом и семьей отправился в Кюринское ханство. Вскоре он был арестован и отдан в распоряжение царских властей.

Так закончилось выступление народных масс Северо-Восточного Азербайджана и Южного Дагестана в 30-40-х гг. XIX в., преданное и подавленное по существу азербайджанскими и дагестанскими феодалами с помощью царских войск. Военному суду было предано 37 человек во главе с Гаджи-Мамедом.

Не следует забывать о том, что движение горцев Дагестана за независимость под руководством Шамиля повлияло и на другие общества Дагестана: Кюринское ханство, Акуша, Кара-Кайтаг, Табасаран и Самурские вольные общества.

Особенно сильное впечатление и влияние имело восстание 1837 г. в Южном Дагестане и Азербайджане. Этому предшествовало два благоприятных фактора – разгром горцами графа Ашильтами и большие потери, понесенные от Шамиля генералом Фези, что и выну-

дило его вступить в переговоры с Шамилем, как самостоятельным владельцем "горского общества"¹⁷⁷.

Шамиль не раз обращался к руководителям восстания с письмами взяться за оружие, объединиться и бороться за независимость против царизма. В воззвании, обращенном к народам Южного Дагестана, он пишет: "Мусульмане! Вы видели, что я разбил царские войска под Ашильтами, но они не постигли силы моей. Я с горстью храбрых уничтожил царские войска под Тилитилями, заставил все свои силы их обратить против меня: видя это, я двинул все дагестанские народы, живущие даже за Самбуrom и далее до моря"¹⁷⁸.

Подчеркнутое нами показывает, что Шамиль намекал на события, развернувшиеся в Южном Дагестане в 1837 г., ибо "народы, живущие даже за Самбуrom", т.е. рекой Самур, могли быть лишь жителями этой провинции, так как к югу от реки Самур была расположена только Кубинская провинция, в тот период входившая в состав Дагестанского округа.

Восстание было подавлено, несмотря на однородный состав его участников, было антицарским и антифеодальным, причем оба эти момента тесно и неразрывно переплетались.

Причиной поражения явился, прежде всего, отказ восставших от наступательной тактики, что дало возможность царским властям мобилизовать против них ширванскую и кюринскую милицию, стянуть со всех сторон к границам Южного Дагестана регулярные части царских войск.

Восстание, охватившее в 30-40-х гг. Северо-Восточный Азербайджан и Южный Дагестан, явилось самым крупным антицарским и антифеодальным восстанием своего времени.

¹ Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане. Баку, 1949. С.134.

² АКАК. Т.VII. Док.372.

³ Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения его с Россией. Баку, 1965. С.108.

⁴ АКАК. Т.VIII. Док.354.

⁵ Петрушевский И.П. Очерки... С.310-311.

⁶ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С.166.

⁷ Левиатов В.Н. Очерки из истории Азербайджана XVIII в. Баку, 1948. С.61.

⁸ Тамай А. Восстание 1711-1722 гг. в Азербайджане // УЗ Института ИЯЛ ДагФАН СССР. Махачкала, 1957. Т.3. С.78.

⁹ Левиатов В.Н. Указ. соч.; Тамай А. Указ. соч. С.70.

- ¹⁰ История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. / Под редакцией М.О.Косвена и Х.М.Хашаева. М., 1958 (Далее – ИГЭД). С.83.
- ¹¹ Там же. С.71.
- ¹² Гаджиев В.Г. Борьба народов Дагестана против владычества Ирана в нач. XVIII в. // УЗ ДФАН СССР. Махачкала, 1963. Т.ХI. С.125; Левиатов В.Н. Указ. соч. С.66-67.
- ¹³ Ключюк-Челеби-заде. Тарихи-Челяби-заде. Стамбул, 1967. С.116.
- ¹⁴ Бакиханов А. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С.102.
- ¹⁵ Левиатов В.Н. Указ. соч. С.67.
- ¹⁶ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803. СПб., 1869. Т.1. С.96.
- ¹⁷ Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала, 1961. С.182.
- ¹⁸ Гаджиев В.Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала, 1996. С.53.
- ¹⁹ Там же. С.56-57.
- ²⁰ Алкадари Г.Э. Асари-Дагестан. Махачкала, 1929. С.63.
- ²¹ Гаджиев В.Г. Указ. соч. С.125.
- ²² Цит.: Гаджиев В.Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала, 1996. С.58.
- ²³ ИГЭД. С.78.
- ²⁴ Там же. С.95.
- ²⁵ Алиев Ф.М. Азербайджано-русские отношения (XV-XIX вв.). Баку, 1985. С.24.
- ²⁶ Цит.: Алиев Ф.М. Указ. соч. С.24; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1969. С.129.
- ²⁷ Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII в.: Сборник документов / Сост. Маршаев Р.М. Махачкала, 1958. (Далее – РДО). С.139-140.
- ²⁸ Абдурахманов А. Азербайджан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана в первой половине XVIII в. Баку, 1964. С.73.
- ²⁹ Левиатов В.Н. Очерки из истории Азербайджана. Баку, 1948. С.71; Магомедов Н.А. Дербентское ханство в русско-иранских и русско-турецких взаимоотношениях во 2-ой пол. XVIII – нач. XIX в. Махачкала, 2000.
- ³⁰ Цит.: Гаджиев В.Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала, 1996. С.58.
- ³¹ Гаджиев В.Г. Петербургский договор 1723 г. (История заключения и значение) // Русско-дагестанские взаимоотношения в XV – нач. XX вв.: Сб. статей. Махачкала, 1988. С.66-84.
- ³² Асадов Ф.С. История Талышского ханства и его связи с Россией. Баку, 1966. С.38.
- ³³ Там же. С.42; Гаджиев В.Г. Борьба... С.64.

- ³⁴ Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX в. Махачкала, 1964. С.177.
- ³⁵ Шихсаидова Р.С. Взаимоотношения Дагестана с Азербайджаном в XVII – нач. XIX в. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп.1. Л.12.
- ³⁶ Левиатов В.Н. Указ. соч. С.97.
- ³⁷ Гаджиев В.Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала, 1996. С.68-69.
- ³⁸ Сотавов Н.А. Крах "Грозы Вселенной". Махачкала, 2000. С.79-80.
- ³⁹ Там же. С.101-102.
- ⁴⁰ Бакиханов А.А. О походах шах-Надира в Дагестан // Кавказ. 1845. №17. С.68.
- ⁴¹ Магомедов Г.Н. Русские консулы об Азербайджане. Баку, 1980. С.124.
- ⁴² АВПРИ. Ф.77. Оп.1. 1734. Д.7. Л.40.
- ⁴³ Цит.: Сотавов Н.А. Указ. соч. С.103.
- ⁴⁴ АВПРИ. Ф.77. Оп.1. 1734. Д.7. Ч.2. Л.573; Сотавов Н.А. Указ. соч. С.103.
- ⁴⁵ Алкадари Г.Э. Асари-Дагестан. Махачкала, 1994. С.79.
- ⁴⁶ Там же. С.104.
- ⁴⁷ Асадов Ф.С. История Талышского ханства и его связи с Россией. Баку, 1966. С.38.
- ⁴⁸ Тамай А. Восстание 1711-1722 гг. в Азербайджане // УЗ ИИЯЛ ДФАН СССР. Махачкала, 1957. Т.3. С.82.
- ⁴⁹ Юзефович Т.Д. Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб., 1869. С.110; Абдурахманов А.Г. Азербайджан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана в пер. пол. XVIII в. Баку, 1964. С.98.
- ⁵⁰ Абдурахманов А.Г. Указ. соч. С.96; Гаджиев В.Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала, 1996. С.101.
- ⁵¹ Мустафаев Д.М. Северные ханства Азербайджана и Россия (конец XVIII – нач. XIX в.). Баку, 1989. С.48; Алиев Б.Г., Умаханов М.К. Союзы сельских обществ в борьбе за независимость Дагестана в XVII – пер. пол. XVIII вв. / Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986. С.62.
- ⁵² См.: Сотавов Н.А. Крах "Грозы Вселенной"... С.122.
- ⁵³ См.: Козлова А.Н. Страницы истории освободительной борьбы народов Дагестана // Страны и народы Востока. М., 1976. Вып.18. С.127.
- ⁵⁴ Алиев Ф.М. Указ. соч. С.98.
- ⁵⁵ Гулиев А.Н. Из истории азербайджано-русских отношений XV-XVIII в. Баку, 1958. С.30.
- ⁵⁶ Алиев В.М. Указ. соч. С.134.
- ⁵⁷ Там же. С.135; Сотавов Н.А. Указ. соч. С.125.
- ⁵⁸ ГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.17. Л.16, 33, 37, 145, 146-148.
- ⁵⁹ Хроника войн Джара в XVIII столетии. Баку, 1931. С.29.
- ⁶⁰ Гаджиев В.Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. С.147.

- ⁶¹ Цит.: Там же. С.147.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп.1. Д.505. С.52.
- ⁶⁴ Цит.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XI. Т.22. Москва, 1993. С.87-88.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Бакиханов А.А. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С.120.
- ⁶⁷ АВПРИ. Ф.89. Оп.1. 1741. Д.10. Л.202.
- ⁶⁸ Бакиханов А.А. Указ. соч. С.147; Шихсаидов А.Р. Взаимоотношения Дагестана с Азербайджаном XVIII – нач. XIX в. Махачкала, 1971. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп.1. Д.239. Л.48.
- ⁶⁹ Левиатов В.Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948. С.109.
- ⁷⁰ АВПРИ. Ф.89. Оп.1. 1741. Д.10. Л.118 об.; Сотавов Н.А. Указ. соч. С.137.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² АВПРИ. Ф.77. Оп.1. 1741. Д.4. Л.147. 153; Сотавов Н.А. Указ. соч. С.138.
- ⁷³ Данилин Х.А. Южные ханства Азербайджана во 2-ой пол. XVIII в. Баку, 1967. С.48.
- ⁷⁴ Цит.: Арунова М.Р., Ашрафян К.З. Государство Надир-шаха Афшара. Очерки общественных отношений в Иране в 30-40-х гг. XVII в. М., 1956. С.201.
- ⁷⁵ Сотавов Н.А. Указ. соч. С.140.
- ⁷⁶ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С.131.
- ⁷⁷ Эфендиев О.А. Образование Азербайджанского государства сефевидов. Баку, 1962. С.87.
- ⁷⁸ Цит.: Козлова А.Н. "Наме-йи Аламара -йи Надири" Мухаммед-Казима о первом походе Надир-шаха на Табасаран // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1976. С.78.
- ⁷⁹ Там же. С.79.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Цит.: Сотавов Н.А. Крах "Грозы Вселенной". Махачкала, 2000. С.169.
- ⁸² ЦГВИА. Ф.20: Военная экспедиция Военной коллегии. Оп.1/47. Д.129. Л.114; Сотавов Н.А. Указ. соч. С.173.
- ⁸³ Алиев Ф.М. Антииранские выступления... С.137.
- ⁸⁴ История Дагестана. Махачкала, 1967. Т.1. С.373.
- ⁸⁵ История Азербайджана. Баку, 1958. Т.1. С.328.
- ⁸⁶ Неверовский А.А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1848. С.13.
- ⁸⁷ Цит.: Гаджиев В.Г. Разгром Надир-шаха... С.199.
- ⁸⁸ Там же. С.200.

- ⁸⁹ Эфендиев О.А. Образование Азербайджанского государства сефевидов. Баку, 1962. С.110.
- ⁹⁰ Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М.: Наука, 1991. С.145.
- ⁹¹ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Ч.1. С.71.
- ⁹² Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966. С.207.
- ⁹³ См.: Бижев А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис восточного вопроса в конце 20-х – нач. 30-х гг. XIX в. Майкоп, 1994. С.61.
- ⁹⁴ АКАК. Тифлис, 1869. Т.II. С.1119.
- ⁹⁵ РДО. 1988. С.217.
- ⁹⁶ Бутков П.Г. Указ. соч. С.223.
- ⁹⁷ Гаджиев В.Г. Роль России ... С.173.
- ⁹⁸ Джахияев Г.А. Северный Кавказ во взаимоотношениях России с Ираном и Турцией в конце XVIII – первой трети XIX в. Махачкала, 1989. С.127-128.
- ⁹⁹ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С.237.
- ¹⁰⁰ Ибрагимбейли Х.М. Россия и Азербайджан в первой трети XIX века. М., 1969. С.60.
- ¹⁰¹ Бутков П.Г. Материалы по новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1809. Ч.II. С.14.
- ¹⁰² История Азербайджана. Баку, 1958. Т.1. С.113.
- ¹⁰³ Серебров А.Г. Историко-этнографическое описание Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. СМ.189.
- ¹⁰⁴ Гамидова Ц.Г. Из истории азербайджано-грузинских отношений во 2-ой пол. XVIII в. Баку, 1985. С.106.
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ Левиатов В.Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948. С.152.
- ¹⁰⁷ Там же.
- ¹⁰⁸ История Карабахского ханства. Баку, 1971. С.83-84.
- ¹⁰⁹ Сумбатзаде А.С. Кубинское восстание 1837 г. Баку, 1961. С.57.
- ¹¹⁰ Там же.
- ¹¹¹ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С.438-439.
- ¹¹² Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С.107.
- ¹¹³ Там же.
- ¹¹⁴ Сумбатзаде А.С. Указ. соч. С.38.
- ¹¹⁵ Цит.: Ибрагимбейли Х.М. Указ. соч. С.77-78.
- ¹¹⁶ Мустафаев Дж.М. Указ. соч. С.85.
- ¹¹⁷ Сумбатзаде А.С. Указ. соч. С.38.

- ¹¹⁸ Магомедов Н.А. Дербентское ханство в русско-иранских и русско-турецких взаимоотношениях во 2-ой пол. XVIII – нач. XIX в. Махачкала, 2000. С.117.
- ¹¹⁹ Джахиева Э.Г. Кумыкские владения в международных отношениях в конце XVIII – нач. XIX вв. (1774-1826 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1998. С.103.
- ¹²⁰ Ибрагимбейли Х.М. Указ. соч. С.54.
- ¹²¹ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С.27.
- ¹²² Там же.
- ¹²³ История Азербайджана. Т.1. Баку, 1958. С.381.
- ¹²⁴ Гаджиев В.Г. Указ. соч. С.172.
- ¹²⁵ ПСЗ. Т.26. С.726-727.
- ¹²⁶ АКАК. Т.2. С.786, 822.
- ¹²⁷ Гаджиев В.Г. Указ. соч. С.184.
- ¹²⁸ АКАК. Т.III. С.784-785.
- ¹²⁹ АКАК. Т.III. Док.1392.
- ¹³⁰ Броневский С. Новейшие географические... Ч.11. С.340.
- ¹³¹ Гамидова Ц.Г. Из истории азербайджано-грузинских отношений во 2-й пол. XVIII в. Баку, 1986. С.92.
- ¹³² АКАК. Т.3. С.389.
- ¹³³ Там же. С.392.
- ¹³⁴ Там же. С.394.
- ¹³⁵ Там же. С.611.
- ¹³⁶ АКАК. Т.IV. Док.986, 987.
- ¹³⁷ Там же. Док.1014.
- ¹³⁸ Ибрагимбейли Х.М. Указ. соч. С.124.
- ¹³⁹ АКАК. Т.IV. Док.986.
- ¹⁴⁰ Бижев А.Х. Указ. соч. С.176.
- ¹⁴¹ Там же.
- ¹⁴² Юдин П. Россия и Персия в конце 1742 г. СПб., 1899. С.234.
- ¹⁴³ Там же.
- ¹⁴⁴ Потто В. Утверждение русского владычества на Кавказе. Т.2. С.214-215.
- ¹⁴⁵ Магомедов Н.А. Указ. соч. С.140.
- ¹⁴⁶ Там же. С.142.
- ¹⁴⁷ Гаджиев В.Г. Роль России... С.199.
- ¹⁴⁸ Мурадов В.Д. Средневековые города Азербайджана. Баку, 1983. С.101.
- ¹⁴⁹ АКАК. Т.V. Док.251.
- ¹⁵⁰ АКАК. Т.IV. С.163.
- ¹⁵¹ Бакиханов А. Гюлистан-Ирам. С.150.
- ¹⁵² АКАК. Т.IV. Док.234, 984.
- ¹⁵³ АКАК. Т.V. Док.231.
- ¹⁵⁴ Гаджиев В.Г. Роль России... С.200.

- ¹⁵⁵ Магомедов Н.А. Указ. соч. С.143.
- ¹⁵⁶ Джахиева Э.Г. Указ. соч. С.164.
- ¹⁵⁷ Там же.
- ¹⁵⁸ Рахмани А.А. Азербайджан в конце XVI – XVIII в. Баку, 1954. С.203.
- ¹⁵⁹ Гусейнов А.Н. Азербайджано-русские отношения в XVII – XVIII вв. Баку, 1963. С.89.
- ¹⁶⁰ Там же. С.108.
- ¹⁶¹ Ибрагимбейли Х.М. Указ. соч. С.180.
- ¹⁶² Там же.
- ¹⁶³ Юдин П. Россия и Персия в конце XVIII в. СПб., 1899. С.116.
- ¹⁶⁴ Цит.: Ибрагимбейли Х.М. Россия и Азербайджан... С.183.
- ¹⁶⁵ Рахмани А.А. Указ. соч. С.217.
- ¹⁶⁶ Ибрагимбейли Х.М. Указ. соч. С.197.
- ¹⁶⁷ Цит.: Сумбатзаде А.С. Кубинское восстание 1837 г. Баку, 1961. С.69.
- ¹⁶⁸ Там же.
- ¹⁶⁹ Левиатов В.Н. Очерки по истории Азербайджана XVIII в. Баку, 1948. С.126; Мустафаев В.Д. Средневековые города Азербайджана. Баку, 1983. С.106.
- ¹⁷⁰ Мустафаев В.Д. Указ. соч. С.106.
- ¹⁷¹ Цит.: Сумбатзаде А.С. Указ. соч. С.73; Мурадов В.Д. Города Азербайджана. Баку, 1983. С.74.
- ¹⁷² Алиев Ф.М. Указ. соч. С.39.
- ¹⁷³ Цит.: Сумбатзаде А.С. Кубинское восстание... С.76.
- ¹⁷⁴ Там же.
- ¹⁷⁵ ЦГВИА. Ф.ВУА. Д.6356. Лл.38-39.
- ¹⁷⁶ Кавказский сборник. Т.VIII. С.110.
- ¹⁷⁷ Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М.-Л., 1939. С.85.
- ¹⁷⁸ Цит.: Бушуев С.К. Указ. соч. С.85.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН



instituteofhistory.ru

ГЛАВА III. КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАРОДОВ ЮЖНОГО ДАГЕСТАНА И АЗЕРБАЙДЖАНА В XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

§ 1. Взаимоотношения народов Южного Дагестана и Азербайджана в области материальной культуры

а) Поселения и жилища. Архитектура

В ходе развития тесных экономических и политических взаимоотношений между народами Южного Дагестана и Азербайджана устанавливались и развивались и культурные взаимосвязи, которые прослеживаются в XVIII – первой половине XIX в. во всех областях материальной и духовной жизни: в строительном деле и ремесле, в архитектуре и интерьере жилища, в одежде и украшениях, в способах приготовления блюд, в устном народном творчестве, в песнях и танцах, в литературе и науке.

На территории Южного Дагестана, как и в Азербайджане в изучаемое нами время были распространены различные типы поселений различной планировки, что зависело от многих факторов.

Так лезгин для поселения обычно выбирали южную или юго-восточную сторону, которая позволяла им рационально использовать солнечное тепло: обращенные фасадами к солнцу дома хорошо обогревались. Планировка поселений зависела во многом от рельефа местности. На равнине дома имели горизонтальную планировку, на возвышенных местах, на плоскогорье располагались амфитеатром.

Селения обычно разбивались на кварталы (махалла), чаще исходя из географического расположения, иногда этнического состава, количества тухумов и т.д. Квартал состоял из определенного комплекса домов и дворов, образующих улицы (куча) с отходящими от нее переулками (аралуг, тыгрыг) и тупиками. Так, селение Рукель включало в свой состав три квартала: Юхари мяхля (Верхний квартал), Юрта мяхля (Средний квартал) и Ашага мяхля (Нижний квартал). Все эти кварталы в прошлом были самостоятельными селениями. Это, собственно, Рукель, Даргуш и Шихлах. Селение Касумкент имело два квартала – Юхари мехлэ (Верхний квартал) и Ашага-мехлэ (Нижний квартал). Такие же деления по кварталам или магалам в рассматриваемое время встречаются и на территории Азербайджана, особенно Кусарском, Хачмаском, Кубинском районах, где совместно проживают лезгин и азербайджанцы. Порою кварталы назывались и по роду занятий его жителей.

В ряде предгорных селений отдельными кварталами жили и горские евреи. Их кварталы называли Джогут мяхлэ или Джогут кент. О проживании их здесь издавна свидетельствует наличие старых еврейских кладбищ. Так было, например, в селениях Коргал, Самур, Хачмас, Куба и т.д. Кварталы евреев располагались отдельно от кварталов лезгин или азербайджанцев, но чаще всего находились в черте селения. Со временем евреи уходили в города. Так, в первой половине XIX в. селения Аглаби и Хошмензиль были заселены, главным образом, евреями, которые со временем перешли жить в города.¹

Магалы, очевидно, в прошлом имели преимущественно семейно-родственный характер. Однако еще задолго до XIX в. этот принцип был значительно нарушен. Мяхле (магал) стал объединять представителей разных семейно-родственных групп, т.е. приобрел территориальный характер. В свою очередь, равнинные и предгорные селения, расположенные на возвышенных местах, в известной мере отличались друг от друга. Характер застроек, как говорилось выше, зависел чаще всего от реальных условий рельефа.

Однако поселения лезгин и азербайджанцев не оставались неизменными. Постепенно менялся принцип заселения группами. Появлялись новые дома со своеобразной архитектурой и балконами и т.д.

В исследуемом нами регионе был распространен ряд типов жилищ, имевших бытование как на территории Южного Дагестана, так и Азербайджана, независимо от границ этнических общностей. Например, весьма характерны были для Кавказа дома-крепости, имевшие почти повсеместное распространение в крае и составлявшие по существу один тип жилища.

Одинаковые дома и даже похожие селения встречаются в горных южнодагестанских районах как в Ахтынском, Курахском, Рутульском обществах и Кубинской провинции, так и в Хачмазском и Гусарском районах. Селения эти представляют собой как бы естественные крепости. Если естественные условия не способствовали надежной обороне, создавались искусственные сооружения. Возводились стены, строились крепости, сооружались сторожевые башни, насыпались холмы. Это было присуще всем азербайджанским и дагестанским горным селениям. Часто деревни располагались или в оврагах или под скалами, чаще на возвышенностях, представляющих трудный доступ снизу. Обычно, на доступных неприятельскому нападению сторонах, возводились стены из камня, часто с бойницами для фланговой обороны. Такие села в рассматриваемое время были в Южном Дагестане и сохранились в Азербайджане. Это – Юхари, Легер, Асан-Кала, Кымыль, Кашрей и др.²

Сейчас рядом со старыми селами строятся новые современные дома на плоскости, но названия многих сел не изменились.

Улицы старых селений-крепостей, очень узкие и часто являлись как-бы вторыми этажами домов. Так, например, лезгинские селения Куваз, Гельхен, Кочхюр (Курахский район), азербайджанские старые села – Хурал, Кымыль, Суавджал, Угар состояли раньше из одной или двух-трех узких улиц, по обеим сторонам которых дома плотно примыкали один к другому, фасады с окнами выходили на улицу, а задние стены домов, обращенные наружу, были сплюснутыми и отверстий не имели. По словам современников, концы улиц имели запирающиеся ворота.³

Часто встречаются поселения, расположенные на высокой горе у слияния речек, которые служили дополнительной защитой в качестве водной преграды. Так, села - Уджар, Хайдар, Чегир в Азербайджане, Кочхюр, Гильхен, Штул и т.д. (Курахский район) были окружены с двух или трех сторон речными проходами, через которые перекинута мосты. Узкая улица проходила под домами, и все селение являлось как бы единой крепостью, окруженной неприступными крутыми склонами, быстрыми горными речками, стенами и глухими каменными фасадами домов.⁴

Обычно центральное место в селении лезгин и азербайджанцев занимала мечеть. В крупных селениях сооружалось столько мечетей, сколько было кварталов. Кроме того, в некоторых селах функционировала кафедральная мечеть (джума), которую по пятницам посещали верующие мужчины села. Мечети, в основном, были сооружены из камня, но встречались и сооруженные из самана с каменным фундаментом.

В черте аула в центре находился родник. Некоторые крупные села имели два-три родника. Большое внимание как в азербайджанских, так и в лезгинских селах уделяли благоустройству и чистоте питьевой воды.⁵ Источник обычно представлял собой глубокий прямоугольный бассейн, обнесенный со всех сторон каменными стенами и плотно закрытый сверху. Струя воды вытекала наружу через каменный или деревянный желобок. К роднику пристраивалось выдолбленное из толстого ствола дерева или камня длинное корыто, используемое для водопоя скота. Некоторые родники выкладывали хорошо обтесанным камнем. Некоторые из них имели два – три водостока, просторную площадку с ровным плиточным каменным полом для стирки одежды, белья, паласов и т.д., высокую стенку с карнизом. Такие булагы – родники, сооруженные в XVIII – XIX вв. – однотипные, встречаются и в наши дни, особенно в старых селах Южного Дагестана: Ярар-Казмалар, Хнов, Гъири, Кяпир и т.д., а также в селах Азербайджана: Орта-оба, Ясаб-оба, Махмудкент, Бала-курор, Кургент и т.д.⁶

В тех случаях, когда селение располагалось на равнине, и не было естественных препятствий, жители возводили специальные оборонительные сооружения, строя вокруг села по углам оборонительные башни. В XVIII в. в Южном Дагестане селение «Гильяр на левом берегу реки Самур защищалось со стороны гор четырьмя построенными по углам каменными башнями».⁷ Такие же остатки оборонительных башен сохранились в старом Куруше, Хюрикe, Шилихюре и т.д.

В свою очередь, в селах Хачмазского, Гусарского, Кубинского и др. районов, граничивших с Южным Дагестаном, сохранились остатки однотипных построек крепостей⁸, что еще раз подтверждает наличие взаимосвязей народов Южного Дагестана и Северо-Восточного Азербайджана в области строительного дела.

В крупных селах Азербайджана Кусары, Хазри, Худат и др. специальное место отводилось под общесельские майданы, где в основном собирались мужчины для сходов, игр, еженедельных базаров. Менее официальным местом для общения, для обмена новостями и отдыха мужчин служил учар. Учары в азербайджанских селах были почти в каждом ауле, а иногда их в ауле было несколько. Это были специальные места в кварталах, на улице, в переулке, на квартальной площади или у ворот домов. Аналогичные места в рассматриваемое время были и в лезгинских селах. Общая площадь называлась «ким». Кроме общей площади, у лезгин имелись небольшие квартальные площади – «мяг-лядин ким», куда собирались мужчины выполнять какие-либо мелкие работы (точить ножи, делать чарыки, изготавливать деревянные изделия и пр.) и беседовать.

В черте старых аулов, садов и огородов было крайне мало. Сады, бахчи, ореховые рощи, как правило, закладывались за селом.

По своему облику, форме и планировке дома у лезгин были похожи с домами поселений азербайджанцев, с особенностями азербайджанской традиции сельского строительства. Наиболее наглядно это отразилось на облике таких предгорных селений как Самур, Куркент, Марага, Джемал и др.

Элементы жилища с присущими им самыми различными архитектурными формами, сближают зодчество народов всего Кавказа, тем более близких соседей – народов Азербайджана и Южного Дагестана. Жилища в рассматриваемое время как у лезгин, так и у азербайджанцев отличались большим разнообразием в зависимости от природно-географических условий. Основными строительными материалами для жилища служили камень, дерево, саманный кирпич, речной булыжник. На равнине в основном использовался саманный кирпич, кроме фунда-

мента (каменный). В предгорье и на склонах гор дома строили в основном из камня. Отделочное и художественное оформление окон и дверей производили из дерева.

Роль дерева в домах азербайджанцев и лезгин была довольно значима. Жилища в основном у них были одноэтажные и полуторазажные, в XIX в. встречались и двухэтажные дома. Наличие того или другого типа чаще всего зависело от материального положения владельца, меньше от рельефа местности.⁹

Азербайджанцам, как и их соседям лезгинам, табасаранцам и др., издавна известен дом и с более сложной планировкой – в форме замкнутого квадрата или «глухой закрытый дом с массивными воротами».¹⁰ При такой планировке вход с улицы вел непосредственно в коридор первого этажа дома. Ворота располагались под самым домом у одной из стен первого этажа. Через коридор первого этажа по лестнице (нардиван) попадали на веранду (айван, эйван), а оттуда вниз (зять) со второго этажа.¹¹ Название лестницы, веранды и т.д. произносится одинаково как у лезгин, так и у азербайджанцев.

Почти все дома имели дворы, хотя и небольшие, в зависимости от рельефа. Двор обычно ограждался невысоким забором (чыр), сложенным из камня или из речной гальки, или из плетеного орешника.

Размеры сел лезгин, так же как и азербайджанцев, в XVIII – XIX вв. колебались от нескольких десятков до нескольких сотен дворов. Так, например, в первой половине XIX века в селении Куруш было около 720 дворов, Кебире – 96, Кара-Кюре – 420. В свою очередь, в азербайджанских селах таких, как Хазри насчитывалось 284 дворов, Валад – 110, Садур – 106, Джоник – 94, Талы – 128.¹²

Крытый двор у лезгин, как и у народов Азербайджана, предназначался для хранения орудий труда, дров и т.д. Здесь же обычно устраивали погреб для хранения зерна и других продуктов. Эти погреба у лезгин назывались «фурар», у азербайджанцев «кенди».

В крытом дворе также, как правило, устраивали печи для выпечки хлеба «танур, хгар» (лез.) «тандур» (азерб.). Они обычно располагались в одном из углов двора. Тандур устраивали в вырытой в земле яме. Глубина готовой печи была от 1 до 1,5 м., диаметр тандура 75 – 80 см. Были тандуры и поменьше. В больших тандурах можно было одновременно испечь 15 – 20 чуреков. Для такой печи использовали обычно специальную желтую глину. В селении Къири, Кяпир, Штул Кюринского округа в XIX в. в глину добавляли шерсть и мелкий гравий. Глину обрабатывали в продолжении трех – четырех дней, после чего вырытую яму оштукатуривали подготовленной массой. Затем печь сушили, не менее двух недель.¹³

Следует отметить, что азербайджанцы, как было сказано выше, повсеместно пользовались тандуром. У лезгин тандуры в некоторых селах встречались не в каждом дворе, а иногда на целый квартал или магал было по два и три тандура, куда в отдельные дни недели собирались женщины печь хлеб. В отличие от них азербайджанские женщины сами сооружали тандур. Для этого они приносили специальную глину. В нее, замочив заранее, добавляли особую зеленую траву ел бечани (дорожная трава), шерсть козла, размельченные листья бузины. Все это хорошо месили ногами. Такая смесь нужна была, чтобы глина при сушке не потрескалась. Потом чертили на земле круг и начинали по нему выкладывать стенки тандура. Каждый день или через день стенку наращивали на 10 – 15 см, пока она не достигала желаемой высоты. Готовый круг обычно ставили в специально вырытую яму, насыпав на дно речную гальку.

Как свидетельствуют источники и полевой материал, в лезгинских селах были хорошие мастера – каменщики. Они летом до самой поздней осени уходили на заработки не только в близлежащие села, но и в Азербайджан. Приведем несколько конкретных примеров: так, в селениях Зрых, Гарах жили мастера – каменщики Серхуханов Мамед, Алисултан Уста. Построенные ими дома выделялись по своей архитектуре. Они строили дома не только у себя, но и в азербайджанских селах – Гусары, Куба. До сих пор сохранились построенные ими дома. Это в основном «Г»-образной формы, двухэтажный дом с айваном, впереди которого пристроен крытый двор. Расположение жилых комнат соответствует расположению помещений нижнего этажа. Подобный вариант жилого дома получил у лезгин и в некоторых селах Азербайджана (в основном в Гусарском районе) наиболее широкое распространение. Все дома, построенные в первой половине XIX века, имеют именно такое расположение жилых и хозяйственных построек.¹⁴

Мастера – строители имелись почти в каждом селении Южного Дагестана. Славилась мастера – строители из селения Хрюг (Ахтынский район). Эти мастера строили дома не только в Хрюге. Как явствуют надписи на камнях конца XVIII – первой половины XIX в., в селении Ухул Ахтынского района (1853г.) ремонтировали и восстанавливали мечеть мастера Раджаб, Исмаил, Рамазан Хрюгские.¹⁵

По рассказам старожиллов успехом пользовались мастера – строители из селений Кюре, Мискинджи и др. Мискинджинские мастера уstad Курбан, уstad Али, уstad Зейнал и др. были известны далеко за пределами Южного Дагестана.¹⁶ Сохранились надписи с их именами на зданиях и мечетях Азербайджана, особенно в Худатском районе. Есть стена мечети в Баку, которую реставрировали уstad Али и Исмаил.¹⁷

Исключительно важно то обстоятельство, что в рассматриваемое время надписи фиксировали не только имя строителя, но и его профессиональное звание. Как известно, среди профессиональных строительных терминов Азербайджана XVIII – XIX вв. наиболее употребительным является звание «улад», особенно на памятниках Апшерона XVII – XVIII в.¹⁸ В строительной эпиграфике Дагестана наблюдается та же картина. Судя по эпиграфическим данным, наблюдается родство в деталях скульптурных украшений Азербайджана и рельефов, обнаруженных в стенах зданий ряда дагестанских аулов, а также общие черты, наблюдаемые в архитектуре ряда сооружений и построек Дербента (ворота Орта-Капы).¹⁹

Азербайджано-дагестанские архитектурные связи продолжались и в последующем и нашли яркое отражение, например, в надписи, рассказывающей о реставрации минарета в сел. Рича, о строительстве пира в сел. Дулдуг.²⁰ Интересно заметить, что в этих надписях имя по происхождению (например, улад Мухаммед, сын Каси из Рича) сопровождается только имя профессионального мастера (улад), и что имя пишется лишь в том случае, если мастер не является жителем селения, где воздвигается новое здание. Речь здесь идет о мастере – профессионале, конечно известном далеко за пределами своего аула и приглашенном на строительные работы. Поэтому строитель из Баку строит в южнодагестанских селах, или в Дербенте, Цахурские улады – в Хнове и т.д.

В надписях XVIII в. профессиональный термин особенно подчеркивается. В одной надписи упоминаются нередко имена нескольких строителей, причем обычно каждый из них имеет при своем имени профессиональное звание – улад Мухаммед, улад Мустафа, улад Вали, улад Нур-Мухаммед, улад Садуллах, улад Ахмад из Цахура.²¹

Звание улад – это не просто украшение к имени строителя, и оно может быть применено к любому строителю. Термином улад характеризовался только человек творческого труда, достигший высокой квалификации. Несомненно, что званием «улада» обладали зодчие, достигшие определенной ступени признания и имевшие учеников. Это и давало зодчим – строителям подобного профессионального «раиға» право именоваться «уладами».²²

Примечательно то, что строительные надписи на зданиях мечетей и на других религиозных памятниках, построенных в изучаемый нами период в Южном Дагестане и Азербайджане, включали помимо имен мастеров «улад» также выдержки из Корана и хадисов. Надписи высекались мастерами на арабском языке и начинались стихом из Корана или цитатой из хадисов, наиболее подходящими к назначению и характеру

постройки. Это еще раз говорит о высоком профессионализме уладом. Этот факт подтверждается письменными источниками, местными эпиграфическими памятниками и другими памятниками материальной культуры.

Как известно, в рассматриваемое нами время культурными центрами в изучаемом регионе были: Тебриз, Ширван, Шемаха, Баку, Дербент, Цахур, Рутул, Ахты, Хучни и др. В некоторых этих центрах существовали специальные школы художественной резьбы по камню, дереву и т.п. Они высекали надписи различного вида и содержания на домах, мечетях, надгробных камнях. Имена и прозвища лучших мастеров каллиграфии и резьбы по камню Азербайджана и Дагестана зафиксированы в этих надписях. В их числе, например, известный улад Иса б. Мамай – выходец из с. Цахур. Его имя зафиксировано на некоторых архитектурных памятниках и домах в южных районах Дагестана и северо-западных районах Азербайджана.²³ В некоторых памятниках рядом с его именем зафиксировано имя улада Шейх Султан, выходца из Шемахи. Это еще раз говорит о совместной работе известных мастеров азербайджанцев и южнодагестанцев, так как сохранились несколько изготовленных ими композиций художественного оформления зданий, не уступающих друг другу как по изящности форм, так и по каллиграфическому начертанию букв высеченных надписей.

Очень важную категорию памятников составляют надписи на мечетях, пирах, в оформлении родников, мостов и т.д., в которых зафиксирована роль сельской общины, джамаата в строительной деятельности. Наиболее характерно это для надписей XVII – XIX вв. Так, «Тпигский джамаат» строит мост, причем не назван руководитель работ; реставратором минарета в Мишлеше назван «джамаат мишлешский», имя мастера также не названо. В надписи из Рутула повествуется о строительстве минарета по велению двух представителей правящей бекской фамилии вместе с рутулским джамаатом, а мост в Агуле реставрирует джамаат Тпига и т.д.²⁴

Такие примеры на территории Южного Дагестана и Азербайджана XVII – первой половины XIX вв. не случайны. Изучение этих надписей показывает, что особый подъем строительной деятельности народов Южного Дагестана и Азербайджана приходится именно на рассматриваемое время. Это строительство богатых двухэтажных домов, культовых сооружений, причем нет, и это примечательно, или очень редки свидетельства о строительстве крепостей.

О сходстве домов, построенных теми или иными мастерами «улад» говорят и постройки жилых домов в Гусарском, Худатском, Ка-

сумкентском, Магарамкентском и Ахтынском районах, где доставка леса не представляла особых затруднений, балки и перекрытия всегда изготовляли из дерева. В то же время в горных селениях Южного Дагестана (Курах, Агул) и Азербайджана (Апшерон, Казах и др.), где строительного леса было мало, для перекрытий первого этажа использовали камень. Такие тяжелые перекрытия требовали каменных подпорок в виде арок.²⁵ Поэтому в указанных районах почти все дома каменные. В районах, богатых лесом, дома обычно строили из саманного кирпича, а конструкции перекрытий первого и второго этажа делали из дерева.

Крыши обычно делали плоские. Начиная с первой половины XIX века, конструкция крыш более усовершенствуется. Они смазываются смесью глины с саманом, что вообще не удерживает течи, кроме того щели посыпают золой. После проведения этой операции крыша убивается валиком, укатывается каменным катком.²⁶ Зимой с крыш приходилось счищать снег, иначе она сразу же начала протекать.

Как нам известно, плоские крыши – характерная особенность не только жилища лезгин, но и типичная деталь пейзажа селений Азербайджана. В условиях малоземелья и скученности поселений крыша своего или соседнего дома, по существу, являлась единственным местом, где можно было выполнять различные домашние работы, своего рода двором, без которого не могло обойтись ни одно хозяйство.

Постройка нового дома была большим радостным событием как для хозяина, так и для всего селения. По лезгинскому обычаю оно отмечалось после окончания настила крыши. Эта традиция бытует и среди азербайджанцев, особенно в нынешних Худатском, Лагичском и Апшеронском районах.

В оформлении и украшении азербайджанских и лезгинских домов можно проследить определенную систему. По окончании строительства нового дома на ворота прибавались подковы, рога и т.п. Каменный дом снаружи никогда не обмазывали глиной. Внутренние стены в каменных и саманных домах штукатурили лишь в жилых комнатах. Примечательно то, что в рассматриваемое время обмазку стен глиной, т.е. штукатурные работы, у лезгин выполняли сами хозяева, в основном женщины. В Ширванской, Шекинской, Кубинской провинциях обмазку стен, в основном, делали специальные мастера. После просыхания стен они производили побелку бело-голубоватой глиной, которую доставали из Апшеронской и Казахской провинций.²⁷

Среди лезгин большое распространение получила резьба по дереву. Мастера из Южного Дагестана, богатого лесом, в частности из нынешнего Ахтынского, Магарамкентского, Касумкентского и др. районов вы-

езжали в Кусарский, Хачмазский районы, г. Баку для художественной обработки деревянных деталей домов, дверей, окон, балок, веранд, фасада и т.п. В создании разнообразных форм карниза, лезгинские мастера в XIX в. достигли высокого мастерства. Сохранились сотни прекрасных образцов резных работ с оригинальной резьбой. В отличие от азербайджанцев, окна в лезгинских домах орнаментальной резьбой почти не украшались.²⁸ В целом же в рассматриваемое время архитектура Азербайджана и Дагестана была глубоко самобытной и не испытала влияния внешних тенденций. Важной сферой применения искусства художественной обработки дерева были также мечети. Многие мечети имели наравне с каменными минаретами, минареты деревянные, обязательно высокохудожественно обработанные мастерами – резчиками по дереву. Особенно тщательно отделялись двери и окна мечетей. Такие, искусно сделанные изделия для мечети, сохранились в селениях Мигерах, Ахты, Кабир, Штул и др., в Табасаранских селах Ерсиджи, Рукель, Ругудж и т.п. Резьба по дереву широко практиковалась в архитектуре мечетей Азербайджана, Ширвана, Ах-Су, Текмедеша, Гянджи, Нухи.²⁹ Так, дворец шекинских ханов, построенный в Нухе в 1762 г., был богато украшен резьбой наличников окон.³⁰

Азербайджанские резчики по дереву высоко ценили искусство лезгинских умельцев. Они вместе выполняли те или иные заказы по украшению зданий, мечетей и др. сооружений. Историографы приводят большой список архитектурных памятников, сооруженных в Азербайджане во второй половине XVIII века. Мы не будем специально останавливаться на них, но отметим только, что такие произведения зодчества, свидетельствующие о неиссякаемых творческих силах двух соседних народов, как мечеть в Шуше (была сооружена в 1768-1769 гг.), Шахбулаге, Баяте и др. Некоторые фрагменты этих сооружений, особенно резные работы по дереву, ворота, окна, карнизы минаретов, созданы руками лезгинских умельцев XVIII – XIX вв.³¹

Больших успехов достигло и азербайджанское зодчество. В XVIII веке в стране создавалось много сооружений общественного назначения – караван-сарай, бани, водохранилища (авданы), мосты и другие постройки. В их числе: мавзолей шейха Джунейда в селении Хазра Кусарского района на берегу реки Самур, на строительстве которого трудились мастера из других сел; мавзолей в селении Агбиль Кубинского района, мост через реку Алинджа, восточные ворота в Баку и ряд других зданий.³²

Следует однако отметить, что в XVIII в. в строительстве сохранялись отсталые формы производства, крайне низкой была техника, мож-

но сказать никакой техники вовсе не было, все делалось вручную. Архитектура отсутствовала: строили кто как хотел и мог, в зависимости от возможностей.

В Баку, например, дома были сложены, главным образом, из нетесанных камней и имели плоские крыши, которые заливались киром. Улицы были тесные и немощенные. И тем не менее, вид города с моря был привлекателен.³³ Более того в рассматриваемое время в Азербайджане строились крепости, дома, башни и т.д. До сих пор сохранились замечательные памятники азербайджанской архитектуры, некоторые из них возведены из мрамора, добытого в районе озера Урмия близ Марраги.³⁴ В водах Бакинской бухты находятся остатки строений известные под названием «Баилловских камней».³⁵ Сохранились сторожевые башни в селениях Мардакан, Нардаран на Апшероне. (Кстати сказать строителями Мардаканской башни были устады Абдул Меджид сын Масуда и ахтынец Сейфудин Мумин.³⁶ О совместных работах лезгинских и азербайджанских мастеров говорят и украшенный орнаментом мавзолей в Барде, а также построенные здания зодчим Ахмедом сыном Эюба, в Урмии и в Маранде – Али Хаджи и Камалом-Хаджи из Рутула).

В XVII – XVIII вв. были известны многие азербайджанские зодчие и мастера – строители, создавшие крупные архитектурные сооружения не только на своей родине, но и в других странах Востока: Зейналадин Ширвани, Гаджи Алишах, Низам Тебризи, Ариф Тажуддин и др.³⁷

В Дагестане постройки арочных сводов начали возводить в XVIII – начале XIX в., но технику возведения куполов местные мастера знали плохо. Поэтому они сооружали так называемые «ложные купола» - посредством постепенного напуска каменной кладки.³⁸

Примечательно, что простые по форме мавзолеи характерны как для лезгинских районов, так и для северо-восточного Азербайджана, и это явление можно сопоставить с тем, как различаются минареты в Южном Дагестане и во внутреннем Азербайджане, в частности в населенных пунктах Апшеронского, Казахского, Агдамского районов.³⁹

Говоря о строителях, что воздвигали мосты и мечети, минареты и крепости, жилые дома и мавзолеи над могилами святых, профессор А.Р.Шихсаидов отмечает: «Не все постройки сохранились до наших дней, не все, что сохранилось до наших дней рассказывает нам о строителях. В одном случае имя мастера (устада) исчезло вместе со зданием, подвергшимся разрушению, а в другом – память о мастере оказалось более долговечной, чем само здание. То сохранилось архитектурное сооружение, но нет имени строителя, то новое здание оказалось связанным с именем мастера, жившего лет за триста до этого, ибо в стену но-

вого здания был вмонтирован камень из развалин старого сооружения. Но бывает и так, сохранилось и здание, и камень, рассказывающий о строителе».⁴⁰

При изучении материалов архитектуры и строительства народов Южного Дагестана и Азербайджана определенный интерес для нас представляют памятники культуры отдельно взятого Шекинского ханства Азербайджана, особенно во второй половине XVIII в., когда многие архитектурные сооружения Шеки были богато украшены настенной росписью. Эти росписи посвящались различным темам: сцены охоты на диких зверей, зарисовки из крестьянской жизни и т.п. Дворец шекинских ханов, считающийся одним из ценнейших памятников архитектуры Азербайджана XVIII в., был построен в 1797 г. зодчим Хадали Зейнал Абидином из Шираза, цахурским Рамазан-Алибеком, Исмаил-Гани из Табасарана. На плафоне зала второго этажа дворца зашифровано имя талантливого живописца Аббас-Кули.⁴¹ Дворец, в свое время входивший в комплекс дворцовых сооружений и служивший резиденцией шекинских ханов, представляет собой двухэтажное здание. Расположение комнат первого и второго этажа идентичны. Фасад составляют подъемные решеточные рамы с наборным шебеке. Многоцветный рисунок шебеке красочно дополняет росписи, покрывающие все стены дворца.

Дворец шекинских ханов привлекал внимание многих путешественников. Высоко отзывался о дворце Н.Н.Раевский, который сравнивал дворец с Бахчисарайским дворцом.

С восторгом писал о шедевре азербайджано-южнодагестанской архитектуры Александр Корнилович, литератор и историк: «Я видел дворец, правда он запущен, но и в запущении изумляет странника остатками великолепия...Вместо стен, рамы орехового дерева с узорами самой мелкой работы и в этих сводных узорах стекла всех цветов: голубые, синие, желтые, красные. Комнаты все в цветных стеклах на карнизе, соединяющим их в живопись».⁴²

О замечательных работах азербайджанских и лезгинских мастеров конца XVIII – начала XIX в. свидетельствует и ряд других памятников старины – джума-мечеть в Дербенте, расположенная около базарной площади, дом Шекихановых: стены гладкие с вырезанным растительным и геометрическим орнаментом.⁴³

Тем не менее, к сожалению, до нас не дошли имена строителей крупных комплексов, таких как крепости в Хучнях, Ихрекской мечети, Цахурского медресе и т.д. В целом же изучение надписей показывает, что особый подъем культурных контактов народов Южного Дагестана и Азербайджана, в частности в строительной деятельности падает на XVII – XIX вв.

б) Одежда, украшения

В одежде у азербайджанцев, а также у лезгин в XVIII – первой половине XIX в. было много общего. Оно определялось характером и условиями их деятельности, социальными и половозрастными различиями. Их одежда делилась на будничную, праздничную и обрядовую. В ней нашли отражение и этнокультурные связи лезгин с населением Азербайджана⁴⁴ и, особенно, Ширвана. На формирование традиционного костюма лезгин большое влияние оказала также одежда народов Дагестана и, прежде всего, их ближайших соседей: теркемейцев, дагестанских азербайджанцев, кайтагов, кумыков, табасаранцев и др.

По традиции, одежду из тканей кроили и шили только женщины, а одежду из шкур крупного рогатого скота и овчины – преимущественно мужчины.

Большим спросом среди народов Южного Дагестана пользовались сукна, производимые в Кубе, Хачмазе, известные под названием «шалей».⁴⁵ Однако следует отметить, что привезенные ткани были дороги и многим недоступны, поэтому они шли на изготовление праздничной одежды, а повседневную крестьяне по-прежнему шили в основном из дешевого ситца, бязи и домотканых сукон. В XIX в. фабричные ткани проникали в горы реже, чем в равнинные районы: здесь в основном шили одежду из тканей местного изготовления.

Большую роль в проникновении фабричных тканей в Южный Дагестан сыграли Баку, Нуха, Куба, Нахичевань, Гилян и др. города Азербайджана. В свою очередь, из Дербента, Хива и т.д. вывозили лезгинские ткани под названием «лезги сукно» или «парча»⁴⁶ (материал). По данным С.Броневского, в начале XIX в. в Дербенте было 30 мелких и 113 хлопчатобумажных фабрик.⁴⁷ Эти предприятия, разумеется, не были фабриками в полном смысле этого слова, а являлись, по существу, домашними мастерскими. Тем не менее, эти цифры свидетельствуют о высоком развитии в Дербенте ткацкого ремесла. Крупным торговым и промышленным центром, в котором встречались и вели торговлю жители Азербайджана и Дагестана, были города Шемаха, Нуха, Шеки, Баку и т.д. Как отмечают источники, жители Ахтов, Касумкента и других населенных пунктов из Нухи привозили шелковые платки и разнообразные персидские и турецкие ткани самых разных цветов: крашеную бязь, ластик, тафту, «перенгдин чит» (стамбульский ситец). Ценили лезгины и «магъут» (толстое сукно), производившееся в Нухе.⁴⁸

Выше мы отмечали, что в Дербенте широкое развитие получило изготовление хлопчатобумажных и шелковых тканей и, что значитель-

ная часть продукции этой отрасли ремесленного производства предназначалась для внутреннего рынка, т.е. реализовывалась в районах Южного Дагестана. Судя по источникам того времени, начиная с конца XVIII в., ткани производились на 200 станках, на каждом из которых работало по 4 ткача. Это были добротные для того времени ткани, не уступающие по качеству ширванским.⁴⁹ Для изготовления шелковых тканей (гафты, дараи и т.д.) дербентцы частично приобретали шелковую пряжу или коконы в «Шеке и Ширване».⁵⁰

В Дербенте имелись мастерские (боявхана), где красили ткани в разные цвета.

Состояние мануфактурной торговли в Южном Дагестане, особенно в Дербенте, применительно к концу XVIII и началу XIX в. хорошо отразил А.А.Кремский: «Привозятся ... в Дербент, во-первых, из Астрахани на российских судах, как-то: сукна ... холщевые, шелковые ткани ... Сукна продаются тонкие и более кармазинные.... Сверх сих российских товаров в Дербент привозятся из Шамахи; шелк, шелковые материи, в Шамахе сделанные..... из местечка Тарков и из соседних оному мест... кубачинское сукно, бурки..... мерлушки».⁵¹

Таким образом, несмотря на то, что привозные фабричные ткани в XVIII – XIX вв. пользовались большим спросом, с ними успешно конкурировали сукна – шали местного производства, наполнявшие рынки Кюринского и Самурского округов.

В одежде лезгин, в деталях традиционного костюма отражены элементы азербайджанской и персидской одежды, которые проникали к лезгинам через Азербайджан, особенно через города Кубу, Шемаху, Кусары и др. Как отмечал С.Броневский, «в Дербенте, Кубе и Шемахе.... примечаются смешение нравов, обычаев и одежды наподобие персидских, каковые были введены их владельцами, большей частью из персиян».⁵²

Чтобы шить нарядную одежду, южнодагестанцы нередко отправлялись в соседний Азербайджан. Славились также портные таких селений, как Ахты, Кара-Кюре, Филь, Гил, Хазри, Касумкент, которые всегда были перегружены работой. Шить известным портным отдавали лишь состоятельные лица, а в бедных семьях, в основном, шили сами.

Предметы украшения для традиционного костюма (пряжки, пояса и пр.) делали, в основном, лезгинские мастера. Изделия же азербайджанских и иранских мастеров пользовались большим спросом, но они были достоянием лишь состоятельных людей.

Традиционная мужская одежда лезгин имела много общих элементов сходства с азербайджанской. Сходство проявлялось, прежде всего, в

покроях верхних и нижних рубах и штанов, а также обуви. Нам кажется, что основная причина идентичности мужского костюма объясняется исторически сложившимися длительными взаимосвязями народов этого региона.

В рассматриваемый нами период нательная одежда мужчин лезгин состояла из туникообразной рубахи «перем» и нижних штанов «вахчег». Обычно нательную одежду шили из грубых местных тканей, а со второй половины XIX в. – из полотна, бязи и других фабричных материалов. Поверх рубахи надевали бешмет – "валчаг". В ряде лезгинских селений на территории Азербайджана-Кымыль, Куснет, Гиль и др. бешмет называли по-тюркски «архалыгом». ⁵³ Эту одежду носили мужчины всех возрастов: мальчики, начиная с 10-12 лет, юноши и пожилые. Застегивался этот бешмет от воротника до талии на мелкие пуговицы, сделанные из самодельного шнура.

Черкеску – «гухва» - носили поверх бешмета. Ее шили из сукна местного производства – черного, коричневого и серого цвета.

Отдельные жители Южного Дагестана и Азербайджана иногда пользовались короткими бешметами типа закавказского архалыга. ⁵⁴ Поверх такой одежды, особенно азербайджанцы, живущие в городах, иногда надевали широкий и длинный матерчатый пояс, который обвязывался несколько раз вокруг талии.

В холодное зимнее время мужчины надевали овчинные шубы – "кавал". Это длинная почти до земли шуба, без всяких застежек с большим откидным воротником с ложными рукавами. Широкое распространение шубы – кавал, фактически встречается у всех народов Дагестана и в соседнем Азербайджане, правда, в основном, среди лезгин, но встречаются и у азербайджанцев, живущих по соседству с ними.

Необходимым элементом как мужского, так и женского костюма являлся пояс. Широко был распространен кожаный пояс, который у зажиточных людей был украшен мелкими металлическими изделиями ювелирной работы. Мужской пояс имел определенные производственные функции, тогда как женский пояс носили больше в качестве украшения. К мужскому поясу подвешивали кожаные или матерчатые мешочки (для табака, ножа и пр.).

Самым распространенным видом женского пояса в Дагестане и Азербайджане являлся "кэмэр", который украшался тремя видами серебряных монет. Они, свободно свисая, звенели во время ходьбы или плясок. Золотые женские пояса филигранной работы носили жены богатых людей.

Традиционным головным убором как у лезгин, так и азербайджан-

цев в рассматриваемое время являлась овчинная папаха «бармак». Но, в отличие от лезгин, в Азербайджане, особенно в Гяндже, Лачине и в некоторых азербайджанских селах, широкое распространение имело ношение головного убора из войлока. «Большая часть молодых людей носила на голове бетлэ, т.е. войлочную шапку (кулах)». ⁵⁵ Однако она не имела широкого распространения. Ее носили, главным образом, азербайджанцы, пришедшие из Ирана.

Качеству и красоте папахы как азербайджанец, так и лезгин всегда придавал большое значение. Даже при отсутствии добротной одежды мужчина считал необходимым иметь дорогостоящую папаху.

Национальная обувь у лезгин также отличалась своеобразием. Вязанная узорчатая обувь «кемечар» изготовлялась из шерсти по типу традиционных носков, повседневная рабочая обувь – «шаламар» - из сыромятки. Из кожи делали башмаки и легкие сапоги.

Наиболее распространенной обувью у азербайджанцев были "чарыхи" – постолы. Это обычная крестьянская обувь, которую носили как мужчины и женщины, так и дети.

Способ приготовления обуви чарых и шаламар одинаковы. Мы не будем останавливаться на описании изготовления этого вида обуви. Об этом достаточно написано учеными-этнографами. Достаточно сказать, что их делали из прямоугольного цельного куска кожи крупного рогатого скота или лошадей, причем без шва.

Особый интерес в традиционной одежде лезгин представляют женские головные уборы. Наиболее характерным типом головного убора дагестанских женщин, как и азербайджанок, является «чутку». Этот головной убор распространен не только в Дагестане, но и среди народов пограничных с ним районов: азербайджанских лезгин, шагдагцев и закавказцев – на юге. Чутку представлял собой сшитый кусок материи, к верхней части которого пришивались две ленты.

Азербайджанские женщины в основном часто ходили в чадре. Чадра была прямоугольной, почти квадратной формы. Азербайджанка накидывала ее так, что она окутывала фигуру с головы до пят и закрывала все лицо, за исключением глаз. Чадру шили из сатина, атласа, тонкого шелка.

Женщины из богатых семей покупали, особенно в XIX в., готовые шелковые покрывала, которые в основном привозили из Ирана и Турции. ⁵⁶ Таким образом, можно сказать, что в формировании традиционного головного убора у женщин Южного Дагестана и Азербайджана, хотя и было много общего, но были и различия по своей традиции и форме.

Как и многие другие восточные женщины, лезгинки очень любили украшения. Их носили и с повседневной и нарядной одеждой. Украшения были золотые, серебряные, металлические, янтарные, костяные. Изготавливали их как местные мастера, так были и привозные: кубачинские, лакские, кубинские, лачигские, бакинские и др.

Украшения были ушные, шейные, нагрудные, поясные, украшения для рук и т.п.

Орнаментика на костюмах, как и техника ее исполнения, была проста, не отличалась богатством отделки и изяществом рисунка. Но для азербайджанской вышивки характерна реалистическая трактовка растительных мотивов и изображений птиц, которые иногда в стилизованном виде наносились на одежду в качестве украшения. Для жителей Самурского, Кюринского и др. округов излюбленными были простые узоры, образующиеся сочетанием простых стежков и состоящие из разных геометрических фигур, самыми характерными и повторяющимися из которых являлись зигзагообразные линии. Узоры в большинстве случаев вышивались черными нитками на белом фоне.⁵⁷

Уже начиная с конца XVIII-первой половины XIX в. в селениях Ахты, Микрах, Кара-Кюре, Гиль и др. получила распространение вышивка золотыми нитками гладью, бисером или простой узорной строчкой. У лезгин вышивальщицы имелись не во всех селениях, как у азербайджанцев, а лишь в некоторых. Поэтому многие вышитые изделия, в основном, привозились из Закавказья, большую часть из городов Нуха, Куба и Баку.⁵⁸

в) Пища

Судя по сведениям, относящимся к XVIII – XIX вв. пища азербайджанцев и лезгин была разнообразной и схожей. Это объяснялось их общей хозяйственной направленностью, с одной стороны. С другой – сходными приемами распространенного приготовления блюд национальной кухни. В то же время, несмотря на взаимовлияние, пища как лезгин, так и их соседей, имела свои особенности.

Поскольку основными отраслями хозяйства у лезгин и азербайджанцев издавна были животноводство и земледелие, то их пищевой рацион, в основном, составляли продукты этих отраслей. В определенные сезоны он пополнялся также продуктами собирательного промысла, главным образом разнообразными съедобными растениями и травами.

Значительное место в ежедневном пищевом рационе занимали изделия из муки. Употребляли в пищу пшеничный, кукурузный, а также

ячменный хлеб. Большое место в рационе блюд, особенно у азербайджанцев, занимал рис. Он употреблялся в качестве гарнира к мясным блюдам, а также для приготовления плова.

Азербайджанцы, как и лезгины, одни и те же блюда подавали на стол и в качестве первого и в качестве второго блюда. Деление блюд на первые и вторые не практиковалось. Наиболее популярными блюдами из мяса считались хинкал, аш (плов), кюрза, бозбаш, долма из виноградных листьев, чигиртма – мясо жаренное, заливаемое яйцами и чуду, как с мясом, так и с зеленью.⁵⁹

Лезгины, в отличие от азербайджанцев, делали плов не только из риса, но из пшеничной крупы (чахар). Чахар аш (плов) ели с маслом, молоком, мясной приправой. А в некоторых селениях Самурского округа (Хлюг, Ига, Хрюк, Ялак и др.) делали просяную кашу.⁶⁰ Популярен в азербайджанских селах был также сотлю аш (плов на молоке) и сюзме аш (откидной плов).⁶¹

При приготовлении плова азербайджанки применяли шафран. У азербайджанцев Нахичеваня, Уджара, Лагича, широко практиковалось приготовление плова из полбы. Кухню азербайджанцев трудно представить без всевозможных чуду, пирогов с мясом, творогом, требухой и т.д.

Многие перечисленные блюда азербайджанцев и лезгин заимствованы друг у друга и бытуют в слегка измененном виде.

Коровье и буйволиное молоко, как у тех, так и у других, употреблялось в свежем виде. Из молока готовили масло, творог, сыр, которые заготавливали впрок до зимнего периода.

В рационе лезгинских блюд традиционное место занимало, как было сказано выше, молоко и молочные продукты. Лезгинам, как и азербайджанцам, в XVIII – первой половине XIX в. было известно несколько способов переработки молока. Наиболее употребительным и повседневным продуктом являлось кислое молоко – «гатух» (азер. «юхурт»). Из молока они получали сливки ("к'аймах"), которые собирали после отстаивания молока. Молоко, оставшееся после снятия сливок, шло на приготовление сыра. На сыр перерабатывали также овечьё и козье молоко.

Жидкость, оставшуюся после снятия масла, употребляли как напиток или изготавливали творог (шур).

Отметим, что азербайджанцы, как и лезгины, в целом были умеренны в еде. Неумеренность в еде считалась дурным тоном. Принимали пищу два, три раза в день, в зависимости от экономического положения и условий работы. Естественно, рацион питания во многом зависел от времени года, от вызревания сельскохозяйственных культур, не говоря

уже о материальных возможностях семьи. Летом и осенью большую роль в питании населения играли свежие овощи, свежие молочные продукты. В зимний период питались чаще всего сушеным мясом, сыром, сухофруктами и т.д.

Следует подчеркнуть, что основные продукты и способы приготовления пищи у лезгин, представляли собой неотъемлемую часть общенациональной кухни азербайджанцев, да и других народов Дагестана. Из кавказских народов кухня лезгин ближе всего стоит к азербайджанской и включает немало заимствованных у нее блюд.

Являясь устойчивой частью материальной культуры, пища азербайджанцев и лезгин и по сей день продолжает сохранять и развивать лучшие свои особенности, и тем самым вносит заметный вклад в общую культуру питания дагестанцев.

г) Прикладное искусство (художественная обработка шерсти, камня, дерева, металла и т.д. и их взаимовлияние).

В XVIII – XIX вв. на Кавказе существовали интенсивные культурные отношения между народами. Одной из распространенных форм существования народного искусства оставались домашние промыслы. Наряду с этим, определенное развитие имело ремесленное производство: изготовление вещей по заказу потребителя, который расплачивался с мастером деньгами или продуктами – зерном, скотом и т.д.

Ремесла и промыслы народов Южного Дагестана и азербайджанцев находились в тесной связи с их хозяйственной деятельностью и образом жизни. Виды изделий, их ассортимент, материал, из которого они изготавливались, определялись конкретными жизненными условиями и потребностями самого местного населения. Это же вызвало весьма широкое участие в создании изделий мастеров, нередко сочетавших творческую работу с обычными земледельческими и скотоводческими занятиями.

Исследователи отмечают, что на рубеже XVIII – начале XIX вв. Южный Дагестан вплотную примыкал к крупным ремесленным и торговым центрам Восточного Закавказья, таким, как Куба, Нуха, Гянджа, Баку и др., и сюда мощным потоком шли предметы их ремесла и торговли, вытеснявшие менее совершенную продукцию местных кустарей. Потому что те виды декоративного искусства и отрасли художественного ремесла, которые здесь существовали – резьба по камню и дереву, узорное вязание и ткачество, ювелирное искусство и вышивка – немногое отставали как в своем ассортименте, так и в декоративном оформле-

нии.⁶² Тем не менее, в рассматриваемое время на территории расселения лезгин существовало более 20 видов домашнего и ремесленного производства. Домашними промыслами занимались и мужчины, и женщины. Исключительным занятием последних было изготовление изделий из шерсти и отчасти керамическое производство. Мужчины обрабатывали металл, дерево, камень.

Ковровое производство в Азербайджане и в Южном Дагестане имело особенно большое развитие в Ахтынском, Магарамкентском, Курахском, Касумкентском, Кусарском обществах, Кубинском уезде, Баку и т.д. Тонкие и плотные ковры, с оригинальным и красивым рисунком производились в Кубинском уезде, где жили азербайджанские лезгины. Как известно, производством ковровых изделий занимались исключительно женщины. Ткать ковры умели все лезгинские и табасаранские женщины, в отличие от азербайджанских, где не во всех селах и не все умели производить ковровые изделия. Большую часть лезгинских ковров вывозили в Закавказье и оттуда далее в восточные страны. Иногда азербайджанские торговые люди вывозили лезгинские ковры в Россию и даже в Европу.⁶³ Азербайджанские ковры считались грубыми и бедными в смысле художественного оформления и цветовых сочетаний. Но в некоторых городах и селах, как Шемаха, Ах-Су, Уджары, Шеки и др., производили ковры, имеющие исключительные художественные качества: простоту узоров и композиций, богатство цветовой гаммы. Особенно славились ковры, производимые мемишлинцами, а также шемахинские ковры, которые отличались устойчивостью красок и богатством узоров.⁶⁴

Ткацкие станки в рассматриваемое время имели единую конструкцию как в Азербайджане, так и в Южном Дагестане, отличающуюся лишь незначительными деталями.

Отмечая роль ковроткачества в жизни ряда селений надо иметь в виду, что нехватка здесь земель заставляла людей заниматься ковроткачеством, способствуя, таким образом, его развитию.

Обработка металла. Кузнечное дело играло на протяжении многих веков большую роль в жизни горцев. Сама фигура кузнеца, обращаясь с огнем, была окружена в народе волшебным ореолом. Традиционный кузнечный инструмент был несложным. Он состоял из кувалды и молотка, щипцов, клещей и т.п. и изготовлялся в основном самим мастером. В числе создаваемых кузнецами изделий в XVIII – XIX вв. были холодное оружие, принадлежности седла, разнообразные сельскохозяйственные орудия, предметы обихода и т.п.

Кузнецы имелись почти в каждом селении. Крупными центрами

кустарного производства серебряных ювелирных изделий в Южном Дагестане, где насчитывалось значительное число кустарей, считались селения Икра и Койсу Кюринского округа, а также Ахты, Самур, Рича, Кочхюр, Цахур.⁶⁵

По технике выполнения ювелирные изделия Южного Дагестана отличались чрезвычайным разнообразием. Практиковались гравировка, чернь инкрустации по дереву и металлу. Однако производство филигранных и эмалевых предметов не получило широкого распространения. Эти усовершенствованные изделия, украшения и т.д. они приобретали в основном у азербайджанцев: Нухе, Шемахе, Баку, Лагиче и др. городах. В XVIII веке центром кузнечного производства стали азербайджанские города Лагич, Куба, Юхара Акбаш. Городские кузнецы производили разного назначения оружие, домашнюю утварь и т.д. Иной статус имели общинные кузнецы, обслуживавшие крестьянские хозяйства. Соседи, заказы которых они выполняли, обрабатывали у них свою долю земледельческого и скотоводческого труда.⁶⁶ Одна из важнейших обязанностей кузнеца состояла в обучении молодых мастеров. Нередко обработка металла было занятием семейным, переходящим от отца к сыну.

По сообщениям письменных источников, мастерские медников, кузнецов и других металлистов находились на базарах. Здесь они работали, здесь же они продавали свою продукцию. Специализированные базары по обработке металла существовали во многих азербайджанских городах. «Торговые ряды кузнецов, медников, литейщиков котлов, подковников, игольщиков и т.д., находившиеся в Баку и Лагиче, сосредотачивали основное число мастерских и лавок по изготовлению металлических предметов и их реализации, а в указанных кварталах значительная часть домов принадлежала носителям названных профессий. Часть мастеров-металлистов работала на дому».⁶⁷

Многочисленность мастеров, специализировавшихся на изготовлении и продаже металлических изделий, позволяет считать, что промыслы по обработке металлов занимали в жизни населения городов Азербайджана в XVIII – XIX вв. значительное место.

О довольно узкой специализации ремесленников-металлистов Азербайджана в рассматриваемое время говорят следующие факты: готовое или полуготовое изделие могло передаваться на обработку другому специалисту. Или мастер-медник, например, сочетал свою работу со специалистом-отделочником, причем по установленным правилам. Первый, если даже не умел обрабатывать свои изделия, не всегда имел право обходить второго.⁶⁸ Подробные факты в Южном Дагестане не

встречаются. Мастер здесь доводил начатую работу до полной готовности, при этом именные мастера ставили свой штамп (нишан) на изделия.⁶⁹

Материалы имеющиеся в нашем распоряжении, к сожалению не позволяют установить, произошли ли какие-либо изменения в области обработки металлов в XVIII в.

Ремесленник, имевший собственную мастерскую, естественно, был в более выгодном положении, чем тот кто ее арендовал. Из-за ограниченности средств часть мастеров не могла закупать, необходимый для работы материал, и была вынуждена брать его в долг до продажи своих изделий.

В исторических документах встречаются подписанные договора, когда азербайджанский мастер из Лагича или Шемахи отдавал в долг медь или олово другому мастеру до определенного договором времени. Так, например, житель Лагича, Юсуф-уста отдал пуд и четыре мискала меди мастеру Кади-Азизу из Ахтов.⁷⁰ В свою очередь, житель Икра Шах Наби вместе с товарищем Гасен-балой из Койсу оставили свои изделия – шесть лезгинских кинжалов с белой костяной ручкой, 6 женских поясов металлических, украшенных орнаментом в виде полумесяца, кубинскому мастеру по железу (Демирчи уста) Камал-бале для обмена на медь или железо.⁷¹

В первой половине XIX века особой славой в регионе пользовались изделия мастеров – «заргарчияр» сел. Ахты. «В конце XVIII – начале XIX в. – свидетельствуют Э.В.Кильчевская и А.С.Иванов, – выделяются ювелирные изделия сел. Кубачи, лакских селений Кумух, Балхар, лезгинского селения Ахты, аварского селения Хунзах и других».⁷²

Распространение в Южном Дагестане имели такие виды художественной обработки металла, как гравировка на стали и насечка серебром и золотом по стали и меди. Некоторые авторы считают, что эти виды художественной обработки металлов позаимствованы лезгинами у азербайджанских мастеров.⁷³ Однако с этим трудно согласиться, так как соответствующие памятники, хранящиеся в музеях и выявленные нами сведения в полевых исследованиях, свидетельствуют о местном происхождении этих вещей, а также о существовании определенных традиций их изготовления и, несомненно, южнодагестанском характере украшающего их орнамента.

Сравнивая лезгинские ювелирные украшения с работами азербайджанских мастеров, можно прийти к выводу, что лезгины не любили сложных и громоздких изделий. Среди выявленных произведений совершенно отсутствуют массивные пряжки, крупные кулоны и височные

украшения. Южнодагестанские женщины предпочитали в украшениях сдержанность и изящество, что формировало стилистическую направленность работ местных ювелиров.

История производства и широкая распространенность медночеканной посуды в каждом лезгинском доме, где можно было найти водоносный кувшин «Клар», «афтафа», таз и другие медные изделия – все это свидетельствует об их связях с Азербайджаном. Как уже нами указывалось, такие кувшины, тазы и т.п. изготовлялись мастерами из Азербайджана, особенно гор. Лагича. И, тем не менее, большую часть делавших медночеканную посуду составляли собственно дагестанские ремесленники.

Несомненно однако и то, что дагестанские медночеканщики, изделия которых также славились во всем Закавказье, оказали на творчество азербайджанских мастеров решающее влияние, в результате чего изделия южнодагестанских ремесленников мало отличались от привезенных и изготовленных в Азербайджане дагестанскими отходниками, многие из которых осели в Азербайджане на постоянное место жительства. Следует также отметить одну характерную деталь, что из довольно широкого ассортимента художественных средств, которыми владели южнодагестанские мастера, в Азербайджане прижились именно те, которые были наиболее близки местным художественным принципам. Особая вытянутость форм, подчеркнутая тонкостенность сосудов, строгий изящный силуэт, лаконичность декора, говорят об их органичной связи с азербайджанской материальной культурой. Близость художественных вкусов разных народов – не столь уже редкий пример взаимодействия культур на Кавказе. Он свидетельствует о сходстве основных эстетических принципов, о старинных дружеских связях соседних народов.

Художественная обработка дерева один из древнейших видов традиционных ремесел, была сосредоточена в лесостепной зоне Азербайджана и Южного Дагестана, где произрастает карагач, орех, бук, клен и другие породы деревьев. Создавали изделия из дерева не только мастера, специализировавшиеся на этом занятии, но и просто крестьяне, которые вырезали деревянную посуду и утварь для собственного хозяйства, реже – для друзей и соседей. Благодаря этому, резьба по дереву являлась наиболее широко распространенным видом прикладного искусства, которым на протяжении многих поколений занимались десятки тысяч мужчин – южнодагестанцев и азербайджанцев.

Столь массовое участие мастеров в изготовлении сравнительно небольшого круга традиционных предметов, придавало этому виду творчества истинно коллективный характер, привело к высокому совершен-

ству формы и декора изделий, к исключительной отработанности ремесленно-художественных приемов.

В искусстве народов Южного Дагестана, как и в искусстве азербайджанского народа, изделия из дерева представлены, главным образом, памятниками XVIII – XIX вв. Однако в деревянной посуде и утвари этого периода проглядывают традиции, уходящие в глубокое прошлое.

Естественно, что не все деревянные изделия южнодагестанцев могут быть отнесены к произведениям народного декоративного искусства. Сельскохозяйственные орудия, бочки и арбы, бондарные изделия, деревянные корыта, хотя и делались с учетом национального вкуса и отвечали критериям не только утилитарным, но и эстетическим, явно выраженных черт художественности не имели. Практические свойства, безусловно, превалировали в них, а сам характер действия с вещами, их трудовые и бытовые функции исключали или резко сужали возможности художественного оформления.

Самым распространенным традиционным орудием обработки земли у народов Южного Дагестана в прошлом была деревянная соха. Для нее использовались, главным образом, твердые породы древесины. Азербайджанский историк Г.А.Гулиев отметил сходство пахотных орудий и систем земледелия у азербайджанцев и у народов Дагестана.⁷⁴

На большое сходство дагестанских сельскохозяйственных орудий с азербайджанскими в своей монографии указывает и известный дагестанский этнограф С.Ш.Гаджиева.⁷⁵

Кроме сохи, лезгины, например, использовали для пахоты тяжелые плуги того же типа, что и азербайджанцы и другие народы Закавказья. Как сохи, так и плуги изготовлялись специальными мастерами, которые имелись почти в каждом селении Южного Дагестана. Металлические части плуга делались местными кузнецами. Пользовались также привозными изделиями из Азербайджана.

В производстве транспортных средств (арб, тележек) особого мастерства достигли жители селений Гиль, Штул, Хив и др., где имелись специализированные мастерские. Сюда поступали заказы не только из селений Южного Дагестана, но и из соседних азербайджанских селений.⁷⁶

Отдельные селения специализировались и на производстве тех или иных предметов домашнего быта. Так, оригинальные красивые ложки, деревянные миски из абрикосового дерева, делали в селениях Пирал, Юхари-Ярак, Капир и др. Они отличались особой прочностью и гладкой поверхностью и не давали трещин. Как указывает полевой материал, собранный нами в азербайджанских селах, в сундуке с приданным бога-

тых невест азербайджанок достойное место занимали лезгинские ложки (кашук).⁷⁷ Производство красивых моек, корыт для теста также пользовались большим спросом у азербайджанцев. Цены на деревянные изделия были довольно высокими.

Наряду с упомянутыми выше изделиями из дерева изготавливались ступки, блюда, подносы, фляги и другие предметы быта.

Хотя многие деревянные изделия из Южного Дагестана вывозились в соседние регионы, в том числе и в Азербайджан, нельзя говорить, что обработка дерева там не была развита. Прекрасные образцы деревянных изделий встречаются и у азербайджанцев.

Лезгинский орнамент на деревянных изделиях весьма похож на азербайджанский. Кроме того, схожие мотивы орнамента можно наблюдать и на деревянных архитектурных деталях (дверей балконов, окон и т.д.).

Помимо обработки дерева, важное значение в быту у народов Южного Дагестана и азербайджанцев имело плетение изделий из деревянных прутьев. Сырьем для плетенных изделий служили тонкие прутья каштановых, ореховых или дубовых деревьев. В рассматриваемое время почти в каждом селении занимались плетением корзин, заборов, емкостей для хранения зерна и т.д.

Одним из предметов, получивших распространение у лезгин и азербайджанцев с конца XVIII в., – это домашняя мебель. Первые предметы мебели известные им – это сундуки, столики и стульчики простейших форм.

Резюмируя приведенный выше материал, хотелось еще раз подчеркнуть, что в XVIII – XIX вв. у лезгин и азербайджанцев существовало несколько высокоразвитых разновидностей домашнего и ремесленного производства, связанных с обработкой дерева, металла, изготовлением ковров и т.д., в которых прослеживаются общие традиции, уходящие в глубокое прошлое.

§ 2. Взаимоотношения в области устного народного творчества. **Народный календарь. Медицина.**

Отношения азербайджанского и сопредельных народов Южного Дагестана, всегда носившие всесторонний добрососедский характер, уходят своими корнями ко времени самого зарождения лезгинской культуры и литературы. Этим и объясняется особая близость культур азербайджанцев и народов Южного Дагестана, масштабы и широта их

культурных связей, что отразилось на всем развитии литературного процесса народов региона.

Большая популярность азербайджанского языка, близость и понятность тем, образов азербайджанского фольклора и литературы способствовали распространению этих тем и образов в широких слоях народов Южного Дагестана.

Устное творчество народов региона, формировавшееся в течение многих веков, отличается большим жанровым разнообразием. В этой сокровищнице творчества народа широко представлены трудовые, лирические и обрядовые песни, сказки, легенды, народные героико-эпические поэмы, пословицы и поговорки и т.д. В сокровищнице устного народного творчества азербайджанцев и народов Южного Дагестана, большое место занимали народные сказки, для которых были характерны простота сюжета и обязательный нравственный подтекст.

Азербайджанский народ создал множество сказок, в том числе фантастических, юмористических, детских, сказок о животных и др. Основной направленностью сказок является торжество справедливости добра над злом, вера в победу правого дела. В сказке, как часто и в реальной жизни, победа достигается необычно трудно. Герои сказок наделяются лучшими человеческими качествами: храбростью, добротой, честностью, выносливостью и т.д.

Героям фантастических сказок, чтобы достичь цели, иногда приходится отправляться в «далекие страны, в заколдованные и неприступные места, в фантастический и покрытый непроницаемым мраком мир».⁷⁸ Они подвергаются страшным испытаниям, сражаются с дивами, драконами и другими сказочными чудовищами, символизирующими могучие силы природы.

В сказках лезгин прослеживаются широкие типологические параллели, однако их большое сходство с образцами повествовательного фольклора других народов Дагестана и Азербайджана, на наш взгляд, свидетельствует об интенсивном фольклорном взаимовлиянии лезгин и соседних народов. Во многих сказках участвуют великаны девлер, драконы – аждаха, а также кони, собаки, голуби. Если первые стараются причинить герою зло, вторые как верные друзья, спешат ему на помощь, помогают победить зло. Особенно значительна у азербайджанцев и лезгин роль постоянного спутника, героя – коня.

Во многих сказках, особенно детских, героями выступают такие животные, как заяц, медведь, еж, волк, лиса и др. При этом, в одних сказках действуют только звери, в других звери и люди одновременно.

Особый тип сказок составляют так называемые бытовые сказки.

Они отличаются тонким юмором, многообразием тематического круга и острым социальным содержанием. В яркой художественной форме в этих сказках отображаются быт народов, семейные и общественные отношения, нормы повседневного поведения. Таковы предания и сказки «Жадный муж и хитрая жена», «Свекровь и ловкие снохи» и др. Многие сказки и предания рисуют отношения богача и бедного крестьянина. Они содержат обличительную сатиру, направленную против социального неравенства в обществе.

Значительное место в устном поэтическом творчестве азербайджанцев, как и лезгин, занимают героико-эпические и любовно-романтические произведения. Через Азербайджан проникли произведения замечательного жанра «Кер-Оглы», «Ашиг-Гариб», «Асли и Керим»⁷⁹ и др., вобравшие в себя лучшие образы народной поэзии и героических мелодий, свидетельствуя о сильнейших процессах взаимопроникновения культур, обусловленных всеми видами межэтнических, в том числе глубоких древнейших связях.

Одними из переносчиков и распространителей поэтических творений азербайджанского народа среди соседних народов являлись ашуги (XVII – XIX вв.), которые всегда были желанными гостями.

Народные поэты и певцы в своих импровизациях обращались к богатому устному народному творчеству. Наиболее близкие по содержанию и полюбившие фольклорные произведения и произведения азербайджанских авторов имели широкое хождение у дагестанцев. Так, большой популярностью пользовалось героическое сказание "Китаба-Деде-Коркуд". Отдельные эпизоды из этого цикла были перенесены дагестанцами на местную почву. По сообщению гольштинского путешественника Адама Олеария во время его пребывания в Дагестане он услышал рассказ о главном герое этого сказания и видел якобы его могилу вблизи Дербента.⁸⁰ Данные топонимики также подтверждают бытование этого эпоса в Южном Дагестане: с именем главного героя связан родник в сел. Ашага-Стал Казан-Булак. Заслуженной любовью у дагестанских народов пользовалось широко распространенное эпическое сказание "Кер-оглы". Многие подвиги Кер-оглы они связывали с событиями в Дагестане. Ашуги из Азербайджана пели о любви Ашига Гариба и Шахсенем, Лейлы и Меджнуна, Асли и Керима, о легендарных подвигах Кер-Оглы, о шахе Исмаиле и т.д.

Вслед за азербайджанскими «ашыгами» поэтами среди лезгин XVII – XIX в. появились и местные, такие как, Ашуг Факир из сел. Мисханджи, Ашуг Мискина, Исмаил Мюшкюрлу, Ибрагим Мюшкюрлу, Салингли Бута, Ханалугу Эмин, Ханалугу Сулейман и др.⁸¹

Наиболее значительный вклад в распространение азербайджанской

устной поэзии среди народов Южного Дагестана внесли азербайджанские, табасаранские и лезгинские ашуги. Как пишет Г.Гашаров, «У лезгин ашугство получило широкое развитие, преимущественно под воздействием ашугско-поэтических традиций Азербайджана и Ирана в XVII – XVIII веках».⁸²

Взаимовлияние творчества разных народов, двуязычное и трехязычное бытование их фольклора имеет не случайный, а закономерный характер, что проявляется, как правило, в творчестве малых народов и обнаруживается особенно в период интенсивных культурных влияний. В этом аспекте интересны азербайджанские мугамы (*дастаны*), имевшие живое бытование среди лезгин и табасаранцев. Наиболее известен уже упоминавшийся нами дастан «Ашыг Гариб». Причину столь широкой популярности этого произведения необходимо искать в его народности.⁸³

Характеризуя ашугство, следует отметить, что оно было одной из форм перехода от фольклора к литературе на родном языке. В фольклоре у народов Южного Дагестана большое место занимает обрядовая поэзия. К ней относятся песни сельско-хозяйственного цикла, свадебные, колыбельные и др.

Одним из самых распространенных жанров фольклора лезгин, табасаранцев, цахуров, рутульцев и других народов Южного Дагестана, как и всех азербайджанцев, были частушки (гошмалар). Можно с уверенностью сказать, что частушки, сатирические песни, анекдоты пользовались популярностью среди народа. Они являлись насущной потребностью каждого человека, его поэтического восприятия. Частушки пели люди по всякому поводу: в процессе земледельческого и животноводческого труда, выполняя различные работы по дому, в радости и печали, а особенно молодые, влюбленные люди.

Надо отметить, что у азербайджанцев особенно популярны образцы юмора и сатиры, в том числе творения остроловов, которые приписывались известному на всем мусульманском Востоке легендарному Молле Насреддину. Популярность афоризмов и острот, связанных с его именем, создали в народе убеждения, что он – Насреддин – реально существующая личность.

В данной работе нет надобности давать полное освещение фольклора, народного поэтического творчества и т.д., и это не входит в задачу нашего исследования. Нам хотелось лишь только ознакомить читателя с некоторыми аспектами взаимоотношений и взаимосвязей в многообразном устно-поэтическом творчестве азербайджанцев и народов Дагестана, которое обладало высокими художественно-эстетическими достоинствами и, несомненно, играло важную роль в их культурной жизни.

Народы Южного Дагестана, как и азербайджанцы, в своей практической жизни пользовались лунно-солнечным календарем. Месяц в зависимости от лунной фазы делился на три этапа: начало (айын баши), середина (айын ортасы) и конец (айын ахыра). По народному календарю начало года у народов Южного Дагестана и азербайджанцев, как и у многих других народов мусульманского Востока, совпадает с началом весны. День 21 марта – это праздник весны, Новруз байрам.

Лето – ай (с 22 июня по 22 сентября) время уборки и обмолота зерна, сбора винограда, фруктов, заготовки кормов и т.д. Осенний полив считается для посевов и садов самым необходимым. О начале зимы судят по исчезновению созвездия. Длится зима с 22 декабря по 22 марта.

Наблюдение за звездами издавна диктовалось потребностями хозяйственной жизни общества, помогало крестьянам ориентироваться во времени и пространстве.

За рядом звезд и созвездий сохранились местные названия: Дан улдуз (утренняя звезда), Езди улдуз (Большая медведица), Демирказык (Полярная звезда), Улкер (созвездие из 7 звезд). Азербайджанцам, в отличие от лезгин, живущих в горах, вдали от моря, известна также звезда Ишыг улдуз. Она появляется после двух часов ночи со стороны моря и исчезает перед рассветом на западе, как говорят «под горой».⁸⁴ Ишыг улдуз – ориентир для людей, отправляющихся в ночное время.

Жители приморской зоны отмечают появление в августе месяце звезды Турши.⁸⁵ Она появляется со стороны Каспийского моря под утро, поднимаясь высоко исчезает на западе. Турши принято отождествлять с Сириусом.⁸⁶ В это время созревает ежевика, чернослив и т.д., начинают желтеть листья на некоторых кустарниках. Турши считают предвестником наступления прохлады. С появлением этой звезды уже не разрешается спать на открытом воздухе. У азербайджанцев, как и у народов Южного Дагестана, существовало поверье, что тот, кто увидит восход («рождение») этой звезды, тяжело заболевает и может умереть. У тех и у других существовало поверье о том, что, когда появляется звезда Турши, растрескиваются дыни. Если по какой-то причине крестьянин не мог вовремя обмолотить зерно, то он ждал наступления периода Турши. Считалось, что зерно в этом случае не рассыпается и потеря бывает меньше. Объясняли это тем, что по ночам выпадает роса, которая впитывается колосьями и смягчает их.

Народный календарь азербайджанцев во многом сходен с календарем народов Южного Дагестана, хотя и основан, главным образом, на опыте и хозяйственной деятельности самих азербайджанцев, их собственных природных условий.

До нас дошел ряд и календарных обрядов и праздников, наиболее популярным из которых, как было сказано выше, являлся праздник Новруз байрам, посвященный проводам зимы и встрече весны.

Под Новый год всюду зажигали огни, на крышах – факелы на длинных шестах. Рано утром разжигали костры у ворот домов на площади – «мал аягына» («для ног скота»). У лезгин Кюринского, Самурского, Кусарского, Кубинского и др. районов перед выгоном скота на пастьбу хозяева проводили его мимо зажженных огней. Через огонь прыгали дети, а иногда и взрослые. В этот день принято было приносить в дом побольше добра, а выносить – поменьше. Новруз, как праздник Нового года и весны, генетически связанный с культом плодородия, умирающей и воскресающей растительности, более пышно отмечается у азербайджанцев – шиитов, чем конечно у суннитов, в том числе и лезгин Южного Дагестана.

Важное место занимал весенний обряд вызывания дождя. Одним из распространенных видов этого обряда был вывод животных в полдень на окраину села в жару, чтобы они блеяли, при этом в некоторых селах, таких как Ахты, Штул и др., отделяли ягнят от овец, телят от коров.⁸⁷ А у жителей северо-восточного Азербайджана одним из методов вызывания дождя был следующий: человека одевали как чучело и обливали водой, или же одевали на него шубу наизнанку и водили по селу, иногда мазали его грязью до пояса, раскапывали старые могилы и т.п.

Существовали и обряды вызывания солнца и огня. Верили, что дождь может прекратиться, если острый металлический предмет поставить острием вверх и дождь, попав на острие, разделится на капли. Этот обряд встречается почти у всех народов Дагестана, так и у азербайджанцев.

Существовал обряд, связанный с уборкой урожая зерновых. Он проводился дважды по завершении молотьбы. Как только завершалась жатва и были собраны снопы на последнем участке поля, один из жнецов подходил к хозяину поля и вешал на его шею серп, а хозяин щедро угощал их здесь же в поле.

Комплекс обрядов, связанный с рождением ребенка во многом сходен у лезгин с азербайджанцами. Так, например, беременной женщине запрещалось смотреть на змею, зеркало, на покойника, носить грязное белье, садиться на камень. На ночь возле нее ставили саблю или кинжал, мазали ей чесноком лицо и руки и многое др.

Существовали культы молнии, грома, гор, камня, особенно белого камня.

Огромную роль в верованиях азербайджанцев играли культ предков

и вера в загробную жизнь. Азербайджанцы, как и южнодагестанцы, постоянно заботились о своих умерших, в частности, чтобы «души» покойников не голодали и были бы довольны заботою о них родственников. Люди верили, что души умерших время от времени появляются в домах своих близких (где они обитали при жизни), особенно в тех случаях, когда они (души) голодны. Поэтому каждый раз старшие в семье после обеда высказывали пожелания, чтобы покойники были сыты.

Следует отметить, что представления о загробной жизни, хотя и возникли в глубокой древности, но позже были признаны исламом и поэтому устойчиво сохранились среди населения.

Говоря о народной медицине Южного Дагестана и Азербайджана XVIII – XIX вв. можно сказать, что она развивалась на основе больших взаимовлияний соседних народов под воздействием восточной медицины. Отмечая неопределимые заслуги арабских, персидских и других врачей-лечителей, нельзя не отметить многообразие методов врачевания народных местных лекарей, применение в лечении различных болезней, местных лекарственных растений.

Отмечая, что восточная медицина у кавказских горцев и Закавказья была широко известна, И.И.Линкевич писал: «Несомненно, что Кавказ и теперь еще остается во многих отношениях под влиянием арабской медицины. Арабы передали потомству прежде существовавшую медицину».⁸⁸

Существовали целые семьи народных лекарей, серьезно занимавшихся медицинской профессией. «Хакимы оказывали действительную помощь больным, постепенно завоевывали симпатии населения. Наиболее опытные из них производили и такие сложные операции, как трепанацию черепа, извлечение мочевых камней и др.».⁸⁹

Арсенал используемых местными знахарями лекарственных средств был разнообразным. Они не только знали лечебные свойства многих растений, но и владели искусными приемами массажа, кровопускания, лечения теплом, горячим песком, грязями. В своей практике они широко использовали целебные свойства крапивы, зверобоя, щавеля, барбариса, кизила, ореха, кураги, чеснока, лука, меда, молока и т.д., которые имелись в большом количестве как на плоскости, так и в горах Южного Дагестана. При изготовлении лекарственных средств из кораллов, натурального шелка, фарфора, жители Самурской долины пользовались азербайджанским методом, т.е. готовое лекарство из минералов приобретали в близлежащих к границе азербайджанских сел. Из лечебных трав лекари из сел. Хошмензиль, Сабнава, Киль, Ерсиджали делали порошки, отвары, которые использовались для внутреннего употребле-

ния. Эти средства пользовались большим спросом у азербайджанского населения. Старожилы Дербента рассказывают о травнике Аскере Гусейн оглы Кабаеве, который каждый год, начиная с ранней весны, собирал в поле лекарственные растения и сушил их в проветриваемом помещении. Более того, им была создана специальная аптека, где можно было приобрести необходимые лекарства. «Аскер Гусейн-ага был известен как лучший лекарь по всей округе».⁹⁰ В каждом ауле, естественно, были и свои травники и лекари. Своими знаниями они делились с людьми, снабжая их лечебными средствами.

У лезгин имелись свои костоправы, народные травматологи. В 40-х годах XIX века наиболее известными костоправами в Южном Дагестане были уста Мемин-халу, Нажмуддин Кебирский, уста Энвер, Кадыр из Куркент и др.⁹¹ Иногда при затяжных и сложных болезнях лезгины приглашали лекарей из азербайджанских селений: Куба, Хачмаз, Уджор и др., или же обращались за помощью в табасаранское селение Шиле. «Так табасаранские джаррахи Шихахмед, Халим и Магомедали славились умением излечивать сложные раны».⁹²

В XIX веке наиболее известными костоправами были Абдул-Кадыр Курбанов, Сулейман Мамедов (селение Марага), Джамал Алиев (селение Хели-Пенжи), Аскер Бабаев, Набиюлла Самедов (Дербент), Уста Махмуд, уста Мирзахен (магал Теркеме) и др.⁹³

Надо отметить, что некоторые хакимы считались универсальными, умеющими лечить несколько болезней. К таким лекарям, как отмечает С.Ш.Гаджиева, относили Набиюллу Самедова, который «вправлял вывихи, лечил переломы костей, готовил всевозможные лекарства из трав, широко применял кровопускание при лечении больных».⁹⁴

Метод кровопускания практиковался при высоком давлении. В рассматриваемое нами время этим методом пользовались жители азербайджанских сел. Они часто использовали пиявок, собирая их в определенных местах водоемов. Чаще их применяли при лечении головной боли, а также при отечности ног. Лечение пиявками славились мастера из азербайджанских сел Гек-чай, Шеки, Куба, которые часто приходили в населенные пункты лезгинских сел, предлагая свои услуги. Об этом говорят многочисленные рассказы старожилых некоторых южнодагестанских сел, таких как Джили-хюр, Хнов, Мискинджи, Зрых (Ахтынский район) и др.⁹⁵ Лучшим периодом использования пиявок считалась весна.

Азербайджанские лекари при заболевании почек применяли пленку из желудка курицы, которую предварительно высушив и измельчив, смешивали с медом и давали больному. Были лекари, особенно в Табасаране, Дербенте, Самурской долине, где специальной областью враче-

вания было извлечение застрявших в горле у детей или взрослых косточек (чоп) и других остатков пищи.⁹⁶ Искусные лекари чопчи были далеко не в каждом селении. К ним привозили пострадавших даже из отдаленных мест Азербайджана. В основном этим видом врачевания занимались женщины. Считалось, что у них легкая рука. Из горла же у животных чоп извлекали специалисты – мужчины. Большим опытом лечения животных обладал житель сел. Великент Алимердан Пулатханов. К нему из всех селений приводили больной скот. А при кожных заболеваниях Пулатханов применял нефть, толченые листья персикового дерева, горячее масло и т.д.

В лечебной практике ран, радикулита и других заболеваний жители северо-западных сел Азербайджана применяли как успокоительные средства музыку, песни, танцы, особенно фольклорные произведения. В XIX веке, обращая внимание на этот метод лечения больного, П. Попов писал: «У горцев существует престранный обычай. К больному товарищу своему, в особенности перелома кости, собирают они из аула молодых девиц и мужчин; те и другие садятся возле него, начинают петь, плясать и вообще предаваться разным невинным играм, чтобы лечить больного».⁹⁷

В каждом селении принятием родов занимались несколько женщин. Исследователи справедливо отмечают, что повивальное дело являлось «постоянной заботой человечества на протяжении всей истории и что повивальное искусство было у всех народов».⁹⁸

Одной из самых древних областей народной медицины, пожалуй, являлось лечение больных водами горячих источников. Ими пользовались, страдающие заболеваниями суставов и другими болезнями. Лечебных источников было в Южном Дагестане достаточно, больше, чем в Азербайджане, поэтому многие больные приезжали на источники в Ахты, Штул, Каякент, Берикей, Рутул и другие населенные пункты. В свою очередь, многие жители из Дагестана лечились в Азербайджане в таких лечебных источниках, как Агдамский, Ак-Су, Нефтечи и др., в основном при кожных и женских заболеваниях. Однако, никакого медицинского контроля за больными, принимавшими ванны и грязи, не было. Нередко приезжали люди, которым лечение в этих источниках было противопоказано.

Русский чиновник А.Соколов в XIX веке отмечал, что севернее Дербента, между Каякентом и Берикеем, «находится два обильных горячих серных источника...». Целебность этих вод многократно была испытана русскими врачами и признана полезной и привезенные сюда из госпиталей люди «возвращались отсюда с большим облегчением».⁹⁹

Здесь посетители из ближайших сел отгораживали каменными пли-

тами небольшие водоемы и использовали их как ванны. Лечебные свойства этих источников, естественно, привлекали множество больных. Сезон начинался у азербайджанцев с апреля месяца, продолжался до начала июля, самого жаркого периода, когда зной, комары особенно нестерпимы. По этим же причинам лезгины, табасаранцы и другие, посещавшие горячие источники и грязи, также придерживались этих же сроков.

Большое значение южнодагестанские целители придавали диете больных. Главное место среди продуктов при многих болезнях занимали свежее и кислое молоко, лекарственные травы (мята, барбарис, шиповник и др.). Многие заболевания лечили медом.

Однако развитие народной медицины не исключало того, что местные врачеватели были беспомощны в лечении многих болезней. В Самурском, Кусарском и других регионах, особенно плоскостных, свирепствовала малярия (гыздырма), разные грибковые болезни, туберкулез и т.д. Беспомощным было население перед некоторыми заразными заболеваниями, такими как тиф, холера, корь, оспа и т.д., вспышки, которых буквально «косили» людей. Неудивительно, что в этих условиях процветало знахарство.¹⁰⁰

Наряду с эмпирическими знаниями, основанными на многовековом опыте народа, порою применялись и магические средства – заклинания, заговоры, нашептывания, с помощью которых, как полагали, можно изгнать «злых духов», избавить от сглаза и т.д.

К югу от селения Дарваг расположены два родника. Один из них был исстари известен как родник от «сглаза» Гез-булаг, второй – как родник от малярии. Источник Гез-су, расположенный на территории селения Башлы у р. Башлы-озень, использовался для лечения от сглаза.¹⁰¹ Туда в основном приезжали не только из Азербайджана и Дагестана, но и с Северного Кавказа. В некоторых селениях Южного Табасарана (Арак, Ерси и др.) развешивали талисманы, обрызгивали водой из источника Гез-Су.

Таким образом, можно сказать о том, что народная медицина Азербайджана и Южного Дагестана в изучаемый нами период тесно переплеталась с магическими приемами, с различного рода заклинаниями.

Сама же народная медицина, ее рациональные средства приносили больным большую пользу. Научная медицина начала проникать в Дагестан в начале XIX в. Первые лечебные учреждения создавались в расквартированных в области русских войсковых частях, в городах Дербент, Темир-Хан-Шура, Петровск и др.

По данным Е.И.Козубского, первый лекарь был утвержден для Дербента в 1830 г. в период правления Паскевича на Кавказе. В 1834 г.

сюда же была направлена акушерка Анна Ивановна, окончившая Московский «повивальный» институт.¹⁰² Не лучше обстояло дело и с обеспечением лекарствами и все же основным источником медицинских знаний оставался практический народный опыт, который накапливался в течение веков. К большому сожалению, многое из того опыта, из тех запасов знаний бесследно исчезло из практики врачевания. Не последнюю роль здесь сыграло официальное агульное отрицание народной медицины – бесценного культурного наследия народов Южного Дагестана и Азербайджана.

§ 3. Литература и наука

Отсутствие письменности на родном языке вынуждало лезгинских поэтов прошлого, обращаться в своем творчестве к помощи других языков и письменностей. Так, на азербайджанском и арабском языках создавали свои произведения Мирза Али Ахтынский, Етим Эмин, Гасан Алкадари и др. Нам известны имена и творчество уже упоминавшихся нами лезгинских поэтов XVII в., таких как Мискинджали Ашуг Факира и Ашуг Мискина, «писавших стихи в жанрах гошмы, герайлы, баяты, мухаммаса»¹⁰³. Поэтическое наследие XVIII в. представлено именами Исмаила Мушкюрлу, Ибрагима Мушкюрлу, Силикглили Буты, Хананалугу Эмина, Ханалугу Сулеймана и других. Еще больше имен принес в лезгинскую поэзию XIX в. Однако из них подлинно национальный облик лезгинской литературе придали поэты Кочхюр Саид, Етим Эмин, Тагир Хрюгский и др. Лезгинская литература не была однородной. Имущественно-классовая и религиозно-иерархическая дифференциация находила в ней свое эстетическое выражение наряду с представителями широких масс и народа. Через века проносили лучшие лезгинские поэты свои заветные идеалы, обогащая и развивая их.

Многие лезгинские поэты отправлялись в Азербайджан на заработки, где зарабатывать на жизнь им приходилось, работая на ханов и беков. Они становились очевидцами страданий народа, междоусобиц власть имущих, постигли причины трагической судьбы павших в те годы от интриг ханов замечательных поэтов Азербайджана М.П. Вагифа, К. Камала, Хуршида и др.¹⁰⁴ Все это привело к еще большему насыщению творчества лезгинской поэзии и литературы, мотивами народного героизма, антифеодального протеста. В стихах лезгинских поэтов отражался дух народной поэзии, а также демократические идеалы лезгинских ашугов Режеба из Ихрека и др., на творчестве которых сказалось заметное влияние азербайджанской народной поэзии¹⁰⁵. Вернувшись на

родину они выступали против притеснителей народа.

Азербайджанские города Шемаха, Шеки, Гянджа, Тебриз, Нахичевань, Куба, Баку и другие, являясь средоточием ремесла и торговли, в то же время представляли собою важные культурные центры страны. Каждый из них, будучи столицей ханства, играл важную роль в развитии азербайджанской культуры. Во второй половине XVIII в., во многих городах наблюдалось некоторое оживление культурной жизни. В азербайджанской литературе этого периода существовали два противоположных направления – народное реалистическое и придворное. В то время как представители первого, прогрессивного направления выражали думы и чаяния народа и правдиво изображали азербайджанскую действительность, придворные поэты были далеки от народа, воспевали жизнь господствующего класса и отражали в своем творчестве феодальную идеологию. Во дворцах Карабахского и Карадагского ханств жили профессиональные ашуги. Видные азербайджанские поэты отлично играли на сазе, любили и восхищались ашугской поэзией. Все это способствовало популярности ашугского творчества, его распространению и усилению его воздействия на классическую литературу.

Азербайджанская литература и язык все более очищались от чуждых влияний и терминов. В рассматриваемое время в азербайджанской литературе наряду с господствовавшей в поэзии любовной тематикой в произведениях стали затрагиваться злободневные общественно-политические вопросы, перекликавшиеся с историческими событиями эпохи¹⁰⁶. Азербайджанские поэты, продолжая традиции литературной школы Физули, развивали все лучшее что было в творчестве этого гениального поэта. В литературе все сильнее чувствовался стиль Аббаса Диварглы и Сары Ашуга¹⁰⁷.

Видные представители азербайджанской литературы Нишат Ширвани и Шакир Ширвани известны как лирические поэты, для творчества которых характерны любовные мотивы. Но в некоторых их стихотворениях затрагиваются и социальные вопросы, определяется их отношение к событиям времени. В произведениях Нишата Ширвани чувствуются глубокая скорбь и неудовлетворенность, слышны жалобы дагестанского народа в связи с кавказской войной. Он выражал протест против власти царизма, принесшего опустошение народам Дагестана, воспевал борьбу горцев, их героизм в битвах¹⁰⁸.

Шакир Ширвани родился в Ширване и получил образование в мектебе. Он стал известным поэтом продолжателем традиции Физули. Среди его произведений, относящихся как к Ширвану, так и к Южному Дагестану, заслуживает внимания стихотворение «Эхвали-Ширван» (По-

ложение в Ширване).¹⁰⁹ С болью в сердце поэт описывает тяжелую участь родного Ширвана и разрушение Шемахи, подчеркивая, что в освободительном движении Ширвана большую помощь оказывали братья из Южного Дагестана.

Известными поэтами в рассматриваемое время являлись Ариф Ширвани, Ага Месих Ширвани, Наби Баба Ширвани, Хаста-Касум и др.¹¹⁰ Все эти поэты в некоторых своих произведениях, как в лирике, так и в сатире, воспевали дружбу и любовь двух народов как дагестанского, так и азербайджанского, в сатирических стихах они критиковали и клеймили позором ханов, придворную знать, которые занимались интригами, проводили антинародную политику.

Азербайджанскому поэту Шикэстэ Ширину принадлежат стихи на исторические темы. Особого внимания заслуживает небольшая поэма, где описываются небывалые разрушения и грабежи, произведенные войсками Ага-Мухаммедхана-Каджара. Поэт выражает свое враждебное отношение к иранским завоевателям, причинившим столь тяжелое горе народу, он воспекает чаяния народов Закавказья и Южного Дагестана и призывает их к братству и дружбе.

Поэма написанная в азербайджанском стиле, "Шах-намэ Фирдоуси", широко известна в Южном Дагестане, где описывается личность Фатали-хана Дербентского. Поэт дает художественное обобщение событий XVIII в. Многие из этого произведения воспринял и хорошо описал на азербайджанском и лезгинском языке поэт Саид Кочхюрский. В XVIII – первой пол. XIX века в дружеские азербайджано-дагестанские отношения были вписаны незабываемые страницы братского противоборства захватническим войскам Ирана и Турции. Эти события нашли отражение в литературе народов Азербайджана и Дагестана. Среди произведений, описывающих мужественную борьбу сыновей своей родины, большое место занимают произведения, связанные с именем «Кероглу»¹¹¹. В XVIII в. среди лезгинского народа большой популярностью пользовалась азербайджанская поэма "Асли и Керим". Лезгинский поэт Малик Курали, писавший на азербайджанском языке, в своих стихах описывал освободительную войну азербайджанского и лезгинского народа, Кубинское восстание 1837 г., ход совместной борьбы.¹¹² Родился Малик Курали в селении Куркент (Касумкентский район).

В Рукописном фонде Академии наук Азербайджана хранятся произведения лезгинского поэта и прозаика Баят Аббаса под названием «Абас и Полгъез» (Аббас и девушка цветок).¹¹³ По мнению профессора М.Х. Тахмасибина, прообразом героя этого произведения является сам писатель Аббас. В своих произведениях «Ашуг Аббас», «Туфаргнлыг

Аббас» и др. он описывает свой родной край, красоту и любовь к природе и людям, проживающим по р. Самур. Прозвище Баят, Аббасу было дано по имени его места рождения, т.е. маленького села примерно в 12-14 км к югу от Дербента¹¹⁴. Однако по мнению проф. М.Х. Тахмасибина Аббас-Баят родился в Азербайджане недалеко от Ширвана и принадлежал к плеяде известных поэтов Азербайджана XVIII в. Мы склонны поддерживать мнения М.Ярахмедова, К.Мусаева и др. (см.: «Путем сближения и единства». Баку, 1986 г.), согласно которому Аббас-Баят был родом из Южного Дагестана и многие свои произведения он создавал, посвящая своему лезгинскому народу, хотя и писал на азербайджанском языке. Тем не менее, основная цель его произведений – это воспевание дружбы двух соседних народов – азербайджанского и лезгинского, их взаимопонимания и любви к своей Родине.

Тяжелой жизни лезгинского и азербайджанского народа посвящены произведения ашуга Фагира из селения Мискинджи. Он жил на рубеже XVIII в. Его сборник на персидском языке «Аглашар» и сборник «Мискин Вели», «Атарам»¹¹⁵ очень схожи с произведениями азербайджанского поэта Вагифа, где в основном описывается освободительная борьба против Надир-шаха, воспеваются любовь лезгинского бедняка к азербайджанской красавице Гюль-ханум – дочери ширванского хана.

К числу поэтов и писателей, известных в XVIII – пер. пол. XIX в. как в Южном Дагестане, так и в Азербайджане, можно отнести: Буку Цилинского (Абубакар), Хиналаглы Уздена. Они были известны как выдающиеся писатели своего времени, Абубакара считали родоначальником, дедушкой Етим Эмина.¹¹⁶

Дружеские связи азербайджанцев и лезгин охвачены в произведениях поэтессы и писательницы Лейли-Ханум, жившей в начале XVIII в. в сел. Кабир. Ее стихи были распространены не только в Южном Дагестане, но и в Азербайджане. Ее творчеству принадлежит сборник, дошедший до наших дней на азербайджанском языке, «Эйлема» («Не делай»)¹¹⁷.

Хаста Касум, Лезги Ахмед являются выдающимися писателями, а их произведения служат символом дружбы между дагестанскими и азербайджанскими народами. Они вложили большой вклад в культурные отношения двух соседних народов.

Хаста Касум жил в начале XVIII в. в азербайджанском селении Тикмядаш. В Дагестане были известны его произведения «Какликлер», «Деде Гасым».

Азербайджанским поэтом, известным во всем Дагестане, был Молла Панах Вагиф. Он родился в 1717 г. в селении Гьерах-Салахлы Козах-

ского магала. Сначала он обучался у весьма образованного человека своего времени – Шафи Эфенди, затем окончил медресе. Благодаря своим глубоким знаниям, уму и общительности, Вагиф приобрел широкую известность. Он был приглашен ко двору Ибрагим-Халил-хана и назначен «эшикагасы».¹¹⁸ В историю азербайджанской литературы Вагиф вошел как классический поэт, внесший большой вклад в ее развитие. Для произведений Вагифа характерны реализм и национальная самобытность. Его стихи проникнуты жизнеутверждающими мотивами. Он воспевал природу родного Азербайджана и братского Дагестана. Вагиф был хорошо знаком с бытом, обычаями и традициями народов Южного Дагестана, с восторгом слушал ашугские дастаны и гошма лезгин.

В творчестве Вагифа преобладает любовная тематика. Вагиф хочет видеть женщин культурными и преданными. В некоторых стихах Вагифа звучал гневный протест против социальной несправедливости, ненависть к феодальному строю особенно сильно проявилась в конце жизни поэта.

Творчество Вагифа сыграло большую роль в развитии азербайджанской литературы и оказало значительное влияние на лезгинских поэтов, таких как Закир Ахтынский, Насруллах Ахтынский, которые занимались распространением азербайджанской литературы в Южном Дагестане, собирали произведения Физули, Вагифа, Видади и многих других.¹¹⁹

Азербайджанскому поэту Шикестэ Ширина принадлежат стихи на исторические темы. Особого внимания заслуживает его поэма, посвященная лезгинам¹²⁰. Шикестэ Ширин описывает небывалые разрушения и грабежи, произведенные войсками персов. Поэт выражает свое враждебное отношение к иранским завоевателям, причинившим столь тяжелое горе лезгинскому народу. Шикестэ Ширин был выразителем дум и чаяний народов Азербайджана и Южного Дагестана, призывал их к братству и дружбе.

Виднейшим азербайджанским поэтом XVIII в. был Молла Вели Видади. Видади родился в 1709 г. в Шамкире. Здесь он получил начальное образование. С любовью относился Видади к соседним народам Закавказья. Особенно тепло писал он о красоте Южного Дагестана и о дружбе с его народами. Поэт клеймил позором кровожадных правителей, рисуя тяжелые последствия их нескончаемых распрей.

В литературном наследии Видади значительное место занимает его стихотворения «Чохдандыр» («Давно»), «Дурналар» («Журавли»), «Агларсан» («Да плачешь ты») и др.¹²¹. Все эти произведения пользовались популярностью у лезгинского народа. Особенно рекламировал и распространял его стихи в Южном Дагестане его друг и соратник Искендер

Катрухский и Эмир Али в стихотворениях «Что делать?», «Буду плакать», «Кривой» и др.¹²², которые были переведены на лезгинский язык.

Лезгинский поэт Амиралли из Кубы родился в 1790 г. Он является автором произведений, касающихся духовных лидеров, таких, как Магомед Ярагский, имам Кази-Магомед и др., написанных на тюркском, азербайджанском и лезгинском языке. В своих произведениях он подробно говорит об освободительном движении народов Азербайджана и Дагестана, об их дружеских отношениях.

К блестящей плеяде видных поэтов Дагестана и Азербайджана XIX в. можно отнести Етима Эмина. Етим Эмин хорошо знал восточную литературу. Он высоко чтит азербайджанских поэтов: Нисими, Физули, Видади, Вагифа и др.¹²³

Етим Эмин является первым переводчиком стихов азербайджанского поэта Магомеда Физули на лезгинский язык. Азербайджаноязычное творчество поэта-лирика и сатира связано с творчеством Молла Панах Вагифа. Следует отметить, что Эмин был первым связующим звеном между азербайджанской и лезгинской письменной литературой. Он создавал свою поэзию на двух языках – азербайджанском и лезгинском, став таким образом, двуязычным поэтом Дагестана.

Магомед Эмин с малых лет посещал медресе в селении Алкадар у Гаджи Абдуллы Алкадари. Преподавателями в алкадарском медресе в то время, то есть в 1835 г., были видные ученые Хас-Магомед Эфенди Ширванский, житель селения Карахан Агдашского района Абдулла Эфенди Агдашский и др.¹²⁴ Они хорошо знали восточную, в том числе и азербайджанскую устную и письменную литературу. Они доносили до своих учеников все тонкости восточной, в частности азербайджанской поэзии, ее неисчерпаемое богатство.

Стихи созданные Етимом Эмином на двух языках – азербайджанском и лезгинском, приобрели широкую известность в Дагестане и Азербайджане. Любовная лирика М. Физули и стихотворения Вагифа, написанные простым и доступным народу языком, отличающиеся разнообразием форм и содержания, в переводе Етим Эмина переходили в Южном Дагестане из уст в уста.

Интересно, что многие рукописи стихов М. Физули, М.П. Вагифа и др. азербайджанских поэтов переписаны в Южном Дагестане, таких селах, как Ахты, Кара-Кюре и др.¹²⁵

Свою поэтическую деятельность Эмин начал еще в юные годы, когда жил в Азербайджане, где познакомился с поэзией ашугов.¹²⁶ Он любил и изучал азербайджанскую поэзию, он специально приезжал в Азербайджан, чтобы лучше познать ее. В это время азербайджанском

городе Шуше существовали поэтические меджлисы, Эмин часто посещал эти меджлисы и с большим интересом слушал стихи, написанные в духе Вагифа. Самые лучшие стихи, прочитанные в меджлисах, расходились в рукописях. Многие стихи Етим Эмина – «Тюнезбан», «Нежная, любимая», «Пусть пригласит меня в гости» и др. написаны в Азербайджане, в г. Шуше.¹²⁷

После возвращения в Дагестан Етим Эмин написал ряд лирических стихов, в которых отчетливо ощущается влияние вагифовской поэзии. В поэтических творениях Вагифа и Етима Эмина много общего. Эмин, как наследник вагифовской поэзии в лезгинской литературе и поэзии, продолжает традиции азербайджанского поэта, учится мастерству Вагифа. Тот факт, что дагестанец Эмин, живший в XIX в., испытывал на себе благотворное влияние поэзии азербайджанца Вагифа, творившего в XVIII в., свидетельствует о том, что поэзия послужила связующим звеном между азербайджанской и дагестанской культурой в лице Етим Эмина.

Етим Эмин имел отношение и к ширванскому поэтическому творчеству, которым длительное время руководил известный поэт-просветитель, учитель великого Сабира, видный сатирик С.А. Ширвани (1835-1888). И этот поэт был тесно связан с Дагестаном. Он долгие годы после смерти отца жил в Южном Дагестане, в селении Яхсай, почти одиннадцать лет. Сейид Азим Ширвани был несколько раз в Касумкенте был лично знаком с Етим Эмином и Гасаном Алкадари¹²⁸.

В первой половине XIX в. в Южном Дагестане был известен литератор, прозаик Темирхан Эмир Али. Его произведения на лезгинском и азербайджанском языках были посвящены тяжелой жизни простых людей. Окончив в Кубе примечетскую школу, он продолжает учебу у Магомеда Ярагского в медресе в селении Юхари Яраг. После окончания он остался преподавать в том же медресе. Темирхан был близко знаком с Бакихановым, Абдуллой Алкадарским. Его перу принадлежат замечательные сатирические стихи, критикующие быт и нрав власть имущих, лентяев, ведущих праздный образ жизни. Так, например, в стихотворении Яхшидыр («Хорошо») он подчеркивает, что богатые люди, ханы, беки, одинаковы, что в Азербайджане, так и Южном Дагестане.

Историческая ценность литературных памятников заключается в том, что они помогают раскрытию сознания народа, его реакции на те или иные социальные и политические явления своей эпохи. «В этом отношении особого внимания заслуживает ряд литературных произведений, созданных во второй половине XVIII в., и рассказывающих о реакции народных масс на происходившие в тот период некоторые крупные

исторические события в Азербайджане и в Южном Дагестане, в частности, междоусобные войны феодалов. Они отражают глубину ненависти к иноземным поработителям и возвышают патриотизм народа в борьбе за независимость и свободу родины. Характерным в первом смысле является «Мухаммес» Ага Месиха Ширвани о событиях, происходивших в Ширване и в Южном Дагестане в 1749 г., когда один из крупных феодалов того времени Ахмед-хан Шихсеван, затеял войну против шемахинского хана Серкера и хотел захватить гор. Шемаху. На помощь шемахинцам прибыл конный отряд лезгин во главе с Курбан-Исмаилом. Автор этого стихотворного произведения крайне отрицательно характеризует Ахмед-хана, и, образно описывая сражение его с шемахинцами, унесшее много человеческих жизней, тем самым убедительно показывает и решительно осуждает междоусобные войны»¹²⁹.

В произведении Шакира Ширвани «События Ширвана и Дагестана» отражено восстание Сам Мирзы II. Автор недружелюбно относится к руководителю восстания самозванцу Сам Мирзе II и к его союзнику Мухаммед-хану Казикумухскому и горцам Самурской долины, принимавшим активное участие в восстании. Еще более враждебно он характеризует жестокие действия карательных отрядов сына Надир-Шаха Насрулла Мирзы, потопивших в крови восстание, учинивших невиданные зверства не только над его участниками, но и над мирными жителями Ахсу и Самурской долины. По словам Д.Ханвея, «Это восстание стоило мирным жителям 15 тыс. жизней. Надир велел построить пирамиду из человеческих голов»¹³⁰. Поэт проявляет свое уважение к доблести и самоотверженности горожан, проявивших храбрость и отвагу и героически погибших во время защиты родного города.

Поэт Наби Хновский в своем «Мухаммесе» воздаст должное уму и храбрости основателя Шекинского ханства Гаджи Челяби, подчеркивая при этом, что хан общие интересы ставил выше личных. Особенно восхваляет дружбу шекинского хана с соседями, феодалами Южного Дагестана, с которыми он имел добрососедские отношения, и в 1752 г., вместе с ними, в Шамхоре разбил войска Ираклия и освободил четверых азербайджанских ханов»¹³¹.

Попытки объединения азербайджанских и южнодагестанских земель в единое государство Фатали-ханом Кубинским получили отражение в произведении Ага Ширвани «Шах Наме». К сожалению, в отличие от азербайджанской литературы изучаемого времени в произведениях лезгинских поэтов встречаются мотивы против политического объединения. В поэме Закарьи Ахтынского «Белэ баур» на азербайджанском языке говорится, что «дружба между азербайджанцами и лезгинами это

святое дело наших предков, но жить должен каждый у себя дома, соблюдая при этом свои обычаи»¹³². Такого же мнения придерживался Гарадаглы Хамид, который родился в Дербенте и затем переехал в Азербайджан в селение Гарадаж. Он, хорошо понимая политическую ситуацию и жизнь горцев, в своих произведениях «Бир дэфа» («Один раз») и др.¹³³ пишет, что дружба между друзьями может посорить друга с другом из-за одного, раз сказанного, слова. В их словах сквозит недоверие к тем, кто выступал за политическое объединение Азербайджана и Южного Дагестана.

Чем больше развивались реалистические тенденции, тем упорнее становилось противодействие реакционной придворной литературы. Поэты Фатали-бек, Гасан-хан Муштаг и др.¹³⁴ в своих стихах воспевали феодальных правителей, их преимущества перед южнодагестанскими народами, высмеивали их традиции, быт, что особенно затрагивало лезгинский народ. Писали они обычно на персидском языке. Стихи этих придворных одописцев не пользовались популярностью в народе.

Значительными поэтами, критикующими придворных лжеписцев и выступающих за дружбу и уважение к дагестанскому народу во второй половине XVIII в., были Ариф Табризи, Ага-Керим, Рейнал Генчайский, Медем-Киши и др.¹³⁵ В своих стихах они выступали с критикой в адрес придворной знати, которая занималась интригами и антинародными делами. В их произведениях значительное место уделено народным восстаниям в ханствах Азербайджана и Южного Дагестана.

Таким образом, мы имеем все основания утверждать, что в XVIII – первой пол. XIX в. из всех сфер духовной культуры народов Азербайджана и Южного Дагестана, как и любого народа, наиболее определяющим народ признаком, безусловно, является его литература, причем, в первую очередь, устное народное творчество и выросшая на его основе письменная литература.

В XVIII – пер. пол. XIX в. в связи с дальнейшим упрочением ислама в Южном Дагестане, по сравнению с предыдущим периодом, намного увеличивается число мусульманских школ – мектебов и медресе. Уже в это время не было ни одного селения без примечетской школы. В резиденциях феодальных владетелей и центрах союзов сельских общин существовало даже по несколько мусульманских школ. Примечетские школы, для открытия которых не требовалось никаких разрешений, содержались в основном за счет средств родителей учащихся или пожертвований верующих и zakата. В этих школах обучали арабской грамоте, заучивали тексты Корана. Лишь незначительная часть учеников, путем упорных трудов и лишений, переходя от одного учителя к другому, изу-

чали восточные языки (арабский, турецкий, персидский), богословие, мусульманское право, философию, историю, географию, астрономию и другие науки. Эти люди – алимь – пользовались большим уважением.

В XVIII в., в Лезгистане, хотя и была завершена основанная на арабской графике аджамская система письма для лезгинского языка, большой популярностью пользовалась азербайджанская письменность.

В домашних школах основной контингент обучающихся составляли мальчики. Обучение Корану признавалось богоугодным делом, хотя, практически, курс чтения этой священной книги мусульман мало кто из девочек проходил до конца.

Годы пребывания учеников в мектебах всецело зависели от их способностей и прилежания. Нередко рядом с детьми 7-8 лет можно было видеть подростков 12-13 лет. Несмотря на то, что подавляющее большинство этих школ низшей ступени давало весьма мало знаний, некоторая часть учащихся оканчивала их успешно. Это часть учеников, подававшая надежды «на арабскую ученость», имела шансы продолжать образование в религиозной школе – медресе. Часто из Южного Дагестана выезжали на учебу в Азербайджан и, наоборот, многие азербайджанцы отправляли своих детей в медресе в села Южного Дагестана.

В Дербенте, а также в отдельных наиболее крупных селениях Южного Дагестана, имелись средние конфессиональные мусульманские школы – медресе. Учащиеся медресе изучали арабский язык, богословие и законоведение, логику, арифметику, историю, медицину, знакомились с литературой на арабском и персидском языках. «В Дербенте, в Шемахе и Баку, - отмечал С. Броневский, - есть школы, в коих преподают уроки арабского и персидского языка по правилам грамматики. Сим ... языком, называемым фарс, говорят только городские жители и грамотные чиновники; общенародный язык есть татарский, разделяемый на многие диалекты. Чтение ал-Корана и толкование онаго вменяется сколько в обязанность ревностного мусульманина, столько же и в похвалу его учености»¹³⁶. Медресе в основном готовили служителей культа, лиц, которые могли занимать должности муллы, кадия и др.

Основываясь на данных камерального описания 1832 г., Е. И. Козубский сообщает следующие сведения о численности учителей и учащихся в Дербенте: «из духовенства 14 чел. обучают более 250 мальчиков, в том числе из бекского сословия – 25, из купеческого – 70, из простого 130 и из духовного 25»¹³⁷. Очевидно, это были сведения об официально функционировавших школах, без учета учащихся, получающих образование на дому. Здесь надо учесть, что в Дербенте обучались и дети, приезжие в основном из Южного Дагестана.

Отдельные выпускники местных медресе, совершенствуя свои знания, становились известными учеными, знатоками арабского языка, астрономии, богословия. Для продолжения учебы они отправлялись в Бухару, Дамаск, Багдад, Каир и другие центры мусульманской образованности, где существовали прославленные школы высшего типа. Там они получали возможность приобщиться к арабо-мусульманской культуре и через нее к культурным достижениям многих других народов мира¹³⁸.

Некоторые лезгины, чтобы получить хорошее образование, также ездили в далекие страны Арабского Востока, но многие совершенствовали свои знания в соседнем Азербайджане, продолжая одновременно изучать и их культуру и язык. Многие ученые, посвятившие себя воспитанию грамотных выпускников медресе и работавшие как в Азербайджане, так и в Южном Дагестане, оставили после себя память в ученом мире. Их имена известны и нашему поколению. Это Абу-Али Рудбари из Сальян, он преподавал в Алкадарском медресе, Шейх Якуб Чархи-Шабранский, Шейх Абдулкерим Кубинский, Садулла Бардал Карабагский, Ибрагим Арешский, Бурхан ад-Дин Агдашский, Абдурагим Шекинский, Мухаммад Эмин и Баба Эфенди Ширванские, Неджеф Али Бакинский, Молла-ага Дербентский и многие др.¹³⁹

Большую роль в развитии культурного взаимовлияния между азербайджанцами и народами Южного Дагестана в первой пол. XIX в. оказали научные труды, написанные Мирзой Али Казем-беком, как, например, «Опыт грамматики арабского языка», который сыграл большую роль в преподавании и изучении грамматики арабского языка в примечетских школах и медресе. Учебные пособия и научные труды Казем-бека переводились на иностранные языки. Наибольшее значение имеют его работы по мусульманству и мусульманскому законоведению. В этой области в то время ему было немного равных и по изданию текстов. «Важнейшими трудами Казем-Бека считаются труды по его ознакомлению христианского мира с законоведением мира магометанского»¹⁴⁰.

Огромная заслуга принадлежит Мирзе Али Казем-беку в издании в 1851 г. на высокопрофессиональном уровне широко известной в научном мире исторической хроники XVII в. «Дербент-Наме». Рукопись «Дербент-Наме», по крайней мере, один из ее списков, задолго до издания ее Казем-беком, была известна многим любителям истории края.

Другим видным ученым, занимавшимся изучением исторических сочинений, известный как в Дагестане, так и в Азербайджане, оставивший нам рукописный труд под названием «Дербент-Наме» был Мирза Хайдар Визиров¹⁴¹. Круг освещаемых автором вопросов был довольно широк. Автор затрагивает вопросы, связанные с основанием Дербента и

т.п. Для нас важны и интересны сведения об этническом составе жителей Дербента и Южного Дагестана, о переселенных сюда разными правителями народов из Азербайджана и Ширвана. Большое значение для нашего исследования имеют работы Г.Алкадари. Его труды «Асари Дагестан» и «Диван ал Мамнун» представляют большую ценность для изучающих историю народов Дагестана и Азербайджана: в них много новых сведений, история родного края для него – это летопись непрерывной, мужественной борьбы горцев и азербайджанцев с иноземными захватчиками.

Другим крупным ученым и общественным деятелем Дагестана и Азербайджана был Аббас Кули Ага Бакиханов, который родился в 1794 г. в табасаранской семье. В 1802 году семья переселилась в Кубу. А. Бакиханов в 1826-1829 гг. участвовал в войнах России с Ираном и Турцией. Он один из организаторов восстания 1837 г. в Кубе, его воззвания к народам Южного Дагестана о поддержке было встречено с воодушевлением. Из Южного Дагестана были организованы добровольческие конные полки, которые участвовали в восстании. Его крупное произведение «Гюлистан-и Ирам» («Райский цветник») представляет обзор истории Восточного Кавказа с древнейших времен до 1813 г. В «Гюлистан-и Ирам» собраны богатые исторические сведения о Кавказской Албании и ее государственности, о господстве сасанидских, арабских, татаро-монгольских завоевателей, показано как тяжело отражалось на развитии Лезгистана и Азербайджана нашествие иноземных завоевателей. Он с возмущением пишет, что грабительские войны между Ираном и Турцией и захват восточно-кавказских земель приводили к опустошению Южного Дагестана и Азербайджана, мешали развитию его культуры.

Большая роль в культурных взаимоотношениях между Южным Дагестаном и Азербайджаном в первой пол. XIX в. принадлежит людям, занимавшимся военным делом, такие, как генерал Исмаил-бек Куткашенский и Балакиши Алибекович Араблинский, происходившие из среды лезгинской феодальной знати. В их произведениях «Рашид-бек» и «Саадат-Ханум» нашли отражение некоторые демократические идеи, новые отношения в семье. Автор критикует бесправное положение лезгинских и азербайджанских женщин, патриархальные устои семейной жизни на Востоке. Их повести и произведения пропагандируют взаимную любовь, дружбу между народами, ярко отражают быт и обычаи лезгиноязычных народов.

Таким образом, приведенный нами материал достаточно красноречиво подтверждает тот факт, что в изучаемое нами время между народами Южного Дагестана и Азербайджана развивались широкие куль-

турные связи, уходящие своими корнями в глубь веков. Этот процесс опирался на богатейшие бытовые и хозяйственные традиции, многообразие духовного наследия, обогащаясь самобытными национальными особенностями народов, населявших изучаемый регион.

¹ Гаджиева С.Ш. Дагестанские азербайджанцы XIX – начало XX вв. М., 1999. С. 111.

² Полевой материал, собранный автором в 2000 г. в азербайджанских районах.

³ Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин XIX – начало XX в. М., 1978. С. 98.

⁴ Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964. С. 32; Ханмагомедов С.О. Лезгинское народное зодчество. М., 1969. С. 23.

⁵ Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 89.

⁶ Полевой материал, собранный автором в 2001г. в Южном Дагестане и Азербайджане.

⁷ Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана 1796 г. // ИГЭД. С. 151.

⁸ История Азербайджана. Баку, 1958. Т. 1. С. 218, 243.

⁹ Любимова Г.Н. и Ханмагомедов С.О. Народная архитектура Южного Дагестана. Табасаранская архитектура. М., 1956. С. 24.

¹⁰ Османов М.О. Жилище – современная культура и быт народов Дагестана. М., 1971. С. 89.

¹¹ Полевой материал, собранный автором в 2001г. в Южном Дагестане и Гусарском районе Азербайджана.

¹² Исаков М.И. Археологические памятники Дагестана. М., 1976. С. 197; Агаширинова С.С. Указ. соч. С. 117.

¹³ Полевой материал, собранный автором в 1999 г. в Курахском районе.

¹⁴ Ханмагомедов С.О. Указ. соч. С. 74.

¹⁵ Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X – XVII вв. как исторический источник. М., 1984. С. 423; Агаширинова С.С. Указ. соч. С. 184.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Неймат М.С. Корпус эпиграфических памятников Азербайджана. XI – XX вв. Баку, 1991. С. 149.

¹⁸ Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники.... С. 418.

¹⁹ Бретаницкий Л.С. Архитектурные школы средневекового Азербайджана // Искусство Азербайджана. Баку, 1949. С. 78.

²⁰ Там же.

²¹ Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники... С. 421 – 422.

²² Неймат М.С. Указ. соч. С. 125.

²³ Сумбатзаде А.С. Азербайджанцы – этногенез и формирование народа. Баку, 1990. С. 193.

²⁴ Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 425.

²⁵ Ханмагомедов С.О. Указ. соч. С. 117; Полевой материал, собранный автором в 2001г. в Южном Дагестане и Азербайджане.

²⁶ Полевой материал, собранный автором в 1999 г. в Северо-Восточном Азербайджане и Дагестане.

²⁷ Джидди Г.А. Средневековый город Шемаха. Баку, 1981. С. 118.

²⁸ Ханмагомедов С.О. Указ. соч. С. 78; Джидди Г.А. Указ. соч. С. 124.

²⁹ Ханмагомедов С.О. Лезгинское народное зодчество. М., 1969. С. 96.

³⁰ История Азербайджана. Баку, 1958. Т. 1. С. 393.

³¹ Саламзаде А.В. Новые материалы по датировке памятников Азербайджана // Изв. Ан Азерб. ССР, 1952. № 5. С. 48.

³² Саламзаде А.В. Указ. соч. С. 50.

³³ Неймат М.С. Указ. соч. С.92.

³⁴ История Азербайджана. Т.1. С. 192.

³⁵ Там же.

³⁶ Неймат М.С. Указ. соч. С. 102.

³⁷ История Азербайджана. Т.1. С. 193.

³⁸ Гольдштейн А. Башни в горах. М., 1977. С. 176.

³⁹ История Азербайджана. Т.1. С. 193.

⁴⁰ Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники... С. 364.

⁴¹ Бретаницкий Л.С., Саламзаде А. Зодчие и мастера архитектурного декора средневекового Азербайджана // Искусство Азербайджана. Баку, 1956. Т. V. С. 50-51 (на азерб. языке).

⁴² Корнилович А.О. Сочинения и письма. М.: Л., 1957. С. 410.

⁴³ Там же. С. 417.

⁴⁴ Каракашлы К.Т. Материальная культура азербайджанцев. Баку, 1978. С. 123.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Сумбатзаде А.С. Сельское хозяйство Азербайджана в XIX в. Баку, 1958. С. 221.

⁴⁷ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 1. С. 327.

⁴⁸ Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин... С. 204.

⁴⁹ Обзорение российских владений за Кавказом. СПб., 1836. Ч. IV. С. 178-179.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Кремский А.А. Выдержки из описания Дагестана и Ширвана, 1806г. // ИГЭД. С. 234.

⁵² Броневский С. Указ. соч. С. 328.

- ⁵³ Гаджиева С.Ш. Кумыки. М., 1961. С. 224; Агаширинова С.С. Указ. соч. С. 207.
- ⁵⁴ Каракашлы К.Т. Указ. соч. С. 150.
- ⁵⁵ Сухарева О.А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии // Труды института этнографии. М., 1964. Т. XXI. С. 312.
- ⁵⁶ История Азербайджана. Т.1. С. 240; Гаджиева С.Ш. Дагестанские азербайджанцы... С. 141.
- ⁵⁷ Гулиев Г.А. Азербайджанские вышивки // С.Э., 1959. № 2. С. 113.
- ⁵⁸ Каракашлы К.Т. Указ. соч. С. 177.
- ⁵⁹ Полевой материал, собранный автором в 1999 г. в Азербайджане и Южном Дагестане.
- ⁶⁰ Система питания народов Дагестана (XIX – XX вв.). Сб. статей. Махачкала, 1990. С. 83.
- ⁶¹ Полевой материал, собранный автором в 2001 г. в Азербайджане и Южном Дагестане.
- ⁶² Кильчевская Э.В. От изобразительности к орнаменту. М., 1968. С. 21.
- ⁶³ Задгенидзе Я. Город Шуша. Производство ковров и паласов. СПб., 1891. С. 21.
- ⁶⁴ Каракашлы К.Т. Указ. соч. С. 201.
- ⁶⁵ Козубский Е.И. Дагестанский сборник. Темир-хан-Шура, 1902. Т. 1. С. 92-93.
- ⁶⁶ История Азербайджана. Т. 1. С. 314.
- ⁶⁷ Задгенидзе Я. Указ. соч. С. 49.
- ⁶⁸ Буриков Ю.Ф. Коллекция художественных бронзовых изделий Лигича. М., 1972. С. 84.
- ⁶⁹ Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 182.
- ⁷⁰ Каракашлы К.Т. О пережитках древнего института взаимопомощи в Азербайджане // Изв. АН Аз. ССР, 1958. № 2. С. 48.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Кильчевская Э.В., Иванов А.С. Художественные промыслы Дагестана. М., 1959. С. 54.
- ⁷³ Студенецкая Е.Н. Архивные документы как источник изучения материальной культуры народов Северного Кавказа // Хозяйство и материальная культура народов Кавказа XIX в. М., 1971. С. 91.
- ⁷⁴ Гулиев Г.А. О пахотных орудиях и системах земледелия в Азербайджане. Баку, 1965. С. 9-10.
- ⁷⁵ Гаджиева С.Ш. Дагестанские азербайджанцы. XIX – начало XX вв. М., 1999. С. 70.
- ⁷⁶ Агаширинова С.С. Указ. соч. С. 53.
- ⁷⁷ Полевой материал, собранный автором в 1998 г. в Азербайджане.
- ⁷⁸ Азербайджанские народные сказки. Баку, 1965. С. 127.

- ⁷⁹ Набиев А.З. Взаимосвязи азербайджанского и узбекского фольклора. Баку, 1986. С. 123.
- ⁸⁰ Олсари А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно // Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII-XVIII вв. Махачкала, 1922. С.76-132.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Гашаров Г. Лезгинская ашугская поэзия и литература: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1969. С. 3.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Гаджиева С.Ш. Дагестанские азербайджанцы... С. 201.
- ⁸⁵ Магомедов Р.М., Дзагурова В.П. К истории земледелия в Дагестане. Махачкала, 1969. С. 19.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ Полевой материал, собранный автором в 1998 г. в Южном Дагестане.
- ⁸⁸ См.: Азербайджанцы // Народы Кавказа. М., 1962. Т. II. С. 142.
- ⁸⁹ Аликишиев Р.Ш. Очерки по истории здравоохранения в Дагестане. Махачкала, 1958. С. 20.
- ⁹⁰ Цит. по книге Гаджиевой С.Ш. Дагестанские азербайджанцы... С. 319.
- ⁹¹ Полевой материал, собранный автором в 2000 г. в Азербайджане.
- ⁹² Гаджиева С.Ш. Терекмейцы... С. 206.
- ⁹³ Гаджиева С.Ш. Дагестанские азербайджанцы... С. 320.
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ Полевой материал, собранный автором в 2001 г. в Южном Дагестане
- ⁹⁶ Аликишиев Р.Ш. Указ. соч. С. 48.
- ⁹⁷ Народы Грузинской ССР // Народы Кавказа. М., 1962. Т. II. С. 326.
- ⁹⁸ Бромлей Ю.В., Воронов А.А. Народная медицина как предмет этнографических исследований // С.Э. 1976. № 5. С. 11.
- ⁹⁹ Соколов А. Очерк западного берега Каспийского моря // Кавказ, 1848. № 1. С. 87.
- ¹⁰⁰ Гусейнов Г.К. Лики современного знахарства. Махачкала, 1985. С. 16.
- ¹⁰¹ Гаджиева С.Ш. Дагестанские азербайджанцы... С. 325.
- ¹⁰² Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С. 289.
- ¹⁰³ Ярахмедов М. Азербайджанско-лезгинские литературные связи в XVII-XIX вв.: Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. Баку, 1969. С. 18.
- ¹⁰⁴ Ярахмедов М. Указ. соч. С. 19; Гаджиев М. Литературная хрестоматия для 5 классов (на лезг. яз.). Махачкала, 1948. С. 127.
- ¹⁰⁵ Назаревич А. Азербайджанско-дагестанские культурно-исторические связи в фольклоре и поэзии Дагестана // Уч. записки АГУ им. Кирова, 1956. № 4. С. 98.
- ¹⁰⁶ История Азербайджана. Т. 1. С. 383.
- ¹⁰⁷ Там же, с. 384.

- ¹⁰⁸ Али-Заде А. Некоторые сведения о Ширване // Изв. АН Аз. ССР. 1967. №12. С. 38-39.
- ¹⁰⁹ Араслы Г. История азербайджанской литературы. XVIII-XIX вв. Баку, 1968. С. 126-127.
- ¹¹⁰ Там же.
- ¹¹¹ Там же. С. 108.
- ¹¹² Ярахмедов М.Д. Азербайджано-дагестанские литературные связи. Баку, 1985, с. 142 (на азерб. языке).
- ¹¹³ Тахмасибин М.Х. Каталог рукописного фонда Академии наук Азербайджана. Баку, 1970. Ф.302. Д.17. Л.л. 42-43.
- ¹¹⁴ Ярахмедов М. Указ. соч. С. 143.
- ¹¹⁵ Шукюрзаде Э.Б. Из эпохи Вагифа «Ингалаб ве меденийм» Баку, 1986. С. 15 (на азерб. языке).
- ¹¹⁶ Мусаев К. Путем сближения и единства. Баку, 1986. С. 15.
- ¹¹⁷ Там же.
- ¹¹⁸ История Азербайджана. Т. 1. С. 388.
- ¹¹⁹ Гашаров Г. Лезгинская ашугская поэзия и литература. Махачкала, 1975. С. 43.
- ¹²⁰ Там же.
- ¹²¹ История Азербайджана. Т. 1. Баку, 1958. С. 388.
- ¹²² Ярахмедов М. Указ. соч. С. 144.
- ¹²³ Ярахмедов М. Азербайджанская поэзия и Етим Эмин. Баку, 1992. С. 11.
- ¹²⁴ Р.И. Гайдаров. Введение в эминоведение. Махачкала, 2001. С. 44.
- ¹²⁵ Ярахмедов М. Азербайджаноязычное творчество Етим Эмина // Изв. АН Аз. ССР. Баку 1971. № 2. С. 107.
- ¹²⁶ Там же.
- ¹²⁷ Там же.
- ¹²⁸ Гайдаров Р.И. Указ. соч. С. 67.
- ¹²⁹ Сумбатзаде А.С. Азербайджанцы – этногенез и формирование народа. Баку, 1990. С. 273.
- ¹³⁰ Там же.
- ¹³¹ Данзик Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973. С. 157.
- ¹³² Ярахмедов М. Азербайджанские и дагестанские поэты и писатели Баку 1985. С. 134-135; Данзик Б.М. Указ. соч. С. 107.
- ¹³³ Там же.
- ¹³⁴ Гаджиев Г.И. История азербайджанского литературного языка. Баку, 1976. С. 204 (на азерб. языке).
- ¹³⁵ Там же.
- ¹³⁶ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. II. С. 459.
- ¹³⁷ Козубский Е.И. История города Дербента... С. 186.

- ¹³⁸ Абдулаев М.А. Мыслители Дагестана XIX – нач. XX в. Махачкала, 1963. С. 9.
- ¹³⁹ Абдулаев М.А. Указ. соч. С. 89; Джидди Г.А. Средневековый город Шемаха. Баку, 1981. С. 49-50; Ризванов З.Р., Ризванов Р.З. История лезгин. Махачкала, 1990. С. 26.
- ¹⁴⁰ Джанизаде Д. К вопросу о деятельности Казем-бека. Баку, 1968. С. 106.
- ¹⁴¹ Гаджиев В.Г. Дербент-наме Мирзы Хайдара Визирова // Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Махачкала, 1975. Т. II. С. 284-185.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**



instituteofhistory.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ приведенного в работе материала позволяет нам определить, что из себя представляли в рассматриваемое время Азербайджан и Южный Дагестан. Главным является, на наш взгляд, то, что в XVIII веке Южный Дагестан представлял из себя не только регион с развитой экономикой, но он имел определенное политическое и военно-стратегическое значение: ему отводилось большое место во внешнеполитических планах Ирана, Турции и России, стремившихся утвердить свое господство на Кавказе.

Имеющийся в распоряжении исследователей материал свидетельствует о том, что внутреннее положение Южного Дагестана и Азербайджана, которое в начале XVIII в. все еще оставалось в зависимости от иранских шахов, было сложным. Население было задавлено шахскими налогами. Только вывод из-под власти шахов, вследствие их ослабления в XVIII в., способствовал оживлению экономической жизни в ханствах как Азербайджана, так и Южного Дагестана. Владения Южного Дагестана отличались этнической пестротой. В них проживали: лезгины, табасаранцы, горские евреи, таты, персы. Социальное расслоение было четким, соответствовало феодальной эпохе. Полнотой власти пользовались хан, майсум, кадий, которым подчинялись беки, юзбашы, кетхуды и т.д. К феодальному сословию примыкало и высшее духовенство – шейх-уль ислам, кадии, которые нередко вмешивались даже в светские дела. Зависимое население состояло из крестьян, ранджбаров, райтов и рабов. В зависимом положении в Южном Дагестане и Азербайджане находились в рассматриваемое также время мелкие ремесленники, подмастерья, мелкие торговцы и т.д.

В политической жизни народов региона изучаемого периода следует особо отметить, что все усилия азербайджанских, так и южнодагестанских владетелей были направлены на бескомпромиссную борьбу за выход из-под власти шахского Ирана, на четкое отмежевание от султанской Турции и неизменную верность союзу с Россией.

С уходом из региона иранских войск, создалась благоприятная обстановка для присоединения Восточного Кавказа к России, тем более, что феодальные владетели Дагестана и Азербайджана неоднократно обращались к России с письмами, в которых просили принять их в подданство.

Период с 70-80-х гг. XVIII в. по 1813 г. явился решающим и завершающим этапом в борьбе соперничавших держав за обладание Дагестаном, в частности, Южным и Азербайджаном. Определенную роль в

судьбах региона сыграли Иран и Турция, используя в борьбе против России методы подкупа, угроз, обещаний. При этом широко эксплуатировался религиозный фактор. При поддержке сепаратистски настроенных феодалов в лице Шихали-хана и др., играя на религиозных чувствах горцев, Ирану и Турции иногда удавалось спровоцировать антироссийские выступления в регионе. Реваншистские настроения Турции и Ирана на Северо-Восточном Кавказе находили активную поддержку у Англии и Франции, соперничавших с Россией за влияние и господство на Ближнем и Среднем Востоке, которые оказывали им финансовую помощь, а также посылали опытных военных специалистов для реорганизации османской и персидской армий.

Фактический материал красноречиво свидетельствует о том, что дагестанские и азербайджанские народы никогда не следовали слепо призывам восточных держав. Но им, находясь в эпицентре пересечения интересов великих держав, приходилось придерживаться политики лавирования, пытаясь заручиться поддержкой то одной стороны, то другой, преследуя при этом свои интересы.

Основными событиями, определявшими характер южнодагестанских и азербайджанских взаимоотношений в изучаемый период, стали войны России с Портой и Персией (1787-1791, 1804-1813 гг.). Эти войны и показали военно-стратегическую значимость Южного Дагестана в борьбе соперничавших держав за Северо-Восточный Кавказ и Закавказье. Антироссийские выступления Шихали-хана по сути дела были составной частью русско-иранской войны 1804-1813 гг. Борьба Шихали-хана против России с самого начала была обречена на провал. И не только потому, что силы были неравны, но и потому, что его недалекая политика не получила поддержки народных масс, пророссийские настроения в регионе были определяющими.

Анализ социально-экономического развития народов Южного Дагестана и Северного Азербайджана в XVIII – первой половине XIX в. показывает, что социально-экономические условия жизни предполагали установление тесных торговых связей обеих сторон. Наличие наезженных торговых путей и центров торговли открывало широкий простор для осуществления взаимовыгодной торговли между Южным Дагестаном и Северным Азербайджаном, хотя феодальная раздробленность и высокие торговые пошлины в значительной мере тормозили этот процесс.

Путь из Южного Дагестана, в частности из Дербента, в Северный Азербайджан функционировал постоянно. Ширван – один из благоприятных для занятий торговлей регионов Северного Азербайджана, эко-

номически достаточно развитой и мог выставить в торговый обмен весьма ценную продукцию земледелия (рис, марену, шелк) и животноводства.

Жители Южного Дагестана привозили в Азербайджан, главным образом, продукцию животноводства – шерсть, кожу, мясо, сыр, а также изделия домашних промыслов – ковры, сукно, войлок, бурки, оружие, гончарную посуду. В обмен же приобретали зерно, пряности, соль, шелк, парчу, атлас, драгоценные камни Востока, нефть и всевозможные ремесленные изделия.

В свою очередь, торговые люди Северного Азербайджана со всевозможными изделиями собственного производства и транзитными товарами из восточных стран часто посещали с торговыми целями Южный Дагестан. Среди их товаров источники перечисляют: шелк-сырец, шелковые ткани и одежду, ковры (ширванские), бархат и тафту.

Из источников известно, что на территории Азербайджана были созданы постоянно действующие караван-сарай для дагестанских торговых людей. Азербайджанские и дагестанские торговцы вступали в деловые контакты, торговали между собой, а нередко и совместно участвовали в транзитной торговле.

Экономически Южный Дагестан всегда тяготел к Северному Азербайджану. Такие районы как Рутул и Ахты испытывали большую нужду в ширванском хлебе. Они приобретали его, обменивая овец и в целом продукцию животноводства в населенных пунктах Северного Азербайджана. Эти связи были жизненно важны и для азербайджанцев, поэтому между жителями Южного Дагестана и Северного Азербайджана издревле существовали тесные экономические контакты на взаимовыгодных условиях. Так, жители сел. Мискинджа и Ахты пасли свой скот на зимних пастбищах Кубинской и Ширванской провинций.

Условия торговли в регионе в XVIII – первой половине XIX в. были осложнены тем обстоятельством, что здесь не существовало единой денежной системы. Многие феодальные владения чеканили свою монету. Стоимость денег не раз менялась на протяжении рассматриваемого периода.

В XIX в. торговля и торговые взаимосвязи в регионе приобрели новые формы и более стойкий характер. Отдельные чиновники, местные жители, феодалы были активными компаньонами купцов во внутренней оптовой и во внешней торговле. Нередко купцы как дагестанские, так и азербайджанские выступали в качестве подставных лиц ханов и др. феодалов, ведя торговлю на их деньги. Часто дербентские и ширванские купцы вместе участвовали в транзитной торговле с Россией.

В 40-х гг. XIX в. торговый обмен между Северным Азербайджаном и Южным Дагестаном был настолько интенсивным, что в него было втянуто до 15 тыс. горцев. Возрос и грузопоток в обе стороны.

Как видно из приведенных нами данных, Южный Дагестан и Северный Азербайджан поддерживали взаимовыгодные торговые-экономические контакты, помогавшие их народам решать многие хозяйственно-бытовые проблемы, оказывая положительное влияние на развитие экономики обеих сторон, способствуя укреплению добрососедских отношений.

В ходе развития экономических отношений между народами Южного Дагестана и Северного Азербайджана завязывались и развивались культурные взаимосвязи, которые в XVIII – первой половине XIX в. прослеживаются во всех областях материальной и духовной жизни: в науке и образовании, строительном деле и ремесле, в архитектуре и интерьере жилищ, в одежде и украшениях, в способах приготовления блюд, в устном народном творчестве, в песнях и танцах и т.д.

Азербайджан являлся как бы связующим звеном между странами Востока и Дагестаном. Благодаря тесному общению с Азербайджаном, народы Южного Дагестана имели возможность знакомиться с лучшими традициями азербайджанской и восточной культуры, науки, математики, астрономии, медицины, литературы и т.д. Дагестанские ученые не только совершенствовали свои знания в азербайджанских центрах культуры и науки (Шемаха, Гянжа, Баку), но и были преподавателями медресе во многих городах Азербайджана.

В XVII – XVIII вв. стали пользоваться известностью Ахтынское и Шиназское медресе. Мутаалимы и алимы из Азербайджана приезжали в Ахтынское медресе обучаться астрономии, математике и др. наукам.

Большое значение в развитии дагестано-азербайджанских культурных связей имело широкое распространение в Дагестане в XVII – XVIII вв. азербайджанского языка, который становится общепринятым языком общения в регионе, в большей степени получивший применение на сопредельных территориях Северного Азербайджана и Южного Дагестана. Мужское население Южного Дагестана почти все владело азербайджанским языком, которым оно пользовалось в период отходничества на сезонные работы в Азербайджан. Для поэтов Южного Дагестана он был выходом, позволяющим излить свои душевные переживания и творческую энергию в условиях отсутствия письменности на родном языке. И хотя отсутствие собственной письменности в определенной мере тормозило становление и развитие местных языков и поэзии, однако пользование азербайджанским языком становилось своего рода

формой и средством расширения литературных связей и по-своему способствовало развитию и обогащению духовной культуры народов Южного Дагестана.

О культурных связях народов Южного Дагестана и Азербайджана свидетельствуют и фольклорные материалы. Народные поэты и певцы-ашуги в своих импровизациях обращались к богатому устному народному творчеству. Наиболее близкие по содержанию и полюбившиеся фольклорные произведения и произведения азербайджанской поэзии имели широкое хождение у дагестанцев.

Только в процессе векового добрососедского общения в устном народном творчестве как дагестанцев, так и азербайджанцев смогли получить широкое развитие идеи дружбы и добрососедских отношений, идеи борьбы против феодального гнета, отсталости и невежества, осознанной необходимости совместной борьбы против иноземных завоевателей.

Творчество ашугов Табасарана также тесно связано с творчеством азербайджанских ашугов. Характерные для азербайджанских ашугов технические приемы исполнения песен, художественные образы оказывали положительное воздействие на творчество табасаранских ашугов. Существовала и исполнялась ашугская поэзия на двух языках – азербайджанском и табасаранском.

Расширению и развитию азербайджано-дагестанских экономических и культурных связей способствовало одно важное обстоятельство – на территории Азербайджана в приграничных с Южным Дагестаном районах развивались старые и возникали новые селения со смешанным азербайджанским и дагестанским этническим составом населения. Характерно то обстоятельство, что совместные поселения возникали на территории, представляющей большой интерес для обеих сторон в экономическом и торговом отношениях. Этот процесс особенно наглядно прослеживается в Закаталах.

На существование в прошлом культурных взаимоотношений народов Южного Дагестана и Азербайджана указывают сходные типы их жилищ, отопительных систем, одежды, обуви и т.п.

На протяжении многих веков народы Южного Дагестана и Азербайджана создавали многообразную по форме национальную музыкальную культуру. Общее в этой области прослеживается как в инструментарии, так и в мелодиях дагестанцев и азербайджанцев. Лезгинские, табасаранские ашуги, как и ашуги Азербайджана исполняли и исполняют сегодня под аккомпанимент саза. Тар, нагара, зурна, каманча были и остаются характерными инструментами музыкантов Азербайджана и Дагестана.

Культурные связи южнодагестанского населения с азербайджанским отразились также в фольклоре – сказаниях, легендах, пословицах, поговорках.

Вышеприведенный материал дает нам право заключить, что исторические судьбы народов Южного Дагестана и Северного Азербайджана в большинстве случаев определялась одними и теми же политическими событиями, а экономические контакты издавна носили регулярный характер, были взаимовыгодными, играя важную роль в их жизни. Культурные взаимоотношения народов Южного Дагестана и Азербайджана прослеживаются с древнейших времен до наших дней, имеют глубокие корни и богатейшие традиции, о чем свидетельствуют многочисленные памятники материальной и духовной культуры. Общность экономических интересов и культурных традиций, близкое соседство стимулировали укрепление и расширение разносторонних взаимовыгодных контактов в XVIII – первой половине XIX в.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ЦН РАН**



instituteofhistory.ru

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Документы центральных и местных архивов

а) Архивные материалы

АВПРИ Архив внешней политики Российской Империи

- 1.1. Ф.77. Сношения России с Персией.
1719 г. – Д.5; 1722 г. – Д.1, Д.2, Д.3, Д.16, Д.17;
1723 г. – Д.1.; 1727 г. – Д.3.; 1728 г. – Д.1; 1728–1803. Д.4;
1729 г. – Д.1; 1736 г. – Д.8; 1741 г. – Д.4,7,12; 1742 г. – Д.10;
1743 г. – Д.4; 1765–1797 гг. – Д.2,13,14,15,16;
1797–1800 гг. – Д.489.
- 1.2. Ф.89. Сношения России с Турцией.
1826 г. – Д.4; 1729 г. – Д.6. Ч.2.

РГАДА Российский государственный архив древних актов

- 1.3. Ф.9. Кабинет Петра I. –Отд.1. Кн.30;
Отд.2. – Кн.54; Ф.1261. Оп.6. Д.954.
- 1.4. Ф.Государственный архив –Ф.19. –Д.286.

РГВИА Российский государственный военно-исторический архив

- 1.5. Ф.52 Потемкин-Таврический Г.И., князь, ген.-фельдмаршал. –
Оп.1/194. Д.366. Ч.4; Д.416. Ч.1-2; Д.481; Д.482; Д.331. Ч.4; Д.402;
Д.286. Ч.1.; Ч.2.
- 1.6. Ф.ВУА. Д.1672; Д.18474. Ч.2; Д.18486; Д.6164; Д.6172.
- ЦГАРГ** Центральный государственный архив Республики Грузия
- 1.7. Ф.2. Оп.1. Д.189.
- ЦГАРД** Центральный государственный архив Республики Дагестан
- 1.8. Ф.18. Дербентский комендант. Оп.1. Д.31; Д.37; Д.83а; Д.147;
Д.173; Д.189; Д.214; Д.4618.
- 1.12. Ф.20. Дербентский карантинно-таможенный пост Дагестан-
ской области (1810-1919 гг.). Оп.1. Д.4; Д.5; Д.15, Д.16; Оп.2. Д.36.
- 1.9. Ф.354. Оп.1. Д.11; Д.15; Д.16.
- 1.10. Ф.379. Кизлярский комендант. Оп.1. Д.5; Д.2153; Д.2584;
Д.2922; Д.2929; Д.2948; Д.2957; Д.2960; Д.3028; Д.3055; Д.3056; Д.3064;
Д.3111; Д.3132; Д.3137; Д.3139. Ч.3; Д.3156; Д.3201; Д.3205; Д.3211;
Д.3219; Д.3374; Д.3441; Д.3908; Д.3952; Д.3933; Д.3949; Д.3808; Д.4078;
Д.4192; Д.4462.

б) Материалы Рукописного фонда Института ИАЭ ДНЦ РАН

- 1.11. Городецкий Б.М. Европейские путешественники XIII – XVIII
вв. по Дагестану. 1935 г. –Ф.1. Оп.1. Д.1.

1.12. Документы по русско-дагестанским отношениям. –Ф.1. Оп.1.
Д.434, 436, 438, 453, 457.

1.13. Копии документов из АВПРИ. Ф. Сношения России с Персией,
извлеченные В.Г.Гаджиевым. –Ф.1. Оп.1. Д.560.

1.14. Копии документов из ГАФКЭ, относящиеся к истории Даге-
стана I пол. XVIII в. –Ф.1. Оп.1. –Д.59.

1.15. Копии документов из РГВИА по истории Дагестана XVIII
в. –Ф.1. Оп.1. Д.61.

1.16. Магомедов Н.А. Административно-политическое устройство
Дербентского владения в XVIII – начале XIX вв. –Махачкала, 1989. –
Ф.3. Оп.1. Д.509.

1.17. Магомедов Н.А. Взаимоотношения Дербентского ханства с
Россией во второй половине XVIII – начале XIX вв. –Махачкала, 1983. –
Ф.3. Оп.1. Д.414.

1.18. Магомедов Н.А. Дагестан и Ширван в XIX в. –Махачкала,
1995. –Ф.3. Оп.1. Д.606.

1.19. Магомедов Н.А. Занятия населения Дербентского владения во
второй половине XVIII – начале XIX вв. –Махачкала, 1985. –Ф.3. Оп.1.
Д.440.

1.20. Магомедов Н.А. Купечество Дербента и его торговые связи в
XIX в. –Махачкала, 1996. –Ф.3. Оп.1. Д.635.

1.21. Магомедов Н.А. Кустарно-ремесленное производство Дербен-
та в XIX в. –Махачкала, 1984. –Ф.3. Оп.1. Д.432.

1.22. Магомедов Н.А. Налогово-финансовая система Южного Даге-
стана во второй половине XVIII – нач. XIX в. –Махачкала, 1990. –Ф.3.
Оп.1. Д.582.

1.23. Магомедов Н.А. Образование Дербентского ханства и его
внешнеполитическое положение во II половине XVIII в. –Махачкала,
1981. –Ф.3. Оп.1. Д.370.

1.24. Магомедов Н.А. Освободительная борьба народов Южного
Дагестана в первой трети XVIII в. –Махачкала, 1988. –Ф.3. Оп.1. Д.505.

1.25. Магомедов Н.А. Процесс отрыва Закавказья от Ирана и обра-
зование Южнодагестанских государственных объединений. –
Махачкала, 1990. –Ф.3. Оп.1. Д.550.

1.26. Магомедов Н.А. Развитие ремесленного производства в Дер-
бентском ханстве в первой половине XVIII в. –Махачкала, 1978. Ф.3.
Оп.1. Д.307.

1.27. Магомедов Н.А. Развитие торговли в Дербентском ханстве в
первой половине XVIII в. –Махачкала, 1977. –Ф.3. Оп.1. Д.358.

1.28. Магомедов Н.А. Социально-политическое положение Дербентского ханства на рубеже XVII – XVIII вв. –Махачкала, 1976. –Ф.3. Оп.1. Д.359.

1.29. Магомедов Н.А. Социально-экономическое положение Дербентского ханства во второй половине XVIII в. –Махачкала, 1980. –Ф.3. Оп.1. Д.350.

1.30. Магомедов Н.А. Торгово-экономические связи Дагестана с Азербайджаном в XVIII – нач. XX в. –Махачкала, 1991. –Ф.3. Оп.1. Д.529.

1.31. Магомедов Н.А. Финансы Дербентского владения в I половине XVIII в. –Махачкала, 1979. –Ф.3. Оп.1. Д.331.

1.32. Магомедов Н.А. Формы феодальной зависимости и эксплуатации в Дербентском владении в XVIII – первой половине XIX в. –Махачкала, 1987. –Ф.3. Оп.1. Д.492.

1.33. Материалы Астраханского архива –Ф.1. Оп.1. Д.590.

1.34. Материалы по истории Дагестана XVII – XIX вв. –Ф.1. Оп.1. Д.291.

1.35. Микрофильмы архивных документов, извлеченных В.Г. Гаджиевым из АВПР Министерства иностранных дел России. –Ф. Сношения России с Персией. 1790 г. –Ф.6. Оп.1. Д.52.

1.36. Русско-дагестанские отношения в XVIII – нач. XIX вв.: Сб. документов. –Ф.3. Оп.1. Д.278.

1.37. Шихсаидова Р.С. Взаимоотношения Дагестана с Азербайджаном в XVII – нач. XIX вв. –Махачкала, 1971. –Ф.3. Оп.1. Д.239.

1.38. Шихсаидова Р.С. Дагестано-азербайджанские взаимоотношения в XVII в. –Махачкала, 1969. –Ф.3. Оп.1. Д.191.

в) Материалы РФ АН Азербайджана

1.39. Тахмасибин М.Х. Каталы рукописного фонда АН Азербайджана. –Баку, 1970. –Ф.3023. Д.17.

г) Опубликованные документы и материалы

1.40. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. –Тифлис: Тип. главн. упр. наместн. Кавказа, 1866-1904. –Т.1-12.

1.41. Армяно-русские отношения в XVII в.: Сб. док-ов под ред. В.А. Парсамяна. –Ереван: Изд-во АН Арм.ССР, 1953. –Т.1.

1.42. Архив Государственного совета. –СПб.: Тип. II отделения собственной е.и.в. канцелярии, 1869. –Т.1. (1768-1796). –1031с.

1.43. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского главного архива Мин-ва иностранных дел. 1578-1613. –М.: Универс. тип., 1899. –Т.1. –584с.

1.44. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. –М.: Тип. С.Селивановского, 1823. –Ч.1. –362с.

1.45. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. –СПб.: Тип. имп. АН, 1869. –Ч.1. –548с.; Ч.2. –602с.; Ч.3. –620с.

1.46. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. –СПб.: Б.м., 1891. –Т.1. (1766-1774гг.). –518с.

1.47. Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII – XVIII вв. / Сост. В.Г.Гаджиев. –Махачкала: Дагкнигоиздат, 1992. –301с.

1.48. Договора России с Востоком, политические и торговые / Сост. Т.Д. Юзефович. –СПб.: Тип. Бакста, 1869. –234с.

1.49. История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв.: Архивн. мат. / Под ред. М.О.Косвена и Х.-М.Хашаева. –М.: Изд-во Вост. лит-ры, 1958. –371с.

1.50. Материалы по истории Грузии и Кавказа. –Тифлис: Изд. Груз. фил. АН СССР, 1938. –Вып.4. –123с.

1.51. Письма и бумаги императора Петра Великого. –М.: Изд-во АН СССР, 1962. –606с.

1.52. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое с 1646 по 12 декабря 1825 г. –СПб.: Тип. II отд. собственной е.и.в. канц-ии, 1830. –Т.V. –780с.; Т.VI. –815с.; Т.VII. –952с.; Т.VIII. –526с.

1.53. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв.: Док. и мат. / Сост. Р.Г.Маршаев. –Махачкала: Дагкнигоиздат, 1958. –336с.

1.54. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сб. док. / Сост. В.Г.Гаджиев, Д.-М.С.Габиев, Н.А.Магомедов и др. –М.: Наука, 1988. –357с.

1.55. Русско-индийские отношения в XVII в.: Сб. документов. –М.: Изд-во восточн. лит-ры, 1958. –455с.

1.56. Сборник императорского русского исторического общества. –СПб.: Тип. Имп. АН, 1830. –Т.3. –378с.

1.57. Сборник статистических сведений о Кавказе. Тифлис, 1869. Вып.1.

1.58. Тарихи Дербент-наме / Пер. и под ред. М.Алиханова-Аварского. –Тифлис: Тип. Я.И.Либермана, 1898. –192с.

1.59. Тер-Аветисян С. Материалы по истории торговых отношений джувльфинских купцов в XVII – XVIII в. –Тбилиси, 1937. –86с.

1.60. Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. –М.: Наука, 1993. –298с.

2. Книги

- 2.1. Абдуллаев Г.Б. Азербайджан XVIII в. и взаимоотношения с Россией. –Баку: Изд-во АН Аз.ССР, 1965. –621с.
- 2.2. Абдуллаев Г.Б. Из истории Северо-Восточного Азербайджана в 60-80-х гг. XVIII в. -Изд-во АН АзССР. -Баку, 1958. –211с., ил.
- 2.3. Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией. –Баку, 1965. –621с.
- 2.4. Абдуллаев М.А. Мыслители Дагестана XIX – нач. XX в. – Махачкала, 1963.
- 2.5. Абдурахманов А.Г. Азербайджан во взаимоотношениях России и Турции и Ирана в первой половине XVIII в. –Баку, 1964. -207с.
- 2.6. Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин XIX - нач. XX вв. -М., 1978. -304с.
- 2.7. Азербайджанские народные сказки. –Баку, 1965.
- 2.8. Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Из истории средневекового Дагестана. -Махачкала, 1970. -235с.
- 2.9. Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX в. (Историческая география Южного Дагестана). –Махачкала, 2001. Кн.II. –321с.
- 2.10. Алиев И.Г. О первых племенных союзах на территории Азербайджана. –Баку, 1959.
- 2.11. Алиев Ф.М. Азербайджано-русские отношения. –Баку: Элм, 1988. -142с.
- 2.12. Алиев Ф.М. Города Северного Азербайджана во второй половине XVIII в. -Баку, 1990. -С.173.
- 2.13. Алиев Ф.М. Миссия посланника Русского государства А.П. Вольнского в Азербайджане (1716 – 1718 гг.). –Баку: Элм, 1979. -С.121.
- 2.14. Аликишиев Р.Ш. Очерки по истории здравоохранения в Дагестане. –Махачкала, 1958.
- 2.15. Алимova Б.М. Табасаранцы. XIX – нач. XX вв.: Историко-этнографическое исследование. –Махачкала, 1992.
- 2.16. Алкадари Г.-Э. Асари Дагестан (исторические сведения о Дагестане). Пер. и примеч. А.Г.Гасанова. -Махачкала, 1929. -184с.
- 2.17. Амиров З.Я., Джафаров Н.С. Таможенные службы России в Дагестане XVIII – XX вв. -М.: Изд-во ЦПП, 1996. –160с.

2.18. Араслы Г. История азербайджанской литературы. XVIII-XIX вв. –Баку, 1968.

2.19. Арунова М.Р., Ашрафян К.З. Государство Надир-шаха Афшара. Очерки общественных отношений в Иране в 30-40 гг. XVIII в. - М.: Изд-во восточ. лит-ры, 1956. –283с.

2.20. Арутюнян П.Т. Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII в. -М., 1954. -249с.

2.21. Асадов Ф.С. История Талышского ханства и его связь с Россией. -Баку, 1966. -138с.

2.22. Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XV – XVII вв. –Грозный: Чеч.-Инг. книжн. изд-во, 1988. –175с.

2.23. Ашурбейли С. Очерки истории средневекового Баку. -Баку, 1964. -С.311.

2.24. Ашурбейли С.Б. Экономические и культурные связи Азербайджана с Индией в средние века. –Баку: Элм, 1990. –151с.

2.25. Бакиханов А.-К. Гюлистан-и-Ирам / Ред., коммент., прим. и указан. акад. З.М. Буниятова. –Баку: Элм, 1991. -305с.

2.26. Бакунин Ф.А. Очерк внешней торговли Азербайджана. СПб., 1876.

2.27. Балее М. Историко-статистический очерк виноделия России. -СПб, 1947. -117с.

2.28. Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. –Баку, 1925. -150с.

2.29. Баскаков Н.А. Тюркский язык. –М., 1960.

2.30. Бель Д. Белевы путешествия через Россию в разные Азиатские земли, а именно: Испагань, в Пекин, в Дербент и Константинополь / Пер. с франц. М. Попова. –СПб.: Тип. при Имп. АН, 1776. -Ч.1. -251с.

2.31. Беляев Е.А. Арабы, ислам и Арабский халифат в раннем средневековье. –2-е изд. -М., 1966. -280с., карт.

2.32. Березин Н.И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. –2-е изд. -Казань: Унив., 1850. –Ч.1-3. -120-134-128с.

2.33. Березин Н.И. Путешествие по Северной Персии. -Казань, 1852. -247с.

2.34. Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения. В двух т. М., 1981. Т.1.

2.35. Биберштейн М. Описание провинций, расположенных на левом берегу Каспийского моря между реками Терек и Кура / Пер. С.Б. Ашурбейли: Изд-во АН АзССР. -Баку, 1963. -С.35.

2.36. Бижев А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис восточного вопроса в конце 20-х – начале 30-х гг. XIX в. -Майкоп, 1994.

- 2.37. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. –М., 1823. Ч.2. –471с.
- 2.38. Буриков Ю.Ф. Коллекция художественных бронзовых изделий Лагича. –М., 1972.
- 2.39. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. –СПб., 1869. Ч.1. –548с.
- 2.40. Бушев П.П. Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715-1718 гг. –М.: Наука, 1978. –286с.
- 2.41. Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. –М.: Л., 1939.
- 2.42. Вагабова Ф. Формирование лезгинской национальной литературы. –Махачкала, 1970.
- 2.43. Вейденбаум Е. Путеводитель по Кавказу. –Тифлис, 1888. –431с., ил.
- 2.44. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. –М.: Наука, 1965. –391с.
- 2.45. Гаджиев В.Г. Сочинение И.Гербера "Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курой находящихся" как исторический источник по истории народов Кавказа. –М.: Наука: 1979. –269с.
- 2.46. Гаджиев В.Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. –Махачкала: Тип. Мининформ печати РД, 1996. –261с.
- 2.47. Гаджиев Г.И. История азербайджанского литературного языка. –Баку, 1976 (на азерб. яз.).
- 2.48. Гаджиев М.С. Между Европой и Азией: Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. –Махачкала, 1997. –155с.
- 2.49. Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. –М.: Наука, 1961. –387с., ил.
- 2.50. Гаджиева С.Ш. Дагестанские теркемейцы XIX - нач. XX вв. –М.: Наука, 1990. –212с.
- 2.51. Гаджиева С.Ш. Дагестанские азербайджанцы. XIX – начало XX вв. –М., 1999.
- 2.52. Галоян Г.А. Каспийская торговля. –Баку, 1976. –С.88.
- 2.53. Гайдаров Р.И. Введение в эминоведение. –Махачкала, 2001.
- 2.54. Гамидова Ц.Г. Из истории азербайджано-грузинских отношений во 2-ой пол. XVIII в. –Баку, 1986. –206с.
- 2.55. Гамрекели В.Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. –Тбилиси: Мецниереба, 1968. –111с.
- 2.56. Гасанов М.Р. Загадки этнонимов Дагестана. –Махачкала, 1997.

- 2.57. Гасанов М.Р. Из истории Табасарана XVIII - нач. XIX вв. –Махачкала: Дагкнигоиздат, 1978. –99с.
- 2.58. Гасанов М.Р. Исторические связи Дагестана и Грузии. –Махачкала: Дагкнигоиздат, 1991. –234с.
- 2.59. Гасанов М.Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XVIII века. –Махачкала: Дагкнигоиздат, 1997. –216с.
- 2.60. Гасанов М.Р. Очерки истории Табасарана. –Махачкала: Дагучпедгиз, 1994. –255с., карт.
- 2.61. Гашаров Г. Лезгинская ашугская поэзия и литература. –Махачкала, 1975.
- 2.62. Гейдаров М.Х. Города и городское население Азербайджана XII – XVII вв. –Баку, 1982.
- 2.63. Гейдаров М.Х. Ремесленное производство в городах Азербайджана в XVII в. –Баку, 1967. –199с.
- 2.64. Гильденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия через Россию и по Кавказским горам в 1770-1773 гг. –СПб, 1809. –384с.
- 2.65. Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств в природе естества. –СПб., 1777, 1785. –Ч.1, Ч.2. –361с, Ч.3. –336с.
- 2.66. Голиков И.И. Деяния Петра Великого мудраго преобразителя России, собранныя из достоверных источников, расположенныя по годам. В 6-ти т. –М., 1838. –Т.6. –268с.
- 2.67. Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII – XVIII вв. –М.: Изд-во Московского ун-та, 1982. –214с.
- 2.68. Гольденберг Л.А. Федор Иванович Соймонов. –М., 1966. –262с.
- 2.69. Гольдштейн А. Башни в горах. –М., 1977.
- 2.70. Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного кавказа и производительные силы края. V – середина XIX века: Изд-во Ростовского ун-та. –158с.
- 2.71. Гулиев А.Н. Из истории азербайджано-русских отношений XV - XVIII вв. –Баку, 1958. –138с.
- 2.72. Гулишамбаров С.И. Обзор фабрик и заводов Закавказского края. –Тифлис, 1894.
- 2.73. Гусейнов А.С. Азербайджано-русские отношения XV - XVII вв. –Баку, 1963. –237с.
- 2.74. Гусейнов Г.-Б.Я. Город тысячи легенд. –Махачкала, 1982. –136с.
- 2.75. Гусейнов Г.К. Лики современного знахарство. –Махачкала, 1985.

- 2.76. Гусейнов Р.А. Азербайджанский фольклор в XIX в. –Баку, 1979.
- 2.77. Дамели Х.А. Южные ханства Азербайджана во 2-ой пол. XVIII в. –Баку, 1967. –96с.
- 2.78. Данзик Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературе. –М., 1973.
- 2.79. Дербенту 5000 лет (Автор текста А.А.Кудрявцев, составитель Б.Ш.Нувахов, фотосъемка А.А.Кучеренко, художник Р.А.Казаков). –М.: Советская Россия, 1989. –159с., ил.
- 2.80. Джанидзе Д. К вопросу о деятельности Казем-бека. –Баку, 1968.
- 2.81. Джафаров Г.Д. Связи Азербайджана со странами Передней Азии. –Баку, 1984. –203с.
- 2.82. Джахиев Г.А. Северный Кавказ во взаимоотношениях России с Ираном и Турцией в конце XVIII – в первой трети XIX в. – Махачкала, 1989.
- 2.83. Джидди Г.А. Средневековый город Шемаха. –Баку, 1981.
- 2.84. Договоры России с Востоком, политические и торговые / Сост. Юзефович Т. –СПб., 1869. –296с.
- 2.85. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. –СПб.: Тип. Департамента уделов, 1871. –Т.1. –Кн.1. –640с.
- 2.86. Евецкий О. Статистическое описание Закавказского края с присовокуплением статьи: Политическое состояние Закавказского края в исходе XVIII века и сравнение онаго с нынешним. –СПб., 1835.
- 2.87. Егизаров С.А. Исследования по истории учреждений в Закавказье. Ч.II. Городские цехи. Организация и внутреннее управление закавказских амкарств. –Казань, 1891. –393с.
- 2.88. Жигарев С.М. Русская политика в восточном вопросе. –М., 1896. –Т.1. –296с.
- 2.89. Заболоцкий П. Путевые записки из Астрахани через Кизляр в Баку в 1835 и 1836 гг. –СПб., 1838. Ч.29. №9.
- 2.90. Зевакин Е. Азербайджан в начале XVIII в. –Баку: Изд-во общ-ва обслед. и изучен. Азербайджана, 1929. –30с.
- 2.91. Зевакин Е. Прикаспийские провинции в эпоху русской оккупации XVIII в. –Баку: Изд-во общ-ва обслед. и изучен. Азербайджана, 1927. –18с.
- 2.92. Зевакин Е.С., Полиевктов М.А. К истории прикаспийского вопроса. –Тбилиси: Закгиз, 1933. –41с.
- 2.93. Зубов П. Картина Закавказского края, принадлежащего Рос-

сии и сопредельных оному земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. В 4-х частях. – Ч.1. –СПб.: Тип. Конрада Вингебера, 1834. –235с. Ч.2. –СПб., 1835. –270с. Ч.3. –СПб., 1835. –268с. Ч.4. –СПб., 1835. –308с.

2.94. Ибрагимбеги Х.М. Россия и Азербайджан в 1-ой трети XIX в. –М., 1969.

2.95. Иванов М.С. Очерки истории Ирана. –М.: Политиздат, 1952. –467с.

2.96. Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и с народами Кавказа: Сб. статей. –Махачкала: Тип. ДФАН СССР, 1982. –200с.

2.97. Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия в XVII – первой половине XIX в.: проблемы торгово-экономических взаимоотношений. – Махачкала, 2001. –224с.

2.98. Историческая география Азербайджана / Главн. ред. акад. АН Азерб. ССР. З.М.Бунятов. –Баку, 1978.

2.99. История Азербайджана. –Баку: Изд-во АН Аз.ССР, 1958. –Т.1. –423с., ил.

2.100. История Дагестана. –М.: Наука, 1967. –Т.1. 431с., ил., карты. 1968. –Т.II. –364с., ил., карты.

2.101. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. –Л., 1958. –417с.

2.102. История Карабахского ханства. –Баку, 1971.

2.103. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. - 1917 г.) –М.: Наука, 1988. –664с.

2.104. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. –М.: Наука, 1988. –544с.

2.105. История СССР / Под ред. М.В.Нечкиной. –М.: Госполитиздат, 1954. –Т.2. –847с.

2.106. Источниковедение истории досоветского Дагестана: Сб. статей / Отв. ред. Гаджиев В.Г. –Махачкала, 1987. –136с.

2.107. Ихилов М.М. Значение персидского похода Петра I (1722-1723 гг.) для Дагестана. –Махачкала, 1954. –19с.

2.108. Ихилов М.М. Народности лезгинской группы. Этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутулов, цахуров, агулов. –Махачкала, 1967. –369с., ил.

2.109. Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. –М., 1971.

2.110. Каракашлы К.Т. Материальная культуры азербайджанцев. –Баку, 1978.

- 2.111. Кафенгауз Б.Б. Очерки внутреннего рынка России в первой половине XVIII в. –М.: Изд-во АН СССР, 1958. –354с.
- 2.112. Кильчевская Э.В., Иванов А.С. Художественные промыслы Дагестана. –М.: Всесоюзн. кооперат. изд-во, 1956. -175с., ил.
- 2.113. Козубский Е.И. Памятная книжка Дагестанской области на 1895 г. -Темир-Хан-Шура: Русская тип. В.М.Сорокина, 1895. -413с.
- 2.114. Козубский Е.И. История города Дербента. -Темир-Хан-Шура: Русск. тип. В.М.Сорокина, 1906. -468с., рис.
- 2.115. Кудрявцев А.А. Великий город на Каспии. -Махачкала: Дагкнигоиздат, 1982. -184с.
- 2.116. Кудрявцев А.А. Мусульманский город Дагестана. Сложение Дербента в домонгольский период. -Махачкала, 1994. -240с.
- 2.117. Кудрявцев А.А. Феодалный Дербент. Пути, закономерности развития города в VI – середине XIII в. –М.: Наука, 1933.
- 2.118. Куприянова Л.В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX века. –М.: Наука, 1981. –231с.
- 2.119. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI - 30-е годы XVII в.). -М.: Изд-во АН СССР, 1963. -371с.
- 2.120. Кушева Е.Н. Русско-дагестанские отношения XVI - XVII вв. –Махачкала: Тип. ДФАН СССР, 1954. -26с.
- 2.121. Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. -М.: Наука, 1968. -Ч.2. -248с.
- 2.122. Левиатов В.Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII в. – Баку: Изд-во АН Аз.ССР, 1948. -227с.
- 2.123. Лысцов В.П. Персидский поход Петра I. 1722-1723. -М.: Изд-во МГУ, 1951. -247с.
- 2.124. Любимова Г.Н. и Ханмагомедов С.О. Народная архитектура Южного Дагестана. Табасаранская архитектура. –М., 1956.
- 2.125. Магомедов А.Р. Хозяйственная жизнь и социальный строй нагорного Дагестана в XV - XVII вв. –Ростов-на-Дону, 1985. -140с.
- 2.126. Магомедов Н.А. Дербент и Дербентское владение в XVIII – первой половине XIX вв. Политическое положение и экономическое развитие. –Махачкала, 1998.
- 2.127. Магомедов Н.А. Дербентское ханство в русско-иранских и русско-турецких взаимоотношениях во 2-ой половине XVIII – начале XIX в. –Махачкала, 2000.
- 2.128. Магомедов Р.М. История Дагестана с древнейших времен до конца XIX века. -Махачкала: Дагучпедгиз, 1968. -340с.

- 2.129. Магомедов Р.М. Легенды и факты о Дагестане. Из записных книжек историка. -Махачкала: Дагкнигоиздат, 1969. -240с., ил.
- 2.130. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. –Махачкала, 1957.
- 2.131. Магомедов Р.М., Дзагурова В.П. К истории земледелия в Дагестане. –Махачкала, 1958.
- 2.132. Магомедов Р.М., Магомедов А.Р. История Дагестана. - Махачкала: Дагкнигоиздат, 1994. -271с.
- 2.133. Магомедов М.Г. История Дагестана с древнейших времен до конца XIX века. -Ч.1. -Махачкала, 1997. -293с.
- 2.134. Мамедов Р.С. Исторический очерк города Нахчивана. -Баку, 1977. -181с.
- 2.135. Мамедова Г.Н. Русские консулы об Азербайджане XVIII - 1 пол. XIX в. -Баку, 1979. -109с.
- 2.136. Мамедова Г.Н. Русские консулы об Азербайджане. -Баку, 1980. -148с.
- 2.137. Мансуров Дж.М. Северные ханства Азербайджана и Россия (конец XVIII – нач. XIX вв.). –Баку, 1989.
- 2.138. Маргграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. -М.: Тип. С.В.Гурьянова, 1882. -289с.
- 2.139. Марков Л.Н. Очерки по истории таможенной службы. – Иркутск: Изд-во госун-та, 1987. –157с.
- 2.140. Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. -М.: Наука, 1966. -323с., карт.
- 2.141. Маркс К. Капитал. -Т.III. Госполитиздат, 1961. -831с.
- 2.142. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X-XI веков. - М., 1963. Изд. вост. лит., 1963. -264с.
- 2.143. Мурадов В.Д. Средневековые города Азербайджана. -Баку, 1983. -187с.
- 2.144. Мусаев Г.М. Рутулы (XIX – начало XX вв.): Историко-этнографическое исследование. –Махачкала, 1997.
- 2.145. Мусаев К. Путем сближения и единства. –Баку, 1986.
- 2.146. Мустафаев А.Н. Азербайджан во взаимоотношениях с Россией, Турцией и Ираном в XVIII в. –Баку, 1969.
- 2.147. Мустафаев Дж.М. Северные ханства Азербайджана и Россия. Конец XVIII - нач. XIX вв. -Баку: Элм, 1989. -127с.
- 2.148. Народы Дагестана. –М., 1995.
- 2.149. Народы Кавказа. -М., 1960. -Т.1. -612с., ил., карт.
- 2.150. Нахшунов И.Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. -Махачкала: Дагкнигоиздат, 1956. -157с.

- 2.151. Неверовский А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. – СПб.: Тип. воен.-учеб. завед., 1848. –42с.
- 2.152. Неймат М.С. Корпус эпиграфических памятников Азербайджана X-XX вв. –Баку, 1991.
- 2.153. Новосельцев А.П. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). –М.: Наука, 1972. –338с.
- 2.154. Новосельцев А.П. Генезис феодализма в странах Закавказья (Опыт сравнительно-исторического исследования). –М.: Наука, 1980. – 286с.
- 2.155. Обзорение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях / Под. ред. В.С.Легкобитова. –СПб.: Тип. внешн. торг., 1836. –Ч.3. –246с.
- 2.156. Олеарий А. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и через Московию Персию и обратно в 1633, 1636 и 1639 гг., составленное секретарем посольства Адамом Олеарием. –М., 1870. –1038с.
- 2.157. Онуллахи С.М. Город Тебриз XIII - XVIII вв. –Баку, 1982. – 216с.
- 2.158. Очерки истории средневекового Баку. –Баку, 1964.
- 2.159. Очерки истории горских народов Кавказа. –Тбилиси: Мацниереба, 1969. –258с.
- 2.160. Очерки истории Дагестана. –Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. –Т.1. –392с.
- 2.161. Очерки по древней истории Азербайджана. –Баку.: Изд-во АН Азерб. СССР, 1956. –170с., ил.
- 2.162. Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. –Баку: Изд-во АН АзССР, 1949. –115с.
- 2.163. Петрушевский И.П. Джаро-Белооканские вольные общества в первой трети XIX столетия: Внутренний строй и борьба с российским колониальным наступлением. –Тифлис: Изд-во Заря Востока, 1934. – 143с.
- 2.164. Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI - нач. XIX вв. –Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. –383с.
- 2.165. Полиевктов Н.А. Европейские путешественники XIII - XVIII вв. по Кавказу. –Тифлис: Изд-во АН Груз.ССР, 1935. –222с., табл.
- 2.166. Полиевктов Н.А. Европейские путешественники по Кавказу 1800-1830 гг. Отд. оттиск из журнала "Исторический вестник". Т.2. – Тбилиси, Архивн. управл. МВД Груз.ССР, 1946. –151с.

- 2.167. Потто В. Утверждение русского владычества на Кавказе. – Тифлис: Тип. штаба Кавк. воен. окр., 1904. –Т.3. –Ч.1. –527с.
- 2.168. Путешествие профессора Эйхвальда по Каспийскому морю и Каспийскому краю. –СПб., 1838.
- 2.169. Раджабли А.М. Монетное дело в Сефевидском государстве в XVI - нач. XVIII вв. –Баку, 1962. –291с.
- 2.170. Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана: Материалы по истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX в. –Махачкала: Тип. ДФАН СССР, 1964. –278с.
- 2.171. Рахмани А.А. Азербайджан в конце XVI и в XVIII вв. –Баку, 1954. –269с.
- 2.172. Рзаев Г.А. Торговые отношения между Северо-Восточным Азербайджаном и Астраханью. –Баку, 1989. –132с.
- 2.173. Ризванов З.Р., Ризванов Р.З. История лезгин: краткий научно-популярный очерк. –Махачкала, 1990. –50с.
- 2.174. Система питания народов Дагестана (XIX-XX вв.): Сб. статей. –Махачкала, 1990.
- 2.175. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI - XIX вв. – М.: Соцэкгиз, 1958. –244с.
- 2.176. Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI - XVII вв. –М., 1946. – Т.2. –173с.
- 2.177. Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненых на оном Российских завоеваний, яко часть истории Петра Великого. –СПб.: Тип. Импер. АН, 1763. –380с.
- 2.178. Сотавов Н.А. Крах "Грозы Вселенной". –Махачкала, 2000. – 221с.
- 2.179. Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. От Константинопольского договора до Кючук-Кайнарджийского мира 1700-1774 гг. –М.: Наука, 1991. –223с.
- 2.180. Стрейс Я.Я. Три путешествия. –М.: Соцэкгиз, 1935. –415с., ил.
- 2.181. Сулейманов Р.Д. Торговые связи Азербайджана с центральной Россией в пер. пол. XIX в. –Баку, 1975. –203с.
- 2.182. Сумбатзаде А.С. Азербайджанцы – этногенез и формирование народа. –Баку, 1990. –303с.
- 2.183. Сумбатзаде А.С. Сельское хозяйство Азербайджана в XIX в. –Баку, 1958.
- 2.184. Сумбатзаде А.С. Кубинское восстание 1837 г. –Баку, 1961.
- 2.185. Сухарева О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов). –М.: Наука, 1976. –365с.

- 2.186. Тер-Аветисян С. Материалы по истории торговых отношений джульфинских купцов в XVII-XVIII в. –Тбилиси, 1937. –86с.
- 2.187. Тресков И.В. Фольклорные связи Северного Кавказа. –Нальчик, 1963. –343с., табл.
- 2.188. Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. –М.: Наука, 1986. –274с.
- 2.189. Тушин Ю.П. Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях. –М.: Наука, 1978. –183с.
- 2.190. Ульяницкий В. Русские консульства за границей в XVIII в. –М., 1899. –Ч.1. –678с.
- 2.191. Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVIII веке. –Махачкала: Тип. ДФАН СССР, 1973. –252с.
- 2.192. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Т. VI. Кюринский язык. –Тифлис, 1896.
- 2.193. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознания. Т. VII. Табасаранский язык. –Тбилиси, 1979.
- 2.194. Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в пореформенный период. –М.: Изд-во АН СССР, 1957. –257с.
- 2.195. Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. –М.: Изд-во АН СССР, 1960. –397 с.
- 2.196. Фехнер И.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. –М.: Изд-во Гос. ист. музея, 1952. –139с., илл.
- 2.197. Хан-Магомедов С.О. Дербент. –М., 1958.
- 2.198. Хан-Магомедов С.О. Дербент. Горная стена. Аулы Табасарана. Художественные памятники XIX - нач. XX века. –М.: Искусство, 1979. –286с., ил.
- 2.199. Хан-Магомедов С.О. Лезгинское народное зодчество. –М., 1969.
- 2.200. Хатисов К. Кустарные производства Закатальского края (исследования по кустарной промышленности в России). –СПб., 1894. Т. II.
- 2.201. Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана. –Махачкала: Тип. Даг ФАН СССР, 1959. –116с.
- 2.202. Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX в. –М.: Изд-во АН СССР, 1961. –261с.
- 2.203. Хромов П.А. Очерки экономики докапиталистической России. –М.: Наука, 1988. –312с.
- 2.204. Челеби Э. Книга путешествия: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. –М.: Изд-во восточ. лит-ры, 1979. –Вып.2. –287с.

- 2.205. Чонтладзе В.Г. Вопросы теории финансов. –Тбилиси, 1979. –435с.
- 2.206. Чулков М. Историческое описание российской коммерции, при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерина Великая, сочиненное Михайлом Чулковым. –СПб.: Тип. при императорской Академии наук, 1781-1788. –Т.1-7. Т.1. –Кн. II. –618с.; –Т. II. –Кн. II. –638с.
- 2.207. Шарден Ж. Путешествия по Закавказью. 1672-1673 гг. –Тифлис, 1900. –301с., карт.
- 2.208. Шихсаидов А.Р. Дагестан в X - XIV вв.: Опыт социально-экономической характеристики. –Махачкала: Дагкнигоиздат, 1975. –176с.
- 2.209. Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII – XV вв.). –Махачкала: Тип. ДФАН СССР, 1969. –251с.
- 2.210. Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X-XVII вв. как исторический источник. –М., 1984.
- 2.211. Шопен И. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. –СПб., 1852. –1235с.
- 2.212. Шлаковский А.К. Торговля Московской Руси с Персией. –Киев, 1915. –106с.
- 2.213. Эзов Г.А. Сношение Петра Великого с армянским народом. –СПб., 1898. –124с.
- 2.214. Экономическая энциклопедия. В 4-х т. –М.: Сов. энцикл., 1972. –Т.1. –559с.
- 2.215. Эфенди-заде Р. Материалы о цеховом устройстве и кустарных производствах в Нухе. –Баку, 1934. –115с.
- 2.216. Эфендиев О.А. Образование Азербайджанского государства Сефевидов. –Баку, 1962. –118с.
- 2.217. Юдин П. Россия и Персия в конце 1742 г. –СПб., 1899. –408с.
- 2.218. Якубовский А.Ю. Феодализм на Востоке. –М.: Изд-во Акад. ист. мат. культуры., 1932. –50с.
- 2.219. Ярахмедов М. Азербайджанская поэзия и Етим Эмин. –Баку, 1992.
- 2.220. Ярахмедов М. Азербайджанские и дагестанские поэты и писатели. –Баку, 1985.

3. Статьи

- 3.1. Азербайджанцы // Народы Кавказа. –М., 1962. Т. II.
- 3.2. Алиев Б.Г. Развитие торговли союзов сельских общин Дагестана (XVIII – первая половина XIX вв.) // Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане. –Махачкала: Тип. ДНЦ РАН, 1991. –С.31-45.
- 3.3. Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.И. Союзы сельских обществ в борьбе за независимость Дагестана в XVII - первой пол. XVIII вв. // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. - Махачкала, 1986. -С.55-70.
- 3.4. Алиев Ф.М. Значение Азербайджана для России в каспийской торговле // Ближний и Средний Восток: Товарно-денежные отношения при феодализме. –М.: Наука, 1980. –С.7-14.
- 3.5. Алиев Ф.М. К вопросу о ремесленных организациях в XVIII в. // Изв. АН Азерб. ССР. 1957. -№8. -С.132-143.
- 3.6. Али-Заде А. Некоторые сведения о Ширване // Известия АН Аз. ССР. –Баку, 1967. №12.
- 3.7. Ахвердов А.И. Два рапорта о дагестанских делах 1802 г. // ИГЭД -С.230-233.
- 3.8. Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. -С.213-229.
- 3.9. Ашрафян К.З., Арунова М.Р. Антифеодальные движения в империи Надир-шаха Афшара в 40-х гг. XVIII в. // УЗ ИВ АН СССР, 1953. -Т.VIII.
- 3.10. Бартольд В.В. Дербент. Пер. с франц. // Энциклопедия ислама. -Париж, 1913. -Т.1. -С.369-970.
- 3.11. Берже А. При-Каспийский край // КК на 1857 г. -Тифлис, 1856. -С.275-339.
- 3.12. Богданов Н.Г. Аграрные отношения в Азербайджане в 1870-1917. // Исторические записки. -М., 1941. -№12. -С.200-227.
- 3.13. Бретаницкий Л.С. Архитектурные школы средневекового Азербайджана // Искусство Азербайджана. –Баку, 1949.
- 3.14. Бретаницкий Л.С., Саламзаде А. Зодчие и мастера архитектурного декора средневекового Азербайджана // Искусство Азербайджана. –Баку, 1956. Т.V.
- 3.15. Бромлей Ю.В., Воронов А.А. Народная медицина как предмет этнографических исследований // СЭ. 1976. №5.
- 3.16. Бутков П.Г. Выдержки из "Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем". -1796 г. // ИГЭД. -С.200-209.
- 3.17. Бутков П.Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1796 г. // ИГЭД. -С.209-212.
- 3.18. Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // ИГЭД. -С.239-247.
- 3.19. Бушев П.П. Беспощадная торговля русских купцов в Иране в 1732-1747 гг. // Иран. История и культура в средние века и в новое время. –М.: Наука, 1980. –С.78-90.
- 3.20. Высочайшая грамота армянам от 28-го октября 1799 // АКАК. –Т. II. –Дополн.3. –Док.32. –С.1150-1151.
- 3.21. Гаджиев В.Г. Борьба народов Дагестана против владычества Ирана в начале XVIII в. // УЗ ИИЯЛ Даг.ФАН СССР. -Махачкала, 1963. -Т.XI (серия истории). -С.116-137.
- 3.22. Гаджиев В.Г. "Дербент-Наме" Мирза Хайдара Везирова // Вопросы истории Дагестана. –Махачкала, 1975. Вып. II.
- 3.23. Гаджиев В.Г. Архив Кизлярского коменданта // ИСКНЦВШ. –Ростов-на-Дону, 1978. -№2. –С.6-11.
- 3.24. Гаджиев В.Г. Петербургский договор 1723 г. (история заключения и значение) // Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI – начале XX в. –Махачкала: Тип. ДФАН СССР, 1988. –С.66-83.
- 3.25. Ган К.Ф. Опыт объяснения кавказских географических названий // СМОМПК. -Тифлис, 1909. -Вып.40. -С.1-164.
- 3.26. Гасанов М.Р. Из истории экономических взаимоотношений Дагестана и Грузии (конец XVIII – нач. XIX в.) // Развитие феодальных отношений в Дагестане. –Махачкала, 1980. –С.134-154.
- 3.27. Гасанов М.Р. Крестьянские промыслы Дагестана в период феодализма // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. –Махачкала: Тип. ДФАН СССР, 1968. –С.257-261.
- 3.28. Гербер И. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII - XIX вв. -М., 1958. -С.60-120.
- 3.29. Гольденберг Л.А. Рукописные карты и планы XVIII в. как источник по истории города Дербента // Археологический сборник за 1963 г. -М., 1964. -С.127.
- 3.30. Гулиев Г.А. Азербайджанские вышивки // СЭ. 1959. №2.
- 3.31. Гулиев Г.А. О пахотных орудиях в системе земледелия Азербайджана // Азербайджанский этнографический сборник. –Баку, 1966. Вып.2.
- 3.32. Джевдет-Паша. Описание событий в Грузии и Черкессии по отношению к Оттоманской империи от 1192 до 1202 гг. Хиджры // Русский архив, 1888. –Т. I.

- 3.33. Дренякин И.Т. Описание Ширвана. 1796 г. // ИГЭД. -С.157-172.
- 3.34. Дубровин Н.Ф. Поход графа Зубова в Персию в 1796 г. // Военный сборник. 1874. -№2-6.
- 3.35. Еропкин Л.Ф. Реестр горским владельцам. 1732 г. // ИГЭД. С.121-125.
- 3.36. Иноземцева Е.И. Британский источник по исторической географии Прикаспия // Тез. докл. конф. по итогам географических исслед. в Дагестане. -Махачкала, 1994. -Вып.22. -С.121-122.
- 3.37. Иноземцева Е.И. К вопросу об истории развития русско-дагестанских торгово-экономических контактов в XVIIIв. // Краткие сообщения докладов Лавровских (среднеазиатско-кавказских) чтений. 1992. -СПб, 1993.
- 3.38. Иноземцева Е.И. К вопросу о торгово-экономической политике России в Дагестане в XVIII в. // Вестник Дагестанского научного центра. Махачкала, 1998. -№2. -С.88-95.
- 3.39. Каракашлы К.Т. О пережитках древнего института взаимопомощи в Азербайджане // Известия АН Аз. ССР. -Баку, 1958. №2.
- 3.40. Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане // СМОМПК. -Тифлис, 1902-1903. Вып.31-32.
- 3.41. Кикнадзе Р.К. Из истории ремесленного производства (карханэ) в Иране. XIII - XIV вв. // Ближний и Средний Восток. -М., 1962. -С.47-55.
- 3.42. Киласов Р.К. Из истории торговли в Дагестане // Вопросы истории, этнографии Дагестана. -Махачкала, 1974. -Вып.5. -С.151-168.
- 3.43. Киласов Р.К. Из истории экономических связей Дагестана с Россией (конец XVII - начало XVIII в.) // УЗ ИИЯЛ Даг ФАН СССР. - Махачкала, 1970. -Т.20. -С.82-94.
- 3.44. Козлова А.Н. "Наме-йи Аламара-йи Надири" Мухаммед-Казима о первом походе Надир-шаха на Табасаран // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. -Махачкала, 1967.
- 3.45. Козлова А.Н. Страницы истории освободительной борьбы народов Дагестана // Страны и народы Востока. -М., 1976. Вып.18.
- 3.46. Комаров А.В. Народонаселение Дагестанской области (с этнографической картой) // ЗКОИРГО. -Тифлис, 1873. Кн.8.
- 3.47. Комаров А.В. Списки населенных мест Дагестанской области // СССК. -Тифлис, 1869. Т.1.
- 3.48. Комаров В. Персидская война 1722-1725 гг. // Русский вестник. -М.: Уп. тип. Катков и К°, 1867. -С.553-616.

- 3.49. Краббе К.К. Замечания о Докуспаре, Ахтах и Рутуле. До 1835 г. // ИГЭД. -С.335-336.
- 3.50. Кремский А.А. Выдержки из описания Дагестана и Ширванаю 1806 г. // ИГЭД. -С.230-233.
- 3.51. Крупнов Е.И. О состоянии и задачах изучения археологии Кавказа // КСИИМК. 1955. Вып.60.
- 3.52. Кузнецова Н.А. Материалы к характеристике ремесленного производства в иранском городе XVIII - нач. XIX в. // УЗ Ин-та востоковедения. -М., 1957. -Т.XVII. -С.87-98.
- 3.53. Кузнецова Н.А. Материалы к характеристике ремесленного производства в иранском городе XVIII - начала XIX в. // УЗ Института востоковедения АН СССР. -М., 1959. -С.77-109.
- 3.54. Кузнецова Е.Н. Взаимоотношения Ирана с Россией в XVIII в. // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке. -М., 1987. -С.89-97.
- 3.55. Куканова Н.Г. Русско-иранские торговые отношения в конце XVII - нач. XVIII в. // Исторические записки, 1956. -№57. -С.232-254.
- 3.56. Куканова Н.Г. Документ о русско-иранской торговле 30-40-х годов XVIII в. // Ближний и Средний Восток. -М., 1962. -С.114-120.
- 3.57. Кушева Е.Н. Торговля Москвы в 30-40 годах XVIII в. // Исторические записки. -М., 1947. -Вып. 23. -С.62-71.
- 3.58. Лебедев В.И. Посольство Артемия Волынского в Персию // Известия АН СССР. Серия истории и философии, 1948. -№6. -С.531-542.
- 3.59. Ленин В.И. Мелкое производство в земледелии // ППС. -Т.23. -С.280-283.
- 3.60. Лерх И. Путешествия 1733-1736 гг. из Москвы в Астрахань по странам, лежащим по западному берегу Каспийского моря // Новые ежемесячные сочинения. -СПб.: Изд-во Имп. АН, 1790. -Т.43. -99с.
- 3.61. Лопухин А.Н. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII - XIX вв. -М., 1958. -С.6-59.
- 3.62. Магомедов Д.М. Изделия домашней промышленности и их реализация у жителей западного Дагестана XVIII - XIX в. // Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане: Сб. статей. - Махачкала, 1991. -С.21-30.
- 3.63. Магомедов Н.А. Торгово-экономические связи Дербента с Россией в XVIII в. // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа XVIII - 70-х гг. XIX вв.: Мате-

риалы Всероссийской научной конференции. -Грозный, 1982. -С.284-287.

3.64. Магомедов Н.А. Историография вхождения Дербентского владения в состав России // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. -Грозный, 1985. Вып.3. -С.42-50.

3.65. Магомедов Н.А. Органы управления Дербентского владения в XVIII в. // Государство и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане: Тематический сб. -Махачкала, 1989. -С.68-72.

3.66. Магомедов Н.А. Взаимоотношения Дербентского владения с Россией в XVIII в. // Дагестан в составе России: исторические корни дружбы народов России и Дагестана: Тематический сб. -Махачкала, 1990. -С.89-94.

3.67. Магомедов Н.А. Финансовая система Дербентского владения в XVIII в. // Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане. -Махачкала: Тип. ДНЦ РАН, 1991. -С.64-80.

3.68. Малачиханов Б. К вопросу о хазарском Семендере // Ученые записки ИИЯЛ Даг ФАН СССР. -Махачкала, 1965. -Т.14. -С.175-202.

3.69. Маркова О.П. Русско-иранская торговля в последнее десятилетие XVIII в. // УЗ ИВ АН АзССР, 1959. -№1. -С.101-112.

3.70. Назаревич А. Азербайджанско-дагестанские культурно-исторические связи в фольклоре и поэзии Дагестана // УЗ АГУ им. Кирова. -Баку, 1956. №4.

3.71. Новосельцев А.П. Города Азербайджана и Восточной Армении в XVII - XVIII вв. // История СССР, 1959. -№1. -С.87-108.

3.72. Новосельцев А.П. Освободительная борьба народов Закавказья в XVIII в. // Вопросы истории. 1972. №5. С.110-112.

3.73. Общее обозрение торговли с Азией (Записки адмирала Мордвинова) // АКАК. -Тифлис, 1875. -Т.6. -Ч.2. -С.857-862.

3.74. О торговле Дербента и Баку. Предметы и размеры (торговли) // АГС. -Т.П. -С.691-965.

3.75. Перевод с указов шаховых, которые действие имеют вместо привилегий или грамот, жалованных для коммерции в Персии, оные за печатью шаховой. Месяц Реджеб 1130 (1717) // АКАК. -Т.П. 2-ое доп. к I тому. -Д.№15. -С.1089.

3.76. Потто В. Исторический очерк Кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. -Тифлис, 1899.

3.77. Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. -СПб., 1885.

3.78. Петрушевский И.П. Государства Азербайджана в XV в. // Сборник статей по истории Азербайджана. -Баку, 1949. Вып. I.

3.79. Рамазанов Х.Х. Крестьянские реформы в Дагестане // УЗ ИИЯЛ. -Махачкала, 1957. Т.2.

3.80. Рубинштейн Н.Л. Внешняя торговля России и русское купечество во второй половине XVIII в. // Изв. -М., 1955. -№54. -С.343-361.

3.81. Саламзаде А.В. Новые материалы по датировке памятников Азербайджана // Известия АН Аз. ССР. -Баку, 1952. №5.

3.82. Серебров А.Г. Историко-этнографическое описание Дагестана 1796 г. // История, география и этнография Дагестана. -М., 1958. -С.173-196.

3.83. Серебров А.Г. Описание Южного Дагестана // ИГЭД. -С.138-156.

3.84. Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД.

3.85. Соймонов П. (Докладная записка). В Государственную коллегию иностранных дел от тайного советн. сенатора Государственной коммерц-коллегии президента и кавалера Соймонова (о торговле с Персией) // АГС. -СПб., 1888. -Т.П. (1796-1801. -С.717-725).

3.86. Соколов А. Очерк западного берега Каспийского моря // Кавказ, 1948. №1.

3.87. Сумбатзаде А.С. Истоки истории Азербайджана // Изв. АН АзССР. Серия истории, философии и права, 1978. -№3. -С.40-51.

3.88. Сухарева О.А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии // Труды Института этнографии. -М., 1964. Т.ХХI.

3.89. Тамай А.И. Восстание 1711 - 1722 гг. в Азербайджане // УЗ Ин-та ИЯЛ ДФ АН СССР. -Махачкала, 1957. -Т.3. -С.78-85.

3.90. Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана 1796 г. // ИГЭД. -С.125-138.

3.91. Троицкий С.М. Записка сенатора Н.Е.Муравьева о развитии коммерции и путей сообщения в России (60-е годы XVIII в.) // Историческая география России XVII - начало XX в. -М.: Наука, 1975. -С.234-247.

3.92. Умаханов М.-С.К. Дагестанский отрезок "шелкового пути" (XVII - XVIII вв.) // Тез. докл. конф. по итогам географич. исследований в Дагестане. -Махачкала, 1992. -Вып.20. -С.129-130.

3.93. Умаханов М.-С.К. Развитие товарно-денежных отношений в Дагестане // Проникновение и развитие капиталистических отношений в Дагестане. -Махачкала, 1984. -С.26-38.

3.94. Умаханов М.-С.К. Торговые центры Дагестана XVII - XVIII

вв. и их роль в развитии товарно-денежных отношений // Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане. –Махачкала, 1991. –С.9-20.

3.95. Феодаева Ф.З. Вопрос о торговых пошлинах в русско-дагестанских отношениях // ВИЭД. –Махачкала, 1972. –Вып.3. –С.130-135.

3.96. Феодаева Ф.З. Из истории русско-дагестанских политических взаимоотношений в 60-70-е гг. XVIII в. // ВИЭД. –Махачкала, 1970. –Вып.1. –С.134-147.

3.97. Феодаева Ф.З. К вопросу о развитии русско-дагестанских торговых отношений во второй половине XVIII в. // УЗ ИИЯЛ Даг ФАН СССР. –Махачкала, 1965. –Т.14. –С.155-174.

3.98. Шаров Ю. Обзор производительных сил Кавказского наместничества // КК на 1879 год. –Тифлис, 1878.

3.99. Шихсаидов А.Р. Средневековый город Дагестана и его связь с сельским хозяйством // Ближний и Средний Восток: Товарно-денежные отношения при феодализме. –М., 1980.

3.100. Шихсаидова Р.С. Материалы фонда "Кизлярский комендант" как источник для изучения дагестано-закавказских взаимоотношений в XVIII - нач. XIX в. // Источниковедение историй досоветского Дагестана. –Махачкала, 1987. –С.16-104.

3.101. Шнитников Ф.А. Описание Кубинской провинции. 1832 г. // ИГЭД. –С.329-334.

3.102. Юхт А.И. Индийский колонии в Астрахани. –Вопросы истории, 1957. –№3. –С.135-143.

3.103. Юхт А.И. Торговля России с Закавказьем и Персией во 2-ой четверти XVIII в. // История СССР, 1961. –№1. –С.131-146.

3.104. Юхт А.И. Торговые связи Астрахани в 20-х гг. XVIII в. // Историческая география России XII - нач. XX в. –М.: Наука, 1975. –С.177-192.

3.105. Ярахмедов М. Азербайджаноязычное творчество Етима Эмина // Изв. АН Аз. ССР. –Баку, 1971. №2.

4. Литература на иностранных языках

4.1. Астрабади М.М. Джахонгоша-ие Надири. –Тегеран, 1341 / 1962.

4.2. Доулатшахи И. Лешкаркаши-е Петер-е Кабир ба Иран // Сохан-Тегеран, 1398 / 1969. №8-9.

4.3. Крусинский Т.Я. Тарих-е сеяди-е Хужуме афханиян ве энхедат - е бенайе довяте шахан-е Сафавиян. –Стамбул, 1142 / 1729.

4.4. Ключок-Челяби-заде. Тарихи-Челяби-заде. –Стамбул, 1967.

4.5. Gokge G. Kafkasya ve Osmanle Imperatorlugunun Kafkasya siaseti. –Istanbul, 1979.

4.6. Guldenstadt J.A. Reisen durch Russland und im Kaukasischen Geburge. –St.Pbg., 1787. Bd.1. –511 S.; 1791. –Bd.2. –552 S.

4.7. Hanway J. A historical account of the British trade over the Caspian Sea. –London, 1762. –Vol.1. –480 p.; Vol.2. –428 p.

4.8. Klaproth J. Geographisch-historische Beschreibung des Ostlichen Kaukasus zwischen dem Flussen, Terek, Aragwi, Kur und dem Kaspischen Meere. –Weimar, Lauges Industrie – Comptoir, 1814. –218 S.

4.9. Lockart L. The Fall of the Safavi Dynasty of Afghan occupation of Persia. –Cambridge, 1958.

4.10. Reineggs J. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. Gotha: St. Pbg., 1796. –432 S.

5. Диссертации и авторефераты

5.1. Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX вв. (Исследование социально-экономического развития и структуры административно-политического управления): Дисс.... д-ра ист. наук. –Махачкала, 1990. 444с.

5.2. Алиева А.И. Дагестано-азербайджанские торгово-экономические связи в XVIII – первой половине XIX в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. –Махачкала, 2001. –24с.

5.3. Асланов Д.А. Социально-экономическое и политическое развитие Кюринского ханства в XIX веке: Дисс. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 2000.

5.4. Ахмадов Я.З. Взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII в.: Дисс.... канд. ист. наук. –Махачкала, 1977. –170с.

5.5. Багирова М.М. История Шекинского ханства и присоединение его к России: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. –Баку, 1980.

5.6. Гашаров Г. Лезгинская ашугская поэзия и литература: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук.

5.7. Гашимов Ч.М. Из истории взаимоотношений народов Дагестана с народами Северного Кавказа (вторая половина XVI – XVIII вв.): Дисс.... канд. ист. наук. –Махачкала, 1969. –249с.

5.8. Джалилова Х.М. Рутулы: социально-экономическое и поли-

тическое развитие в XVII – первой половине XIX века: Дисс. ... канд. ист. наук. –Махачкала, 2000.

5.9. Джахияев Г.А. Северный Кавказ во взаимоотношениях России с Ираном и Турцией в конце XVIII – первой трети XIX вв. (От Георгиевского трактата 1783 г. до Адрианопольского договора 1829 г.): Дисс.... д-ра ист. наук. –Махачкала, 1989. –450с.

5.10. Джахияева Э.Г. Кумыкские владения в международных отношениях в конце XVIII – нач. XIX вв. (1774-1826 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. –Махачкала, 1998.

5.11. Закарияев З.Ш. Социально-политическое развитие союзов сельских общин Самурской долины в XV-XVIII вв.: Дисс. ... канд. ист. наук. –Махачкала, 2000.

5.12. Ибрагимов И.Г. Агулы в XVIII – первой половине XIX в. (проблемы социально-экономического развития и политического устройства): Дисс. ... канд. ист. наук. –Махачкала, 1999.

5.13. Иноземцева Е.И. Русско-дагестанские торгово-экономические взаимоотношения в XVIII в.: Дисс... канд. ист. наук. –Махачкала, 1996. –244с.

5.14. Кидырниязов Д.С. Русско-ногайские отношения в XVIII веке: Автореф. дисс.... канд. ист. наук. –Баку, 1988. 22с.

5.15. Киласов Р.К. Русско-дагестанские экономические отношения в последней четверти XVII – первой половине XVIII вв. (по материалам Астраханской таможни): Дисс.... канд. ист. наук. –М., 1971. 203с.

5.16. Магомедов Н.А. Экономическое развитие Дербентского ханства в XVIII в. (Ремесло, Торговля, Налогово-финансовая система): Дисс.... канд. ист. наук. –Махачкала, 1985. –172с.

5.17. Магомедов Н.А. Экономическое развитие Дербентского ханства в XVIII в. (Ремесло, Торговля, Налогово-финансовая система): Автореф. дисс.... канд. ист. наук. –Нальчик, 1985. –13с.

5.18. Пашаев К.И. Историческая география Южного Дагестана (XV-XVII вв.): Дисс. ... канд. ист. наук. –Махачкала, 2000.

5.19. Рагимова Б.Р. Сельская община у самурских лезгин в конце XVIII – нач. XIX в.: Дисс. ... канд. ист. наук.

5.20. Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях XVIII века (от Константинопольского договора до Кючук-Кайнарджинского мира: 1700-1774 гг.): Дисс.... д-ра ист. наук. –М., 1988. –466с.

5.21. Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях XVIII века (от Константинопольского договора

до Кючук-Кайнарджинского мира: 1700-1774 гг.): Автореф. дисс.... д-ра ист. наук. –М., 1989. –41с.

5.22. Тамай А.И. Борьба народов Дагестана за свою независимость (30-40-е годы XVIII в.). Дисс... канд. ист. наук, 1953 г. // Рук. фонд Ин-та ИАЭ ДНЦ РАН.

5.23. Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи народов Дагестана в XVII – начале XIX вв. (Исследование экономической, политической и культурной интеграции народов): Автореф. дисс.... д-ра ист. наук. –Махачкала, 1994. –41с.

5.24. Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения во второй половине XVIII - начале XIX вв.: Дисс... канд. ист. наук. –Махачкала, 1973. –303с.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**



instituteofhistory.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААО – Архив Астраханской области.
АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.
АГС – Архив Государственного совета. –СПб.
АКАК - Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией. –Тифлис.
ВИ – Вопросы истории. –М.
ВИД – Вопросы истории Дагестана (досоветский период). – Махачкала.
ВИЭД - Вопросы истории и этнографии Дагестана. -Махачкала.
ДНЦ РАН – Дагестанский научный центр Российской Академии наук.
ИГЭД - История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв. –М.
ИЗ (Ист. зап.) – Исторические записки.
Изв. – Известия.
ИИАЭ - Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН
ИИЯЛ – Институт истории, языка и литературы им. Г.Цадасы Дагестанского филиала АН СССР.
ИКОРГО – Известия Кавказского отдела русского географического общества. –Тифлис.
ИНСК – История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. –М.
ИСКНЦ ВШ – Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. –Ростов-на-Дону.
ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи.
РДО, 1958 - Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв.: Документы и материалы. –Махачкала.
РДО, 1988 - Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сб. документов. –М.
РФ (Рук. фонд) – Рукописный фонд.
РФ ИИАЭ - Рукописный фонд Института истории, археологии, этнографии ДНЦ РАН.
Сб.РИО – Сборник Императорского Русского исторического общества. –СПб.
СА – Советская археология. –М.
СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. –Тифлис.

- ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах. –Тифлис.
СССК – Сборник статистических сведений о Кавказе. –Тифлис.
СЭ – Советская этнография. –М.
УЗ (Уч. зап.) – Ученые записки
РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
ЦГА РД - Центральный государственный архив Республики Дагестан.
ЦГИА РГ – Центральный государственный исторический архив Республики Грузия.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАРОДОВ ЮЖНОГО ДАГЕСТАНА С АЗЕРБАЙДЖАНОМ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.	23
§ 1. Социально-экономическая характеристика Южного Дагестана в XVIII – первой половине XIX в.....	23
§ 2. Торговые отношения между народами Южного Дагестана и Азербайджана в XVIII – первой половине XIX в.....	36
ГЛАВА II. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАРОДОВ ЮЖНОГО ДАГЕСТАНА С АЗЕРБАЙДЖАНОМ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.	57
§ 1. Внутри и внешнеполитическое положение народов Южного Дагестана и Северного Азербайджана.....	57
§ 2. Борьба народов Южного Дагестана и Азербайджана против нашествия Надир-шаха.....	68
§ 3. Южный Дагестан и Азербайджан во внешней политике России, Турции и Ирана на рубеже XVIII – XIX вв.....	81
§ 4. Выступление народных масс Северо-Восточного Азербайджана и Южного Дагестана в 30-40-х гг. XIX в.....	102
ГЛАВА III. КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАРОДОВ ЮЖНОГО ДАГЕСТАНА И АЗЕРБАЙДЖАНА В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.	112
§ 1. Взаимоотношения народов Южного Дагестана и Азербайджана в области материальной культуры.....	112
а) Поселения и жилища. Архитектура.....	112
б) Одежда, украшения.....	124
в) Пища.....	128
г) Прикладное искусство (художественная обработка шерсти, камня, дерева, металла и т.д. и их взаимовлияние).....	130
§ 2. Взаимоотношения в области устного народного творчества. Народный календарь. Медицина.....	136
§ 3. Литература и наука. XVIII – пер. пол. XIX в.....	146
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	164
БИБЛИОГРАФИЯ	170
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	196

МАГОМЕДОВ Н.А.

Доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РД.

Взаимоотношения народов Южного Дагестана и Азербайджана в XVIII – первой половине XIX в.

**(экономический, политический
и культурный аспекты)**

Редактор *Хуршилова М.Б.*
Корректор *Хазимова А.М.*
Верстка *Курбанова В.Г.*

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН



instituteofhistory.ru

Подписано в г. _____ ат 42х29,⁷/₈.
Печать офсетная. П. л. 24. Заказ №18. Тираж 1000 экз.
ООО Издательский дом «Эпоха», г. Махачкала, ул. Дахадаева, 73а.



Магомедов Назим Абдурахманович – ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РД.

Автор более 80 изданных научных работ, среди которых 4 монографии: один из составителей сборника документов “Русско-дагестанские отношения XVIII – нач. XIX в.” М., 1988; “Проблемы проникновения и развития капиталистических отношений в Дагестане” (в соавторстве). – депонир. Махачкала, 1999; “Дербент и дербентское владение в XVIII – пер. пол. XIX в.” (политическое положение и экономическое развитие). Махачкала, 1998; “Дербент во взаимоотношениях России, Турции и Ирана в XVIII – пер. пол. XIX в.” Махачкала, 2001.”

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН**



instituteofhistory.ru